

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1912.

№ 8.

АПРѢЛЬ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. (Къ тридцатилѣтію его святительства). (Окончаніе). **Прот. П. Воинна** 181—184
- Ученіе св. Іоанна Златоуста о боговдохновенности Библии. (Продолженіе). **Д. Леонардова** 185—205
- Вѣра въ чудеса съ точки зрѣнія современной богословской науки. (Окончаніе). **С. Голощапова** 206—223
- А. С. Хомяковъ, его жизнь, ученіе и значеніе въ общественной исторіи Россіи. (Продолженіе). **Н. Шебатинскаго** 224—253
- Культъ римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ. (Окончаніе). **В. А. Мелихова** 254—259
- Факты и воспоминанія изъ жизни герцоговнина на службѣ по духовно-учебному вѣдомству. (Продол.). **Прот. І. Пичеты**. 260—266

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Приемъ должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей у Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго въ лѣтнюю пору.—Объявленіе отъ Строительнаго Комитета по сооруженію Епархіальнаго Дома.—Отъ Предсѣдателя Отдѣла воздушнаго флота Великаго Князя Александра Михайловича.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія II. Слово на день Торжественнаго Входа Господня въ Іерусалимъ *Свящ. І. Артинскаго*.—Призваніе современныхъ пастырей (Продолженіе). *Свящ. Н. Загородскаго*.—Непринужденная бесѣда. (Окончаніе). *Свящ. Н. Липскаго*.—Миссіонерскій листокъ. „Подгорновщины“. *Архимандрита Арсенія*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 267—304).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., д. № 14,

1912.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годичное изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1910 г. за 8 руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦІИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ **семь рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

Отъ Строительнаго Комитета по сооруже­ нію Епархіальнаго Дома.

Освященіе зданія Епархіальнаго Дома, сооруже­
наго заботами Высокопреосвященнаго Архієпископа
Арсенія на изысканья имъ средства при участіи
духовенства, церквей и обителей епархіи назначено
на 17-е мая сего года.

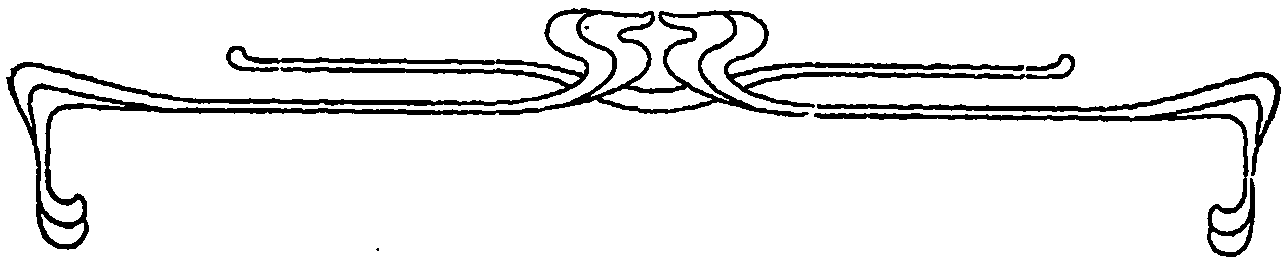
Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 31 Апрѣля 1912 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Θоминъ.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АРСЕНІЙ, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

(Къ тридцатилѣтію его святительства).

(Окончаніе) *).

Не смотря на то, что Харьковская епархія была мудро и благоуспѣшно устрояема ближайшими предшественниками Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія—Архіепископами Амвросіемъ и Флавіаномъ, однако послѣ уже перваго непосредственнаго ознакомленія съ нею Владыка Арсеній не могъ не усмотрѣть разнообразныхъ недостатковъ и многихъ глубокихъ нуждъ этой епархіи, къ коимъ и приложилъ новые свои труды и заботы во всей силѣ преобрѣтенныхъ знаній и опыта.

По своему обычаю онъ прежде всего обратилъ вниманіе на личный составъ епархіальнаго духовенства и сталъ непрестанно и непосредственно воздѣйствовать на него, призывая стоять на высотѣ своего назначенія. Съ этою цѣлю и здѣсь, какъ въ другихъ епархіяхъ, во время разныхъ Съѣздовъ и собраній духовенства, созываемыхъ имъ, такъ и во время своихъ частыхъ объѣздовъ по епархіи, онъ велъ поучительныя бесѣды съ нимъ, освѣдомляясь отъ него о состояніи епархіи, а главнымъ образомъ наставляя его служить достойно своего званія. Признавая за такими архипастырскими бесѣдами съ пастырями особливо благотворное значеніе, онъ ихъ называетъ „малыми соборами“. Замѣчательна была его бесѣда 5—7 октября 1903 года съ благочинными епархіи,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 7 за 1912 годъ.

созванными на Епархіальный Съездъ, и множествомъ высшихъ представителей епархіальнаго міра. Это было величественное собраніе „Харьковской церкви“, соборъ во главѣ съ Архипастыремъ. Здѣсь Владыка въ теченіи трехъ вечеровъ въ продолжительнѣйшихъ своихъ бесѣдахъ преподавалъ духовенству руководящія указанія по всѣмъ сторонамъ церковно--епархіальной жизни, попутно вызывая и выслушивая отвѣты и сообщенія пастырей о томъ, что и какъ дѣлается въ епархіи. Здѣсь твердо, такимъ образомъ, устанавливалось взаимное пониманіе Архипастыря и пастырей: эти послѣдніе посвящались во всѣхъ подробностяхъ во взгляды и намѣренія Владыки и потому знали, въ какомъ направленіи имъ должно пастырствовать. на что особенно должны обратить вниманіе. Эта бесѣда Архипастыря въ дальнѣйшемъ стала настоящимъ регуляторомъ и кормиломъ епархіальной жизни. Въ этомъ заключалось ея чрезвычайное практическое значеніе. Здѣсь Владыка бесѣдовалъ о томъ, почему онъ созвалъ на Съездъ благочинныхъ, въ чемъ состоитъ должность благочиннаго, насколько они должны быть вѣрны Епархіальной власти, о духовныхъ слѣдователяхъ и духовникахъ, о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ причта, о діаконахъ и псаломщикахъ, о частыхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто, о просфорницахъ, о церковныхъ старостахъ, объ обезпеченіи духовенства, богослужебныхъ журналахъ, церковныхъ лѣтописяхъ, вообще о церковномъ письмоводствѣ, о гнусности анонимныхъ доносовъ, объ архіерейской ревизіи церковей и о приѣмѣ архіерея, церковныхъ бібліотекахъ и архивахъ, о кладбищахъ, объ уставѣ и порядкахъ богослужебныхъ, ризницѣ, кажденіи, блagosловеніи и рукоцѣлованіи, о церковномъ пѣніи и чтеніи, о проповѣдничествѣ, объ отношеніи къ прихожанамъ, о церковно-приходскихъ попечительствахъ, обществахъ трезвости, о миссіонерствѣ, о церковно-приходскихъ школахъ и о школьномъ пѣніи, о монастыряхъ. Эта программа бесѣды Владыки показываетъ, какъ онъ своими разъясненіями широко охватилъ епархіальную жизнь: по всѣмъ отдѣльнымъ вопросамъ многоопытный и мудрый Владыка давалъ указанія ясныя, точныя и практически жизненныя, напр., Владыка говорилъ:—„Скажу о діаконахъ. Я крайне былъ недоволенъ тѣми изъ нихъ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть во время поѣздокъ, по епар-

xiii. Небрежность замѣчается прежде всего уже во внѣшности: одѣты они въ невозможныя ряски, головы часто не причесаны. Положимъ, каждый одѣвается соразмѣрно получаемому доходу, но, какъ бы ни былъ малъ доходъ, приличіе должно быть соблюдаемо, а тѣмъ болѣе при встрѣчахъ своего Архипастыря... Затѣмъ, служить они почти не умѣютъ: изъ сотни діаконовъ трудно указать десятокъ такихъ, которые бы умѣли хорошо кадить, правильно и вѣремя произносить эктени и другія молитвословія. И это тѣмъ болѣе странно, что многіе изъ подобныхъ діаконовъ состояли ранѣе учителями, значить до нѣкоторой степени уже люди образованные и имѣющіе возможность понять, что хорошо и что худо. Слѣдите, братія, за тѣмъ, чтобы діаконы отвѣчали своему назначенію“...; или: „не желательны, говорилъ Владыка, отступленія отъ устава и въ приходскихъ церквахъ. Между тѣмъ нерѣдко псаломщики осмѣливаются уклоняться отъ выполненія устава, а священники вѣремя не вразумляютъ подобнаго рода лицъ, не учатъ ихъ и получается служба, такъ сказать, скомканная. Но этого быть не должно! Вы, о.о. благодѣтели, должны за этимъ наблюдать. Если по слабости человѣческой пастырь и можетъ позволить при совершеніи богослуженій нѣкоторое сокращеніе устава, то псаломщики самовольно этого дѣлать никогда не должны. Но во дни особенно дорогіе для православныхъ христіанъ по религіознымъ воспоминаніямъ, напр., въ Св. Четырдесятницу и дни страстной седмицы никакихъ уклоненій отъ устава не можетъ быть допускаемо. Вообще же всѣ отступленія отъ устава, допускаемыя священниками, должны быть ради однообразія съ вашего вѣдома и согласія“... И всѣ остальные наставленія Архипастыря въ этой бесѣдѣ были столь же просты, убѣдительно и практичны. Вообще эта бесѣда его превратилась для епархіальнаго духовенства въ настоящую школу практическаго пастырскаго богословія.

Въ заботахъ о пастырскомъ самообразованіи духовенства Высокопреосвященный Арсеній поощрялъ благочинныхъ устраивать и улучшать благочинническія бібліотеки. Съ этою же цѣлію онъ принесъ въ даръ епархіальному духовенству въ день празднованія двадцатипятилѣтія своего святительскаго служенія 17 мая 1907 года свою громадную и цѣнную бібліотеку. Съ самыхъ первыхъ поръ своего свящи-

тельствования на Харьковской кафедрѣ онъ имѣлъ мысль устроить для объединенія епархіальной и просвѣтительной дѣятельности духовенства такъ называемый Епархіальный Домъ. Къ сожалѣнію недостатокъ средствъ не далъ ему возможности осуществить свою мысль въ полной мѣрѣ. Но зато онъ, благодаря своей настойчивости и предусмотрительности, устроилъ прекрасное зданіе для Епархіальной Библиотеки и Церковно-археологическаго Музея съ обширнымъ заломъ для собраній епархіальнаго духовенства и въ немъ же помѣщеніе для Епархіальной типографіи. Средства для этого сооруженія могъ найти только Владыка Арсеній, а ихъ потребовалось для приведенія зданія въ совершенно законченный видъ до 45.000 р. Освященіе и открытіе сего Епархіальнаго Дома предназначено на 17 мая сего 1912 года. Отнынѣ онъ станетъ хранилищемъ для епархіи книжныхъ и церковно-археологическихъ сокровищъ, средствомъ просвѣщенія и культурнымъ памятникомъ благородной просвѣтительной ревности Высокопреосвященнаго Архіепископа. Духовенство въ знакъ вѣчной и безпредѣльной благодарности за это своему попечительному Архипастырю постановило назвать домъ „Арсеніевскимъ“ съ утвержденіемъ на зданіи мраморной доски съ этимъ названіемъ.

По распоряженію же Владыки Арсенія особая коммисія изъ компетентныхъ лицъ епархіальнаго вѣдомства выработала планъ преобразованія мѣстныхъ „Епархіальныхъ Извѣстій“ при журналѣ „Вѣра и Разумъ“ въ пастырско-руководственный листокъ, на страницахъ коего пастыри обсуждаютъ разнообразныя предметы своей приходской дѣятельности. Такимъ образомъ, научный, богословско-философскій, журналъ „Вѣра и Разумъ“ сталъ епархіальнымъ средствомъ живого литературнаго обмѣна мыслей мѣстнаго духовенства.

Уже въ первые годы святительства Высокопреосвященнаго Арсенія въ Харьковѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ его распоряженій касательно укрѣпленія въ епархіи церковнаго порядка.

Въ области епархіальнаго управленія онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы Консисторія, Епархіальный Училищный Совѣтъ, Епархіальный Миссіонерскій Совѣтъ и Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія дѣйствовали не изоли-

рованно, но взаимно объединялись бы и согласовались во всѣхъ своихъ административныхъ отправленіяхъ. Консисторія съ первыхъ дней его святительства въ Харьковѣ стала предметомъ особливаго его вниманія и заботъ. Онъ изыскалъ средства для ея капитальнаго ремонта и устройства въ ней квартиры секретаря. Заботясь объ улучшеніи матеріальнаго положенія служащихъ въ консисторіи чиновниковъ, онъ нашелъ средства для построенія большаго и удобнаго зданія подъ квартиры для всѣхъ служащихъ въ консисторіи, чего нѣтъ еще пока ни въ одной епархіи. Близко слѣдя за дѣлопроизводствомъ консисторіи, онъ достигъ особенной быстроты и исправности въ консисторскихъ работахъ. Для Присутствія Консисторіи онъ установилъ особые распорядки, обуславливающіе непрерывность и своевременность дѣйствій его.

При объѣздахъ епархіи онъ съ глубокою скорбію видѣлъ ветхіе храмы, но еще больше болѣлъ душою объ отсутствіи храмовъ въ отдаленныхъ хуторахъ; поэтому онъ предпринималъ всѣ мѣры къ постройкѣ новыхъ храмовъ въ захолустныхъ уголкахъ епархіи и открытію новыхъ приходовъ, при чемъ самъ всегда входилъ во всѣ подробности таковыхъ дѣлъ. За время его святительства въ Харьковской епархіи уже выстроено до 50-ти новыхъ храмовъ и открыто 32 новыхъ прихода.

Будучи по обыкновенію своему весьма требователенъ къ монашеской жизни обитателей, Владыка Арсеній при посѣщеніи ихъ съ силою обличалъ непорядки и внушалъ монашествующимъ исполнять свои обѣты и быть въ безусловномъ послушаніи своимъ начальникамъ. Въ особливую ему заслугу надобно поставить то, что онъ всегда настойчиво призывалъ монастыри Харьковской епархіи къ развитію миссіонерской и особенно благотворительной дѣятельности. Съ его благословенія въ монастыряхъ ведутся миссіонерскія бесѣды какъ съ монашествующими, такъ и съ богомольцами. Относительно монастырской благотворительности Высокопреосвященный Владыка 18 октября 1906 года далъ консисторіи предложеніе: „Въ настоящее время въ консисторіи ведется дѣло, касающееся нѣсколькихъ монастырей Харьковской епархіи; благовременнымъ нахожу поднять вопросъ объ организаціи при нашихъ монастыряхъ благотворитель-

ности. Въ каждомъ монастырѣ должна быть больница съ амбулаторіей, богадѣльня, школа и пріютъ. Консисторія сей важный вопросъ обсудить. Но не практичнѣе ли для работы сего предмета назначить комиссію, которая потрудилась бы при моемъ руководствѣ? Разсудить консисторіи“. Была образована комиссія изъ опытнѣйшихъ лицъ, каковая комиссія, строго сообразуясь съ матеріальными средствами монастырей и съ многими наличными условіями, напр.: существованіемъ уже въ нѣкоторыхъ монастыряхъ школъ, большихъ больницъ для монашествующихъ и даже богадѣленъ (при Ряснянскомъ монастырѣ), выработала сложный и обстоятельный проектъ организациі благотворительности при всѣхъ монастыряхъ епархіи на самыхъ широкихъ началахъ, который сталъ потомъ проводиться въ жизнь чрезъ Консисторію съ подлежащими измѣненіями, указаніями и съ утвержденія Архіепископа. Этимъ проектомъ намѣчено слѣдующее: 1) чтобы при трехъ монастыряхъ епархіи (Святогорскомъ, Ряснянскомъ и Ахтырскомъ) были открыты богадѣльни на 15—20 чел. духовнаго званія, а также и для бѣдныхъ свѣтскаго званія, съ отведеніемъ для всѣхъ ихъ помѣщеній съ необходимою мебелью, кроватями и матрацами, пищи отъ монастырской трапезы, а въ случаѣ нужды и бѣдности призрѣваемыхъ—то и бѣлья, одежды и обуви; 2) чтобы впредь до устройства особыхъ богадѣленъ при женскихъ монастыряхъ Верхне-Харьковскомъ (Николаевскомъ) и Богодуховскомъ были временно отведены и надлежаще приспособлены при всѣхъ женскихъ обителяхъ епархіи по двѣ комнаты въ монастырскихъ гостинницахъ, для помѣщенія въ нихъ престарѣлыхъ лицъ духовнаго званія, по 4—5 чело-вѣкъ въ каждой обители, съ отведеніемъ имъ содержанія на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ мужскихъ; 3) чтобы существующія при всѣхъ монастыряхъ больницы и пріемные покои были расширены, а гдѣ нѣтъ таковыхъ, вновь устроены—какъ для монастырскихъ насельниковъ, такъ и для окрестнаго населенія, гдѣ бы фельдшера и фельдшерицы оказывали медицинскую помощь, на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ—амбулаторнымъ (приходящимъ) больнымъ изъ окрестнаго населенія, и отпускать имъ бесплатно лѣкарства и 4) чтобы при всѣхъ рѣшительно монастыряхъ были расширены или вновь устроены церковно-приходскія школы, а при жен-

скихъ обителѣхъ—сверхъ сего—еще и интернаты для дѣвочекъ сиротъ, коихъ рекомендовано принимать монахинямъ, опытнымъ въ воспитаніи и монашеской жизни, въ свои келіи, впредь до оборудованія этого сложнаго, но и въ высшей степени важнаго дѣла. Всѣ эти благотворительныя учрежденія надобно признать безусловно полезными и необходимыми какъ для самихъ монастырей, такъ и для епархіальнаго духовенства и для населенія окружающаго монастыри. Монастыри имѣютъ нравственный долгъ по мѣрѣ средствъ своихъ оказывать благотворительную помощь населенію, отъ котораго малыми лептами, а иногда и крупными пожертвованіями они собираютъ свои средства.

Благодаря хлопотамъ Высокопреосвященнаго былъ основанъ новый Семиренъковскій женскій монастырь въ Богодуховскомъ уѣздѣ, гдѣ особенно распространена секта хлыстовъ. Спасовъ скитъ на мѣстѣ событія 17 октября 1888 года былъ обращенъ въ самостоятельную обитель, а Оомовская женская община, Старобѣльсктго уѣзда, возведена въ штатный монастырь.

Въ своихъ заботахъ о сиротствующемъ духовенствѣ онъ предпринялъ рядъ мѣръ для облегченія его положенія. Такъ, по его инициативѣ въ епархіи была учреждена съ 1 января 1906 года, по образцу Казанской епархіи, касса единовременныхъ пособій на случай смерти. Епархіальный Сиротскій пріютъ расширенъ, содержаніе въ немъ сиротъ упрощено и удешевлено, заведено въ немъ строго расчетливое и экономное хозяйство.

Любовью и отеческими заботами было взыскано Харьковское Епархіальное Братство Озерянскія Божія Матери съ первыхъ же дней вступленія Архіепископа Арсенія на Харьковскую кафедру. Оно только-что было открыто—25 января 1903 года, и на долю Высокопреосвященнаго Владыки выпало утвердить выработанный Уставъ его. Новоучрежденное Братство онъ принялъ въ особливую свою любовь, воспиталъ, укрѣпилъ его, прочно поставилъ его существованіе и обезпечилъ ему его будущее. На основаніи прежняго своего широкаго опыта Владыка намѣчалъ ему задачи дѣятельности и указывалъ наилучшіе и практичнѣйшіе способы ихъ осуществленія. Онъ привлекъ въ число обязательныхъ членовъ его все епархіальное духовенство, дерковныхъ старость и

служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, чѣмъ сразу умножилъ число его членовъ и обезпечилъ значительный приливъ къ нему матеріальныхъ средствъ. По его мысли и согласно его указаніямъ расширена дѣятельность Братства открытіемъ и устройствомъ по епархіи уѣздныхъ отдѣленій его, съ большимъ успѣхомъ теперь развивающихъ свою просвѣтительную дѣятельность по уѣзднымъ городамъ и селамъ. Онъ пожелалъ, чтобы Братство направляло свою просвѣтительную миссію и на образованную часть горожанъ. Съ этою цѣлію по его указаніямъ были организованы Братствомъ, и уже девять лѣтъ съ возрастающимъ успѣхомъ ведутся въ Харьковѣ научно-богословскія чтенія. Онъ призвалъ Братство къ руководительству проповѣдническою дѣятельностію городского и уѣзднаго духовенства. Съ этою цѣлію онъ поручалъ ему устраивать пастырскія собранія, иногда самъ присутствовалъ на нихъ и руководилъ ими. Здѣсь организовывались проповѣдническіе кружки, намѣчались кромѣ приходскихъ храмовъ особые пункты для пастырскихъ соборствованій съ народомъ, обсуждались темы и программы чтеній и бесѣдъ. Благодаря этому въ епархіи настолько широко уже развилось проповѣдничество и веденіе религіозно-нравственныхъ чтеній, что это составляетъ нынѣ поистинѣ отраднѣйшую черту епархіальной жизни. Рядомъ съ этимъ онъ оживилъ и литературно-издательскую дѣятельность Братства: по его указанію оно стало издавать и пріобрѣтать со стороны, по мѣрѣ увеличенія своихъ средствъ, все въ большемъ размѣрѣ проповѣдническіе сборники, брошюры, листы и воззванія для бесплатной раздачи народу въ тысячахъ экземпляровъ и для чтенія въ подвижныхъ библіотекахъ и витринахъ. По его благословенію и при его щедрой помощи Братство осуществляло и свою благотворительную задачу, живо отзываясь на общественныя нужды и бѣдствія, жертвуя иногда крупными лептами на военныя нужды, на общину Краснаго Креста, на голодающихъ, на пострадавшихъ отъ землетрясенія и др. и оказывая широкую помощь миссіонерскому дѣлу. Въ настоящее время, такимъ образомъ, Братство, подъ руководствомъ Архипастыря, является самымъ живымъ и широкимъ просвѣтительнымъ органомъ епархіальной жизни.

Вмѣстѣ съ этимъ Высокопреосвященный Арсеній сво-

имъ искреннимъ сочувствіемъ и содѣйствиемъ сталъ поощрять открытіе въ епархіи церковно-приходскихъ попечительствъ и Обществъ третвости.

Наконецъ, Высокопреосвященный Владыка много заботъ вложилъ и въ возможно болѣе широкую организацію миссіонерскаго дѣла въ епархіи. Главное было въ средствахъ. Таковыя онъ изыскалъ изъ суммъ Епархіальнаго Свѣчнаго Завода, въ добавленіе же къ нимъ уѣздныя отдѣленія Братства изыскали еще и мѣстныя средства. Благодаря этому Архипастырь могъ осуществить свое давнее желаніе устроить въ епархіи сѣть миссіонеровъ, а именно—были открыты въ помощь епархіальному миссіонеру должности пяти его помощниковъ, уѣздныхъ миссіонеровъ, миссіонеровъ-ревнителѣй и миссіонеровъ-книгоношъ. Въ помощь противораскольническому миссіонеру были открыты должности младшихъ противораскольническихъ миссіонеровъ изъ среды приходскихъ священниковъ съ ассигнованіемъ всѣмъ имъ приличнаго содержанія. По распоряженію Владыки инструкціи для всѣхъ ихъ были составлены епархіальнымъ миссіонеромъ. По мысли Владыки для подготовки начетчиковъ миссіонеровъ изъ народа по приходамъ было учреждено множество такъ называемыхъ „Миссіонерскихъ Кружковъ“. Въ 1911 году по его благословенію состоялся Съѣздъ всѣхъ дѣятелей епархіальной миссіи, на которомъ были выработаны наилучшіе способы борьбы съ сектантствомъ и обсуждены мѣры къ надлежащей организаціи епархіальной миссіи. Такимъ образомъ, Владыка Арсеній за истекшее время своего святительства въ Харьковѣ успѣлъ создать надежный и широкій кадръ миссіонеровъ, борцовъ съ сектантствомъ, во главѣ которыхъ за все это время стояли выдающіеся знатоки и дѣятели миссіи въ должности Харьковскихъ епархіальныхъ миссіонеровъ: Д. И. Боголюбовъ, И. Г. Айвазовъ и профессоръ протоіерей Т. И. Буткевичъ, а въ настоящее время Л. З. Кунцевичъ. Вокругъ этой передовой арміи борцовъ съ сектантствомъ группируется множество подготовленныхъ и выученныхъ къ этому дѣлу ревнителѣй добровольцевъ изъ народа—членовъ многочисленныхъ въ епархіи Миссіонерскихъ Кружковъ. При такой организаціи дѣла въ епархіи развилась самая живая, интенсивная и широкая миссіонерская борьба съ мѣстнымъ расколо-сектантствомъ, ка-

кой дотолѣ еще не было здѣсь. Поистинѣ годы славнаго святительства въ Харьковской епархіи Владыки Арсенія являются эпохой расцвѣта въ ней епархіальной миссіи, давшей мощный и грозный отпоръ наглому сектантству, поднявшему здѣсь голову послѣ изданія превратно понятаго имъ Высочайшаго Указа 17-го апрѣля 1905 года о вѣротерпимости...

Еще вступая въ управленіе епархіей, Владыка Арсеній на первомъ же приѣмѣ представителей епархіальнаго духовенства оказалъ свое высокое вниманіе церковно-приходской школѣ, назвавъ ее истинною дочерію Церкви Христовой. Въ тотъ же день всѣ церковно-школьные дѣятели были призваны имъ къ самымъ горячимъ заботамъ и попеченію о церковныхъ школахъ, къ ихъ созиданію и плодотворной работѣ. Онъ самъ сталъ во главѣ этихъ дѣятелей и своею поистинѣ неутомимою дѣятельностію показалъ всѣмъ великій примѣръ усердія, зажегъ духъ новой энергіи во всѣхъ своихъ соработниковъ. Насаждая повсюду новыя ц.-приходскія школы, онъ въ тоже время поддерживалъ и укрѣплялъ прежде открытыя и своею постоянною заботливостію и руководствомъ довелъ церковно-школьное дѣло до настоящаго блестящаго положенія, при которомъ Харьковская епархія заняла одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду другихъ епархій. Число церковныхъ школъ возросло до 828. Свыше 200 новыхъ школьныхъ зданій вполне благоустроенныхъ создано его заботливостію, вслѣдствіе чего и число учащихся дошло до 50.000 ч.

Сумма мѣстныхъ поступленій на содержаніе школъ достигла небывалыхъ прежде размѣровъ въ 180.000 р., благодаря чему тяжелый трудъ учащихся и матеріальное обезпеченіе школъ значительно улучшилось. Такое процвѣтаніе церковно-школьнаго дѣла въ епархіи достигнуто имъ не столько силою формальныхъ указовъ и предписаній, сколько непосредственнымъ и личнымъ обращеніемъ къ школьнымъ дѣтелямъ. При обзорѣ школъ Архипастыръ выказывалъ самую глубокую и нѣжную любовь къ дѣтямъ, сердечную заботу объ ихъ религіозно-нравственномъ образованіи и чисто отеческую ласку къ каждому изъ нихъ. Горячо любить Владыка дѣтей, и эту любовь онъ ставитъ въ основу всѣхъ своихъ широкихъ и настойчивыхъ заботъ о церков-

ныхъ школахъ, и въ ней же одной онъ видитъ истинный залогъ ихъ процвѣтанія.

Съ отеческою попечительностію относится Высокопреосвященный Архіепископъ и къ мѣстнымъ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Благодаря его заботамъ хозяйственная часть сихъ заведеній была введена въ строгія рамки смѣты и ассигновокъ, введена тщательная отчетность, упорядочена и упрощена экономія заведеній. Для умноженія семинарской бібліотеки онъ принесъ ей въ даръ избранную свою бібліотеку въ 1200 экз. томовъ. Имъ были изысканы мѣстные средства для неоднократныхъ капитальныхъ ремонтовъ семинарскаго зданія и переустройства водопровода, для открытія VII класса при женскомъ Епархіальномъ Училищѣ и для устройства церкви при Купянскомъ Духовномъ Училищѣ. По его же настоянію составляется изъ епархіальныхъ средствъ капиталъ, достигшій нынѣ уже 120.000 р., на крайне необходимое устройство въ Харьковѣ второго Епархіальнаго женскаго Училища, въ виду необычайнаго переполненія теперешняго женскаго Училища, единственнаго на всю обширную епархію. Онъ не довольствуется офіціальными донесеніями о состояніи училищъ, но самъ непосредственно ознакомляется съ ними, весьма часто посѣщая ихъ и всякій разъ преподавая учащимъ и учащимся задушевные отеческія наставленія.

Искренняя любовь къ дѣтямъ, ласковость и простота обращенія снискали ему общую любовь учащихся дѣтей въ сихъ заведеніяхъ. Къ сожалѣнію 1905 годъ внесъ смуту и въ мѣстную Духовную Семинарію, въ коей нѣсколько зачинщиковъ подняли возмущеніе противъ ректора прот. І. Знаменскаго, достойнѣйшаго и непоколебимаго управителя Семинаріи. Возмущеніе заключилось ужаснымъ покушеніемъ на жизнь почтеннаго о. ректора, чрезъ облитіе лица его сѣрною кислотою. Послѣ этого происшествія виновники были преданы законной отвѣтственности, а невинно пострадавшій ректоръ вышелъ въ отставку. Высокопреосвященный Владыка во время этихъ прискорбныхъ событій неоднократно самъ безъ инспекціи бесѣдовалъ съ воспитанниками, разъяснялъ имъ безуміе и преступность ихъ движенія, обличалъ и уговаривалъ ихъ придти въ себя и спокойно заняться науками. Благодаря сильному нравственному вліянію Архипастыря и

его твердому руководительству въ это трагическое для семинаріи время разгорѣвшееся было движеніе здѣсь улеглось.

Въ 1905 году Высокопреосвященный Владыка былъ вызываемъ на чреду для присутствованія въ Св. Синодѣ. Здѣсь соприкасаясь съ дѣйствовавшимъ тогда при Св. Синодѣ Предсоборнымъ Присутствіемъ, онъ потомъ высказалъ свои взгляды на всѣ предметы предстоявшихъ церковныхъ реформъ, основанные на всемъ опытѣ многолѣтней Архипастырской жизни, въ изданной имъ книгѣ „Желательные реформы на предстоящемъ Всероссійскомъ Помѣстномъ Соборѣ (Харьковъ, 1907 г.)“, въ коей онъ придерживается умѣренно-прогрессивнаго, но и строго каноническаго строя реформъ. Долголѣтнія и усердныя его труды во благо св. Церкви и родинѣ вновь были высоко оцѣнены Монаршею властью, удостоившею его 6-го мая 1907 года Высочайшаго рескрипта съ выраженіемъ ему Монаршей признательности за архипастырскіе труды истекшаго двадцатипятилѣтія его святительскаго служенія и 6 мая 1908 года награжденія при Высочайшемъ рескриптѣ брилліантовыми знаками ордена св. бл. князя Александра Невскаго.

За все время его святительствованія на Харьковской каедрѣ Харьковское епархіальное духовенство и общество духовно сблизилось съ нимъ, полюбили его, платя ему за его особое пастырско-просвѣтительное усердіе глубокимъ и неподдѣльнымъ уваженіемъ и признательностію. 17 мая 1907 года исполнилось 25 лѣтъ его святительскаго служенія. Этотъ юбилейный день сложился въ необычайное и грандіозное торжество для епархіи. Духовенство и всѣ слои общества, духовныя и свѣтскія учрежденія приняли горячее участіе въ этомъ празднованіи совершеніемъ торжественнѣйшихъ богослуженій; самое же событіе было ознаменовано учрежденіемъ при Епархіальномъ женскомъ училищѣ и Духовной семинаріи стипендій имени Высокопреосвященнаго Арсенія. На торжественнѣйшемъ и величественнѣйшемъ актѣ, посвященномъ событію, участники празднованія въ цѣломъ рядѣ адресовъ и подношеній выразили ему, насколько вся паства цѣнитъ его многоплодную жизнь и труды и насколько онъ дорогъ для епархіи какъ достойнѣйшій преемникъ прежнихъ славныхъ Харьковскихъ Архипастырей.

Таковы жизнь и труды на церковномъ поприщѣ Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія.

Несомнѣнно, что наиболѣе полно и ярко выразились его міросозерцаніе и характеръ въ періодъ его святительствованія, коему 17 мая сего 1912 года исполняется 30 лѣтъ. Въ условіяхъ своего архипастырскаго служенія онъ всегда располагалъ наиболѣе широкими и разнообразными средствами для осуществленія своихъ начинаній. Если можно такъ выразиться, онъ болѣе всего высказалъ себя именно въ своемъ святительствованіи. И какъ много здѣсь мы находимъ въ высшей степени поучительнаго для себя въ смыслѣ пониманія истинныхъ цѣлей современнаго пастырствованія и способовъ ихъ осуществленія!...

Руководящая идея святительствованія Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія—ясна. Она такъ рельефно сказывается во всей исторіи его жизни и во всѣхъ сторонахъ его дѣятельности: это—жизнь въ Церкви Христовой. Осуществлять въ личной своей жизни и въ общественной своей дѣятельности завѣты св. Церкви, осуществлять искренно, настойчиво и самоотверженно, всегда проникаться духомъ церковности—задача каждаго русскаго православнаго чловѣка, а тѣмъ болѣе пастыря Православной Церкви. Любить Церковь и все церковное и жить жизнью Церкви—это одно только даетъ всѣмъ и каждому силу, бодрость и утѣшеніе жизни... Несомнѣнно, что Высокопреосвященный Архіепископъ былъ воспитанъ въ этомъ духѣ еще своими родителями съ первыхъ дней дѣтства. Часто любитъ Владыка вспоминать со слезами своихъ отца и мать, ихъ глубочайшую и ревностную вѣру, ихъ преданность и любовь къ св. Церкви, трудолюбіе, простоту, терпѣніе и ихъ безпредѣльное чадолубіе. Любовь къ Церкви утвердилась въ немъ еще тогда, когда онъ съ отцомъ своимъ и братьями неопустительно ходилъ въ Церковь, читалъ и пѣлъ на клиросѣ, когда первую и главною его учебною книгою дома былъ Часословъ, когда вся его дѣтская жизнь проходила въ храмѣ, около храма и подъ его сѣнію. Въ одномъ своемъ словѣ (7 марта 1908 г. въ Духовной семинаріи) онъ говорилъ: „Блаженной памяти матушка моя, добрая, любящая женщина, истинная труженица, была настолько религіозна, что не позволяла себѣ никакихъ отступленій отъ церковныхъ требованій

относительно, напр., провозженія дней поста. И отъ насъ дѣтей она требовала, чтобы въ продолженіе поста мы отказывались и отъ пустыхъ бесѣдъ и увеселеній и отъ скоромной пищи. Помню, бывало, дастъ намъ по куску ржаного хлѣба, а сама не ѣстъ. Спросимъ: почему? „Я, говоритъ, уже взрослая, пожилая, могу и должна говѣть до вечера“. Скажутъ, все это маловажно. А я скажу: напротивъ, похвально было то, съ какою точностію русскіе православные люди заботились объ исполненіи заповѣдей церковныхъ“. Поэтому-то часто Владыка говоритъ о важности семейнаго религіознаго воспитанія и о необходимости сохраненія вѣры и духа церковности въ самыхъ нѣдрахъ духовенства—въ семьяхъ... Самъ лично Владыка находитъ величайшее утѣшеніе и радость въ исполненіи строго церковныхъ уставовъ и обычаевъ жизни, богослуженій, торжествъ, крестныхъ ходовъ. Все, что св. Церковію установлено,—прекрасно, величественно, спасительно, мудро. Надобно только всѣми силами заботиться осуществлять въ полной мѣрѣ заповѣди и указанія Церкви, и тогда обнаружится во всей красотѣ несравненное величіе ея. Нечего ко всему этому прибавлять, или измѣнять по своему: это только повредитъ порядку Церкви. Всѣ несовершенства въ нашей церковно-религіозной жизни главнымъ образомъ отъ насъ самихъ, отъ нашей невнимательности, непослушанія, неусерднаго отношенія къ задачамъ церковнымъ. Тамъ, гдѣ пастырь ревностенъ, богобоязненъ, любящій церковный духъ, тамъ благотворно развивается церковно-православная приходская жизнь...

Любя церковность, Высокопреосвященный Арсеній является прежде всего ревностнѣйшимъ блюстителемъ церковной дисциплины. Онъ лично даетъ примѣръ самоотверженнаго исполненія своего архипастырскаго долга, вѣрности своему призванію и положенію и благороднѣйшаго отношенія къ лицамъ іерархическимъ. Чрезвычайно трогательно видѣть, какъ маститый и заслуженнѣйшій Архипастырь, не смотря на высоту и авторитетность своего личнаго положенія въ Россійской церкви, при встрѣчахъ съ другими Архипастырями или высшими церковными дѣятелями относится къ нимъ съ неподдѣльною и благородною почтительностію, съ выраженіями своего глубокаго къ нимъ уваженія. Какъ онъ, бываетъ всегда усерденъ и предусмо-

трителинъ въ своихъ приготовленіяхъ къ приему подобныхъ лицъ, заботясь о томъ, чтобы воздать своему высокому гостю все должное по его сану и положенію! Этого же онъ всегда требуетъ и отъ подчиненнаго ему духовенства. Нарушенія церковной дисциплины и преступленія противъ пастырскаго долга онъ не терпитъ, не взирая на лица и не допуская ходатайствъ за нарушителей... Владыка всегда и настойчиво внушаетъ духовенству, чтобы самое внѣшнее поведеніе его было запечатлѣно тономъ дисциплиннаго благообразія. Глубоко возмущается онъ, когда видитъ явившееся къ нему духовное лицо въ неряшливой одеждѣ, безъ знаковъ заслугъ и отличія, съ манерами свободными и грубыми. Съ какимъ глубокимъ негодованіемъ выговариваетъ онъ, напримѣръ, псаломщику, пришедшему къ нему на приемъ въ коротенькой тужуркѣ, въ самыхъ узкихъ панталонахъ или же въ сапогахъ ботфортахъ! Какъ стыдно предъ Владыкой становится священнику, которому Владыка замѣчаетъ, что онъ явился къ нему съ докладомъ не въ скуфін, съ подстриженными волосами, въ какихъ-то манжетахъ и въ брюкахъ на выпускъ!.. Какъ скорбитъ потомъ Владыка, вспоминая о нихъ, что эти лица съ отпечаткомъ нецерковности и уродливой свѣтскости служатъ Св. Церкви!..

Этотъ духъ церковности Высокопреосвященный Архіепископъ со всею силою своего краснорѣчія всегда внушаетъ своей паствѣ въ многочисленнѣйшихъ своихъ словахъ, поученіяхъ и бесѣдахъ. Любимыя его темы—это во 1-хъ наставленія паствѣ соблюдать уставы, заповѣди и правила Церкви: долгъ говѣнія, посты, поминовеніе усопшихъ, посѣщеніе храмовъ, домашнюю молитву, уваженіе къ духовенству, воспитаніе дѣтей въ церковномъ духѣ, и во 2-хъ объясненіе народу смысла богослужебныхъ особенностей, священнодѣйствій, молитвословіи, пѣснопѣній и священныхъ предметовъ. Рядомъ съ устными своими наставленіями на этотъ счетъ Владыка предпринималъ цѣлый рядъ мѣръ для поднятія въ паствѣ богослужебной уставности и церковнаго чина. Съ первыхъ дней своего святительствованія въ Харьковѣ онъ зорко присматривался къ религіозно-нравственной жизни народа и не могъ не обратить вниманія на то, что народъ при богослуженіи въ храмѣ не знаетъ, когда надобно наклонять голову, становится на колѣни, прекло-

няться до земли и т. п., что благовѣсть къ началу богослуженій въ праздничные и буденные дни совершается не по уставу, по произволу въ разное время, и самыя замѣчательныя церковныя службы совершаются не въ надлежащее время, что самый благовѣсть, звонъ, трезвонъ и перезвонъ исполняется не умѣло и разнообразно, что крестные ходы въ епархіи совершаются не по правиламъ, вызывая много недоразумѣній и жалобъ. Въ виду этого Владыка обнародовалъ свое посланіе къ пастырямъ и паствѣ, разъяснивъ правила соблюденія молящимися обрядовъ при богослуженіи. По его же распоряженію были составлены правила о крестныхъ ходахъ, благовѣствѣ, времени совершенія церковныхъ службъ въ городахъ и селахъ, и введены въ дѣйствіе, устанавливая всюду благообразіе и порядокъ въ церковной жизни.

Но въ особенности всю силу своей любви къ церковности Владыка Арсеній обнаруживаетъ въ своихъ богослуженіяхъ. Мы уже видѣли, какъ онъ необыкновенно усерденъ и неутомимъ въ совершеніи службъ церковныхъ разнаго рода. При этомъ никто болѣе его не заботится о томъ, чтобы устроить Богослуженіе какъ можно уставнѣе, величественнѣе и назидательнѣе. Имѣя въ этомъ отношеніи долголѣтній и богатый опытъ, руководствуясь примѣромъ замѣчательныхъ первосвятителей, съ кѣмъ приходилось служить ему, и въ особенности митроп. С.-Петербургскаго Исидора, Владыка Арсеній умѣетъ въ совершенствѣ организовать торжественное богослуженіе. Онъ каждый разъ заранѣе готовится въ всѣхъ подробностяхъ, давая свои указанія и распоряженія ключарю, регенту, протодіакону, ризничему и др. При этомъ ничто не остается не выясненнымъ. Чтобы сообщить богослужебной обстановкѣ красоту и установить точный порядокъ, онъ иногда заранѣе въ храмъ на мѣстѣ даетъ свои указанія. Онъ всегда заботится о томъ, чтобы всѣ служащіе при немъ совершали службу съ полнымъ благоговѣніемъ, умѣло, правильно и неспѣшно дѣйствуя, произнося возгласы громко, внятно и съ добрымъ настроеніемъ, совершая всѣ священнодѣйствія и обряды истово и благообразно. Избирая на богослуженіе или опредѣляя на мѣста священно-церковно служителей, онъ весьма часто, а діаконъ и псаломщикъ почти всегда самъ испытываетъ, какъ они умѣютъ служить, и какой у нихъ голосъ. Съ перваго же

возглашенія діакона онъ безошибочно опредѣляетъ годность или негодность его для службы. Для кафедральнаго собора и Архіерейскаго Покровскаго монастыря онъ умѣлъ подобрать прекрасный клиръ пѣвцовъ, чтецовъ, иподіаконовъ и діаконовъ. Но истинною душою и вдохновителемъ въ этихъ богослуженіяхъ всегда является самъ Высокопреосвященный Владыка Арсеній. Любитъ онъ служить и умѣетъ, и служитъ съ величайшею радостію и умиленіемъ. Возглашаетъ пріятнымъ, громкимъ и внятнымъ голосомъ, часто съ легкимъ волненіемъ и дрожаніемъ отъ слезъ умиленія, священнодѣйствуетъ величественно и спокойно, проникаясь глубокимъ и молитвеннымъ настроеніемъ. Естественность, величіе и умиленіе,—три прекрасныя черты въ гармоническомъ своемъ сочетаніи сообщаютъ его богослуженію глубокую впечатлительность и доставляютъ молящимся невыразимое и высочайшее наслажденіе. Вотъ почему его богослуженія въ Харьковѣ и епархіи всегда привлекаютъ великое множество молящихся. Народъ всегда заранее разузнаетъ, гдѣ будетъ служить Владыка и устремляется въ такой храмъ, переполняя его и своимъ многочисленнымъ придавая служеніямъ Владыки характеръ общенароднаго торжества...

Духу глубочайшей церковности Владыки Арсенія соотвѣтствуетъ и характеръ его удивительнаго проповѣдничества. Ревность его въ проповѣданіи Слова Божія безгранична. Онъ принадлежитъ къ числу плодовитѣйшихъ отечественныхъ нашихъ проповѣдниковъ. Не всѣ его слова, поученія, бесѣды и рѣчи отпечатаны. Но и отпечатанные по настоящее время уже составляютъ крупнѣйшій вкладъ въ церковную литературу: всѣхъ словъ въ полномъ собраніи вышло уже пять компактныхъ томовъ. Въ нихъ хронологически отпечатлѣлась вся исторія святительской жизни Высокопреосвященнаго Арсенія, какъ равно въ нихъ же ярко отразилась и жизнь русскаго народа епархіи, гдѣ служилъ Владыка въ теченіи 30 лѣтъ. Его проповѣди, поэтому, пріобрѣтаютъ глубокой автобіографической и общенсторической характеръ. Отмѣтимъ выдающіяся черты и особенности проповѣдничества Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія.

Всѣ свои слова и рѣчи Владыка произносилъ по поводу или совершенныхъ имъ богослуженій или частныхъ случаевъ и обстоятельствъ изъ жизни паствы и разныхъ

учрежденій. Всегда они имѣютъ нравственно-практической характеръ. Объяснивъ прочтенное на богослуженіи евангеліе, богослужебную пѣснь, молитву церковную, или же житіе празднуемаго святого въ связи съ евангельскимъ чтеніемъ, Архипастырь особое вниманіе затѣмъ останавливаетъ на правоучительныхъ выводахъ изъ нихъ. Просто, наглядно и воодушевленно онъ изображаетъ здѣсь красоту христіанскихъ добродѣтелей и величіе евангельскихъ заповѣдей, въ живыхъ чертахъ и подробно онъ отмѣчаетъ нравы и порядки современной нашей жизни. Съ глубокою силою обличая современное невѣріе, нравственную распущенность, людскія страсти и беззаконія, онъ съ нелицепріятною прямою восхваляетъ и ставитъ въ примѣръ мужество и благочестіе вѣрныхъ чадъ Церкви. Конструкція его проповѣдей чрезвычайно ясна и логически послѣдовательна. Въ живомъ произнесеніи слова Владыка обнаруживаетъ поразительную силу мысли и твердость памяти. Нерѣдко онъ говоритъ пространныя и длиннѣйшія поученія, въ которыхъ выдерживаетъ во всей точности преднамѣченный планъ ея, не отступая ни отъ порядка, ни отъ способа изложенія своихъ мыслей. Основная же мысль его слова всегда понятна, заключительный выводъ убѣдителенъ и естественъ изъ всего хода разсужденій проповѣдника. Тонъ cadaго его слова согрѣтъ глубокимъ чувствомъ и искренностію убѣжденій, нерѣдко въ немъ прорываются вспыхнувшее чувство умиленія и молитвенные возгласы. Проповѣдникъ глубоко переживаетъ въ сердцѣ своемъ то, о чемъ говоритъ, и самое слово его, поэтому, чрезвычайно живо, проникновенно и всегда находитъ живой откликъ въ сердцахъ слушателей. Слова его для народа необыкновенно понятны и умилительны. Этому содѣйствуютъ въ высшей степени замѣчательныя внѣшніе приемы проповѣданія Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія: они особенны, и какъ-то чрезвычайно настороживаютъ слушателей, возбуждаютъ особое вниманіе и поддерживаютъ это вниманіе до конца слова. Здѣсь прежде всего имѣютъ мѣсто приемы чисто отеческой бесѣды съ дѣтьми, одновременно и прекрасныя и величественныя, достойныя церковной кафедры. Такъ, иногда, начиная свое слово, онъ говоритъ съ ласковымъ движеніемъ правой руки: „подойдите ближе, и успокойтесь“..., или: „я буду говорить вамъ о ве-

личественномъ троарѣ сегодняшняго праздника, какъ онъ умилителенъ, пропоемъ его всѣ“... и начинается прекрасное общее пѣніе тропоря; или: „о, какое множество здѣсь молящихся! Какъ отрадно съ вами молиться!“; иногда онъ начинаетъ свое слово поздравленіемъ прихожанъ съ праздникомъ, или же вопросомъ: „какой, возлюбленная братія, нынѣ праздникъ у васъ? Кого мы воспоминаемъ и прославляемъ?“... Нерѣдко въ теченіи своего слова онъ обращается нѣсколько разъ къ слушателямъ съ вопросами, получая отъ нихъ отвѣты и по поводу ихъ продолжая свою рѣчь. Глубоко трогательные моменты бываютъ, когда Владыка, проникнутый умилениемъ, начинаетъ свое слово со слезами прерывающимся голосомъ, вызывая глубочайшее волненіе чувства у своихъ слушателей: такъ бываетъ всегда, когда онъ говоритъ по поводу общенародныхъ бѣдствій, мѣстнаго несчастія или же по поводу горя постигшаго какое либо учрежденіе. Такое незабвенное впечатлѣніе всегда производитъ его слово при совершеніи въ Покровскомъ архіерейскомъ монастырѣ чина „прощенія“ при вступленіи во дни Св. Четырдесятницы. Всегда Владыка свое слово старается приблизить къ слуху и чувствамъ молящагося народа. Такъ, иногда оставляя солею, онъ исходитъ для слова на средину храма на амвонъ, и оттуда поучаетъ, чтобы всѣ его слышали. При этомъ онъ сообразуется съ видимымъ настроеніемъ молящихся и, примѣняясь къ нему, ведетъ дальнѣйшія разъясненія, говоря: „Васъ это удивляетъ? Вы, я вижу, очень скорбите объ этомъ? Вы плачете? Вы волнуетесь?.. Такъ ли я говорю? Вѣрно-ли это?...“ Или же вдругъ, замѣтивши движеніе въ народѣ отъ прихлынувшей въ храмъ новой волны народа, говоритъ: „остановитесь, успокойтесь“..., и, помолчавъ, продолжаетъ свою рѣчь. Живости и впечатлительности его слова соответствуютъ голосъ его звучный, мягкій, душевный, движенія и отдѣльныя жесты руки плавныя и величественныя или же быстрыя и выразительныя, живое, открытое лицо, впечатлѣвающее чувства проповѣдника. Языкъ его проповѣдей—прекраснаго литературнаго характера, чисто русскій, безъ иностранныхъ словъ, изложеніе въ нихъ округленное, въ короткихъ законченныхъ фразахъ, длинныхъ періодовъ нѣтъ. Проповѣди его чрезвычайно изобилуютъ замѣчательно удачными, художественными, силь-

ными и оригинальными мыслями. Таковы, напр.,—„Несчастливы слѣпцы, но самые несчастные изъ нихъ слѣпцы зрячіе“; „Она, пресвят. Владычица, Покровительница наша, какъ Чадолубивая Мать, обтекающая жилища наши, совершаетъ свой дозоръ о нашей жизни и съ материнскою строгостію повѣряетъ насъ, бодрствуемъ ли мы, вѣрны ли мы завѣтамъ св. вѣры“!.; „Для насъ, духовныхъ, физическій трудъ дѣло не новое и не случайное. Божіею милостію я—нынѣ Архіепископъ, но въ своемъ дѣтствѣ и юности я никогда не уклонялся отъ труда: я косилъ на полѣ русскою косою не хуже добраго работника, я не чуждался брать въ руки грабли, работая ими рядомъ съ крестьянами, я молотилъ хлѣбъ въ четыре цѣпа, зимой на простыхъ салазкахъ возилъ бѣлье на рѣку помогая матери. И что-же? Унизилъ ли меня такой трудъ?“, „Ума у насъ достаточно, силъ хоть отбавляй, а рѣшимости и предприимчивости мало: лѣтъ много“; „Не скажу я, что религія больше нужна женщинѣ, чѣмъ мужчине; нѣтъ, религія тому и другой равно необходимы; но скажу, что женщина безъ религіи хуже мужчины“; „Отче Аврааме, пошли Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой, ибо я мучусь въ пламени семъ, я нестерпимо страдаю отъ сильной жажды, у меня пересохъ языкъ отъ адской жары; облегчи мои страданія, сжался надо мною, дай мнѣ хоть одну капельку воды!“; „Теперь остается провозгласить одну благую вѣсть, остается поднять край той священной завѣсы, изъ-за которой ясно видѣнъ наступающій день Рождества Христова,— и Св. Церковь сію священную завѣсу поднимаетъ намъ, провозглашая о Воплощеніи Господа Іисуса Христа въ евангельскомъ чтеніи въ навечеріи самаго праздника“; „Безъ доброй воли и знанія не впрокъ“; „Лѣта мои достигли старости, и силы начинаютъ слабѣть: вручая тебѣ сей жезлъ, прошу тебя: позволь и мнѣ иногда опереться на твой жезлъ“, говорилъ онъ новорукоположенному Епископу Алексію; „Если ты, говорилъ онъ игуменіи Меланіи, любила до селѣ Господа Бога своего, возлюби Его отнынѣ еще крѣпче всею душою, всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ своимъ. Любила ты, вѣдомо мнѣ, и ближняго своего, любила сестеръ своихъ: возлюби же ихъ отнынѣ еще болѣе“...; „Будь не только сестрою къ сестрамъ, но и матерью. Въ радости со-

радуйся, въ скорби сопечалуйся, наставь неопытную, подними споткнувшуюся, поддержи падающую, предостереги согрѣшившую и утѣшь ее“: „Вотъ тебѣ дамъ сей жезлъ, какъ выраженіе власти, отъ Бога тебѣ данной: запрети, накажи, защити симъ жезломъ. Пусть милость и истина срѣтаются въ тебѣ, правда и миръ облобызаются“...; „Кто будетъ праздновать храмовой праздникъ кладбищенской церкви? Кто призожале ея и гдѣ они?! Вотъ они... здѣсь кругомъ спятъ вѣчнымъ сномъ въ могилахъ! Здѣсь нѣтъ жилищъ живыхъ,—это обитель мертвыхъ“... Всѣхъ подобныхъ прекрасныхъ и оригинальныхъ выраженій Высокопреосвященнаго проповѣдника не перечестъ. Большинство изъ нихъ близки къ лучшимъ и благороднѣйшимъ изреченіямъ народной мудрости. Владыка любитъ говорить народу народнымъ же языкомъ.

Проповѣдничество Владыки Арсенія—живая школа живого слова для кандидатовъ священства и для всѣхъ пастырей. Какъ онъ желалъ бы, чтобы подвѣдомственные ему пастыри были всегда усердны въ проповѣданіи Слова Божія! Какъ часто и настойчиво напоминаетъ имъ объ этомъ! „Приучайтесь, говорилъ онъ оканчивающимъ курсъ Семинаріи, говорить импровизаціи. Живое слово дѣйствуетъ на сердце сильнѣе книжнаго. Не думайте, что говорить импровизацію въ сельскомъ храмѣ для назиданія сельскихъ жителей—дѣло трудное. Смотрите на это проще; прочитайте вы внимательно разъ, два или три дневное Евангеліе или Апостоль, у васъ непременно составитъ въ умѣ то, о чемъ можно рассказать слушателямъ; сдѣлайте къ этому разсказу соотвѣтствующее нравственное приложеніе, и у васъ выйдетъ пригодное для простаго народа поученіе. А случаевъ для такого рода поученій въ селѣ бываетъ много: то Господь посылаетъ засуху, то продолжительные дожди, то наступаетъ посѣвъ, то жатва и т. д. Все это такіе случаи, когда съ пользою для прихожанъ можно сказать многое“...

Въ лицѣ Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія Харьковская епархія имѣетъ Архипастыря многоопытнѣйшаго, умѣющаго въ управленіи епархіей сочетать строгость закона, силу и настойчивость воли, искусство въ выборѣ лицъ и вѣрныхъ средствъ для осуществленія архипастырскихъ начинаній и чисто отеческую доброту, милосердіе, снисходи-

тельность и пастырскую заботливость о спасеніи ввѣренныхъ ему духовныхъ чадъ. Крѣпокъ волею своею Владыка, строгъ, требователенъ, зорокъ, прозорливъ, но и милостивъ, любвеобилень какъ отецъ. Онъ покараетъ тебя по закону, обличить со всею силою, но онъ же и заплачетъ съ тобою о горѣ твоемъ, о твоихъ бѣдствіяхъ, ударахъ и потрясеніяхъ, и потомъ онъ не забудетъ тебя, пока не устроитъ все къ твоему благополучію. Часто за благодушно-шутливыми словами онъ уже слагаетъ серьезную, добрую и отеческую думу о тебѣ, за которой потомъ онъ полагаетъ рѣшеніе, способное поразить и тебя и другихъ мудростію, находчивостію и безконечною добротою Святителя. Изъ числа многочисленнѣйшихъ примѣровъ строгости и доброты Архипастыря отмѣтимъ слѣдующій. Священникъ сельскаго прихода совершилъ тяжкое преступленіе. Архипастырь утвердилъ рѣшеніе Консисторіи о низведеніи его въ причетники. Но, видя его раскаяніе и горе и зная его многосемейность и бѣдность, онъ перевелъ его на лучшее въ епархіи причетническое мѣсто къ городской церкви, гдѣ наказанный сталъ получать приходского дохода больше, чѣмъ въ селѣ священникомъ. Это Святитель умѣвшій научить свою паству бояться, а еще болѣе любить себя. А создать себѣ въ своей паствѣ славу Святителя, котораго съ благоговѣніемъ и уваженіемъ боятся, но еще болѣе любятъ,—это счастливый удѣлъ очень немногихъ, отмѣченныхъ Перстомъ Божиимъ.

Съ этими благородными чертами своего святительскаго характера Высокопреосвященный Арсеній еще соединяетъ непреклонную самостоятельность и стремленіе во всякомъ дѣлѣ самому дойти до сущности его и потомъ рѣшить по безпристрастному чувству правды и закона. Поэтому онъ всегда глубоко внимателенъ и пытливъ въ дѣлахъ епархіального управленія. Чтобы уяснить себѣ какой либо предметъ изъ епархіальной жизни, онъ не только изучаетъ его по бумагамъ, но спрашиваетъ множество прикосновенныхъ къ нему лицъ, наконецъ, стараясь по возможности увидѣть его на мѣстѣ, и потомъ уже полагаетъ твердое и безповоротное рѣшеніе.

Долговременный опытъ по управленію епархіями выработалъ въ немъ замѣчательныя и поучительныя привычки широкаго и неусыпнаго дѣятеля, а именно: неустанную дѣ-

ловитость, точность и своевременность работы и удивительную аккуратность.

При всей кипучей подвижности его природы эти качества въ немъ свидѣтельствуя о громадной выдержкѣ воли и глубокомъ его самовоспитаніи. Все сдѣлать по заранѣе распредѣленному порядку времени и работъ, ничего не откладывать и не оттягивать, все сдѣлать въ свое время, а сдѣлавши, все распредѣлить по своимъ мѣстамъ,—это постоянный девизъ его дѣятельности. Съ широкаго круга дѣлъ общепархіальныхъ эти черты отражаются на характерѣ и обстановкѣ его личной домашней жизни. Онъ не терпитъ здѣсь ни малѣйшихъ признаковъ беспорядка: его рабочій кабинетъ, бібліотека и всѣ помѣщенія его покоевъ—образецъ щепетильной чистоты, простоты и безукоризненнаго порядка; его письменный столъ при всей массѣ проходящихъ по нему бумагъ всегда прибранъ: все стоитъ и лежитъ на своемъ мѣстѣ. Говорить или слушаетъ онъ докладъ, а самъ машинально рукою складываетъ бумаги и бумажки на свои мѣста и въ свои папки, брошенный карандашъ кладетъ на письменный приборъ, возлѣ ставитъ часы случайно отодвинувшіяся въ сторону, лишнюю бумажку, отрывокъ бросаетъ въ корзину..., и столъ принимаетъ видъ совершенно до мелочей прибраннаго чуть ли не съ женскою щепетильностію. Совершенная простота домашней жизни, строгость монашескаго обихода жизни, крайняя умѣренность въ пищѣ и питіи,—свидѣтельствуя о томъ, какъ мало онъ заботится о себѣ лично, всецѣло и всегда поглощенный думами и заботами о выполненіи долга своего святительскаго служенія...

Такимъ образомъ, вся жизнь Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія и особенно тридцатилѣтіе его святительствованія слагаются въ подвигъ непрерывнаго, удивительнаго, кипучаго и совершенно самоотверженнаго труда во славу св. православной Церкви и благо ближнимъ. Отъ самыхъ дней дѣтства не легко жилось Святителю: это былъ путь труднаго и напряженнаго восхожденія его къ высшимъ и все болѣе широкимъ ступенямъ церковнаго служенія. Но, оглядываясь назадъ на длинный пройденный путь, онъ можетъ съ радостію, съ глубочайшимъ и блаженнѣйшимъ чув-

ствомъ нравственнаго удовлетворенія сказать: „поистинѣ подвигомъ добрымъ подвизахся..., слава Богу за все“!

Созерцая эту жизнь доблестнѣйшаго Харьковскаго Архипастыря, мы не можемъ не преклониться съ чувствомъ благоговѣнія и удивленія предъ ея величїемъ, не можемъ не признать, какъ она драгоцѣнна и плодотворна для Отечественной церкви и для Харьковской паствы. Да подкрѣпитъ же Верховный Пастыреначальникъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ силы душевныя и тѣлесныя Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Харьковскаго Арсенія и да сохранитъ жизнь его еще на долгіе годы къ радости и утѣшенію всѣхъ его духовныхъ чадъ и ко благу св. православной Церкви!

Прот. П. Ожанинъ.

УЧЕНИЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БИБЛІИ.

(Продолженіе *)).

VI.

Новый Завѣтъ разсматривается Златоустомъ какъ *высшее выраженіе божественнаго Откровенія на землѣ.*

Во Христѣ и чрезъ Христа человѣчество достигло высшей достигнутой для себя *полноты богопознанія.* Други Божіи и всѣ дивныя мужи познавали Христа еще прежде явленія Его во плоти. Они знали Сына Божія, знали что Онъ придетъ. Они пламенно хотѣли видѣть и слышать Его (Лук. X, 24). Очами вѣры они Его созерцали, слышали Его гласъ. Однако—не во плоти, не въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ обращался съ людьми и открыто съ ними бесѣдовалъ ¹⁾. Отсюда неизмѣримо разстояніе между дарами Христа и дарами ветхозавѣтными. Высшій изъ пророковъ, Моисей, какъ рабъ, былъ служителемъ дѣлъ низшихъ. Христось, какъ Владыка, Царь и Сынъ Царя, принесъ намъ дары несравненно высшіе, сосуществуя всегда со Отцомъ, видя Его непрестанно ²⁾.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ только человѣчество *приготовлялось* къ созерцанію величественнаго явленія Бога во плоти. Но ветхозавѣтнымъ пророкамъ внимали въ этомъ отношеніи даже не всѣ іудеи. Въ послѣдніе дни Богъ возглаголалъ намъ чрезъ Единороднаго Сына Своего. Человѣчество было удостоено высшаго и совершеннѣйшаго ученія. Тогда поко-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 7 за 1912 годъ.

¹⁾ In Ioann. VIII, 1 (M. LIX, 66, 67).

²⁾ In Ioann. XV, 1 (M. LIX, 97).

рилась и увѣровала вся вселенная ¹⁾. Христось, слѣдовательно, составляетъ центръ въ исторіи божественнаго Откровенія. Съ великимъ блескомъ сіяетъ слава Единороднаго во всей Библии. Не только въ евангельскихъ и апостольскихъ, но и въ пророческихъ изреченіяхъ ²⁾.

Велики были *блага, дарованныя человечеству чрезъ домо-строительство воплощенія*. Принявъ зракъ раба, проливъ драгоцѣнную Свою кровь, Христось разрушилъ смерть, попралъ грѣхъ, даровалъ обильнѣйшую благодать Духа, возвелъ людей къ высшему любомудрію (*πρὸς μέγιστα φιλοσοφίαν*) ³⁾. Великій даръ пришествія Христова и состоялъ въ томъ, что Божіей благодатию люди изъ младенцевъ сдѣлались мужами совершенными ⁴⁾. Христось возвысилъ человѣчество до высочайшихъ догматовъ, удостоивъ его великихъ тайнъ богопознанія ⁵⁾. Онъ Самъ содѣлался главою, основаніемъ, первенцемъ, путемъ, жизнью, свѣтомъ для возрожденнаго человечества ⁶⁾.

Въ связи съ только что изложеннымъ пониманіемъ Лица Христа и совершеннаго Имъ высокаго искупительнаго подвига стоитъ и *ученіе Златоуста о боговдохновенности въ Новомъ Заветѣ*. Новый Заветъ—это эпоха *высшаго любомудрія, великой благодати Духа* ⁷⁾. Взявъ начатокъ нашего естества и вознеся его, Христось, взамѣнъ сего, воздалъ намъ благодать Духа ⁸⁾. Это дарованіе Духа было величайшимъ изъ чудесъ ⁹⁾. Отъ избытка, отъ переполненія благодати, почившей на Христѣ (Іоан. I, 16) люди получили только малую часть, какъ бы нѣкую каплю. Но эта капля, эта частица Духа наполнила вѣдѣніемъ всю вселенную. Благодать Духа—вседовольна, если ея достаетъ на такую

¹⁾ In Ioann. XV, 2. 3 (M. LIX, 97. 100).

²⁾ Contra anom. XI, 1 (M. XLVIII, 797).

³⁾ In illud: 1 Cor. VII, 39—44 (M. LI, 219).

⁴⁾ De virgin. 84 (M. XLVIII, 595).

⁵⁾ Adver. iud. II, 2 (XLVIII, 860); cont. anom. X, 5 (XLVIII, 710); in Ioann. XXVI, 1 (M. LIX, 153).

⁶⁾ In I epist. ad Corinth. VIII, 4 (M. LXI, 72).

⁷⁾ De virginit. n. 50. 84 (XLVIII, 573, 574).

⁸⁾ De sancta Pentecoste: I, 5 (XLIX, 461).

⁹⁾ In Maffh. XI, 6 (M. LVII, 199).

вселенную, на столько вѣковъ. Наполняя всѣхъ своимъ богатствомъ, сама она нисколько не оскудѣваетъ ¹⁾).

Дарованіе Духа Божія содѣлало изъ апостоловъ *чрезвычайные органы* Божественнаго Откровенія. Уже самые символы сошествія на апостоловъ Св. Духа были необычайны. Въ Ветхомъ Завѣтѣ божественная благодать подавалась подъ другими образами: пророку Іезекилю подъ образомъ книжнаго свитка, Елисею—чрезъ посредство милоти, Давиду—посредствомъ елея. Моисей былъ призванъ посредствомъ горящей купины. На апостоловъ Духъ Божій сошелъ подъ видомъ бурнаго дыханія и огня (Дѣян. II, 2. 3), что служило знакомъ обилія и силы. Дѣйствительно, никто, даже большій изъ пророковъ Моисей не получилъ такъ, какъ апостолы ²⁾. Ветхозавѣтные пророки имѣли дарованіе Св. Духа. Но потомъ благодать пророчества отступила, оскудѣла, изсякла (ср. Матѳ. XXIII, 38). Напротивъ, въ Новомъ Завѣтѣ Духъ излился съ обиліемъ чрезвычайныхъ дарованій и притомъ на безчисленное множество людей ³⁾).

Съ дарованіемъ Духа, св. апостолы, бывшіе прежде людьми простыми, неучеными, некнижными, неизвѣстными, совершенно *перемѣнились* ⁴⁾. Прежніе рыбаки и скинотворцы воспарили въ высоту небесъ, удостоившись быть собесѣдниками Владыки вселенной ⁵⁾. Благодать Св. Духа содѣлала апостоловъ тверже адаманта ⁶⁾. Прежде некнижные и немудрые, они по принятіи Духа, своими смѣлыми вдохновенными рѣчами поражали слушателей. Духъ ихъ окрылилъ не допустивъ впасть ни въ какую человѣческую слабость ⁷⁾. Такимъ образомъ, благодать Духа содѣлала апостольство служеніемъ чрезвычайнымъ, заключающимъ въ себѣ безчисленные блага. Оно совмѣщало въ себѣ и превосходило всѣ дарованія. Св. апостоламъ Христосъ поручилъ все, что совершалъ на землѣ Самъ ⁸⁾.

¹⁾ In psalm. XLIV, 2, 3 (M. LV, 186, 187).

²⁾ In Act apost. IV, 1 (M. LX, 44, 45).

³⁾ In Ioann. LI, 2 (M. LIX, 284).

⁴⁾ In ep. I ad Cor. III, 4 (LXI, 28); in Act. apost. IV, 3 (M. LX. 46).

⁵⁾ In Ioann. XXXI, 3 (M. LIX, 179, 180).

⁶⁾ In Ioann. LXIX, 1 (M. LIX, 377).

⁷⁾ In Ioann. LXXV, 5 (M. LIX, 409).

⁸⁾ In epist. ad Rom. I, 1 (M. LX, 396).

На чрезвычайномъ значеніи благодатныхъ дарованій, почившихъ на апостолахъ, основывается *высокій авторитетъ и писаній*, которыя произошли или отъ нихъ непосредственно, или отъ учениковъ апостольскихъ. Самъ Христосъ не передалъ ничего писаннаго ¹⁾. Евангеліе царства Христа и составило первый предметъ апостольскихъ писаній. Во главѣ ихъ стоятъ именно четыре евангелія.

Въ широкомъ смыслѣ евангеліе о царствѣ Христовомъ началось не съ воплощенія только, но насаждено было въ книгахъ пророческихъ; въ Новомъ же Завѣтѣ оно прозябло и заблестало ²⁾. Справедливо названы евангеліями такія писанія, въ которыхъ изложено благовѣстіе Христа. Они говорятъ намъ о разрѣшеніи грѣховъ, оправданіи, освященіи, искупленіи, всыновленіи, наслѣдін небесъ, сродствѣ съ Сыномъ Божиимъ. Богъ—на землѣ, человекъ на небѣ,—таково идейное содержаніе евангелій ³⁾.

Какъ благовѣстіе Христово не есть человѣческое, но божественное, превышающее всякое естество ⁴⁾, такъ и писанія, излагающія его, т. е. *евангелія, суть писанія божественныя* (τὰ θεῖα εὐαγγέλια) ⁵⁾. Евангелій—четыре, но, вслѣдствіе полнаго согласія написаннаго въ нихъ, они представляютъ какъ бы одно евангеліе. Хотя бы евангелія писались весьма многими, множество пишущихъ не препятствовало этимъ писаніямъ составлять одно, когда въ нихъ излагалось одно и то же. Напротивъ: если писалъ бы одинъ кто-либо, но противоположное, то написанное имъ, конечно, не было бы однимъ ⁶⁾.

Доказательствомъ высшаго божественнаго происхожденія евангелій служитъ даже свидѣтельство враговъ истины. Много ересей учило противно евангельскимъ писаніямъ. Однѣ изъ нихъ приняли все, сказанное въ евангеліяхъ, другія—только часть. Если бы въ евангеліяхъ не было согласія, то перваго рода ереси не приняли бы ихъ въ цѣломъ составѣ, а только часть, болѣе приспособленную къ лжеуче-

¹⁾ In Ier. XXXI, 33 (LXIII, 981).

²⁾ Hom. de Legislatore (M. LVI, 397).

³⁾ In Matth. I, 2 (M. LVII, 15, 16).

⁴⁾ In epist. ad Roman. I, 2 (M. LX, 396).

⁵⁾ Adver. iud. I, 3 (M. XLVIII, 847).

⁶⁾ Ad Gal I, 6 (M. LXI, 621. 622).

нію. Равнымъ образомъ и второго рода ереси не были бы опровергаемы тою же самою частью евангелій, которую онѣ приняли. Въ четырехъ евангеліяхъ даже самыя малыя части имѣють сродство съ цѣлымъ. Какъ въ каждой части тѣла находятся всѣ части тѣлеснаго состава: нервы, жилы, кости, артеріи, кровь, такъ и каждая часть написаннаго въ евангеліяхъ ясно показываетъ сродство съ цѣлымъ. Здѣсь-то и обнаруживается сила Духа Святаго ¹⁾. Конечно, и одинъ евангелистъ могъ написать все. Но вѣдь писали четверо, не въ одно и то же время, не въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не сносясь и не сговариваясь другъ съ другомъ. Если же написали такъ, какъ будто все произнесено одними устами, то въ этомъ—величайшее доказательство истины ²⁾.

Въ самыхъ различіяхъ между евангеліями Златоустъ видитъ несомнѣнные признаки ихъ боговдохновенности. Разногласія въ мелочахъ освобождаютъ составителей евангелій отъ всякаго подозрѣнія въ недостоверности. Евангелія говорятъ кое-что различное касательно времени и мѣста событій. Не всѣ евангелисты сказали все о чудесахъ, но одинъ описалъ одни, другой—другія. Однако, въ томъ случаѣ, если бы евангелисты были согласны до точности, до самыхъ словъ, никто не повѣрилъ бы, что они писали такъ не по обычному уговору, а именно вслѣдствіе искренности ихъ. Кромѣ того, если бы одинъ евангелистъ сказалъ все, то остальные оказались бы лишними. Напротивъ, если бы каждый евангелистъ написалъ различное и новое, въ сравненіи съ другими, то ихъ согласіе не было бы очевидно ³⁾. Всѣ разногласія между евангеліями—ничтожны, а противорѣчій—нѣтъ. Иное дѣло—разногласить, другое—противорѣчить ⁴⁾. Источникъ такой гармоніи опредѣленно указывается Златоустомъ: евангелисты писали, исполнившись Духа Божія ⁵⁾.

Самые составители евангелій характеризуются Златоустомъ, какъ други небеснаго Царя. Они слышали отъ Хри-

¹⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 18).

²⁾ In Matth. I, 2 (M. LVII, 16).

³⁾ Ibidem: I, 2 (LVII, 16. 17).

⁴⁾ Ibidem: I, 4 (M. LVII, 18).

⁵⁾ I, 1. (col 15).

ста все, что Онъ отъ Своего Отца (Ioan. XV, 15) ¹⁾. Христось возбуждалъ душу евангелистовъ ²⁾. Духъ святости, Духъ правый, владычественный, дающій другія очи, способныя видѣть будущее, какъ настоящее, сподобляющій насъ созерцать во плоти то, что есть на небесахъ, глаголалъ въ апостолахъ и евангелистахъ ³⁾. На благодатныхъ крыльяхъ Духа Божія они парили, какъ легкіе орлы, въ высотѣ, достигая самого неба ⁴⁾. Оставивъ все земное, они говорятъ только о небесномъ ⁵⁾, начертываютъ образъ небесной жизни ⁶⁾. Возвышенные догматы вѣры, превосходныя правила жизни, проповѣдываемыя евангелистами, обнаруживаютъ, что Духъ вѣщалъ въ нихъ изъ самыхъ глубинъ Своихъ ⁷⁾.

О первомъ евангелистѣ Златоустъ сообщаетъ: „Матеей написалъ книгу, исполнившись Духа Божія“ ⁸⁾. Если онъ былъ мытаремъ и въ то же время писателемъ-евангелистомъ, то это больше всего обнаруживаетъ благодать Духа и собственную его добродѣтель, какъ человѣка ⁹⁾. Преданіе о томъ, что Матеей, по просьбѣ увѣровавшихъ іудеевъ, пришедшихъ къ нему, написалъ имъ то, что говорилъ устно, и составилъ евангеліе на языкѣ еврейскомъ, стараясь главнымъ образомъ доказать происхождение Христа отъ Авраама и Давида, хорошо извѣстно Златоусту ¹⁰⁾. Читателямъ св. евангелія св. отецъ внушаетъ благоговѣйное отношеніе къ св. тексту. Если царскія грамоты прочитываются въ театрѣ при полной тишинѣ, то тѣмъ болѣе должно стоять съ напряженною душою и слухомъ, когда читаются повелѣнія не земного царя, а Владыки ангеловъ ¹¹⁾. Какъ писавшій прежде другихъ, евангелистъ Матеей останавливается на важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни Спасителя ¹²⁾.

О второмъ евангеліи Златоустъ говоритъ, что оно было написано въ Египтѣ, по просьбѣ учениковъ Марка ¹³⁾.

¹⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 26).

²⁾ In illud: Ioan. V, 17; hom. IX (M. LXIII, 513).

³⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 27).

⁴⁾ In Ioan. XXIII, 3 (M. LIX, 142).

⁵⁾ In Matth. I, 4 (M. LVII, 18).

⁶⁾ In Matth. I, 5 (M. LVII, 20).

⁷⁾ In Ioan. II, 1 (M. LIX, 30).

⁸⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 15).

⁹⁾ Ibidem.

¹⁰⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

¹¹⁾ In Matth. I, 8 (M. LVII, 24).

¹²⁾ Ibidem: IV, 1 (M. LVII, 39).

¹³⁾ In Matth. I, 3 (M. LVII, 17).

Повѣствуя о томъ, что еще ранѣе было пересказано и сдѣлалось извѣстнымъ чрезъ евангелиста Матѳея, Маркъ наблюдаетъ краткость ¹⁾. Кромѣ того, по мнѣнію Златоуста, это есть послѣдствіе вліянія на евангелиста со стороны ап. Петра, который вообще любилъ краткость ²⁾.

Евангелистъ Лука былъ причастенъ Духа Святаго ³⁾, а потому и его произведеніе не было обыкновенной исторіей ⁴⁾. Сравнительная полнота евангелія Луки, напр., при изложениі родословія Христа, объясняется подражаніемъ его составителя ап. Павлу, который въ писаніяхъ своихъ разливается, какъ рѣка ⁵⁾.

Четвертое евангеліе, не разногласно съ прочими, однако различается отъ нихъ весьма значительно. Три первые евангелиста стараются преимущественно изложить исторію земной жизни Господа ⁶⁾. Они большею частью повѣствуютъ о человѣческомъ естествѣ Сына Божія ⁷⁾. Всѣ они, поэтому, начинаютъ съ воплощенія; Матѳей говоритъ о книгѣ родства Иисуса Христа, какъ сына Давидова; Лука повѣствуетъ о Маріи; Маркъ изглагаетъ разсказъ о Крестителѣ ⁸⁾. Въ то время, какъ одинъ евангелистъ начинаетъ съ царя, Прода, другой—отъ Тиверія—кесаря третій—отъ крещенія Іоаннова, евангелистъ Іоаннъ не полагаетъ для себя такого земного предѣла, восходитъ выше всякаго времени и вѣка, говоря сразу объ изначальномъ, предвѣчномъ рожденіи Сына Божія ⁹⁾. Въ исторіи евангелистъ Іоаннъ изъ многого пересказываетъ только немногое. Такъ въ теченіе цѣлаго года, даже въ праздникъ Пасхи онъ не упоминаетъ ни объ одномъ чудѣ, кромѣ исцѣленія разслабленнаго и еще сына у царедворца ¹⁰⁾. Зато четвертое евангеліе—обильно многими догматами, наполнено словами и бесѣдами Христа.

¹⁾ Ib. IV, 1 (LVII, 39).

²⁾ Ibidem (col 39).

³⁾ In Act. apost. I, 3 (LX, 17).

⁴⁾ In Act. ap. I, 2 (LX, 16).

⁵⁾ In Matth. IV, 1 (LX, 39).

⁶⁾ Ibidem: I. 3 (M. LVII, 17).

⁷⁾ In Ioann. IV, 1 (M. LXI, 47).

⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ Ibidem (col. 47); cp. in Matth. I, 3. (LVII, 17).

¹⁰⁾ In Ioann. XLII I (M. LIX. 239).

Однако, предметъ четвертаго евангелія—не похожъ на докетическій призракъ. Евангелистъ не разъ повѣствуетъ, какъ Господь плакалъ, удерживалъ скорбь и пр., желая, несомнѣнно, показать, какимъ естествомъ былъ облеченъ Господь. О человѣческихъ же дѣлахъ Христа евангелистъ иногда говоритъ гораздо уничиженнѣе именно потому, что болѣе другихъ говоритъ о Немъ великаго¹⁾.

Достойно удивленія, по мысли Златоуста, какъ то, что евангелистъ Іоаннъ, устремившись къ возвышеннѣйшему слову, не оставилъ безъ вниманія воплощенія, такъ и то, что первые три евангелиста, повѣствуя о воплощеніи, не умолчали о предвѣчномъ бытіи Христа²⁾. Здѣсь обнаруживается, что евангелисты какъ бы раздѣлили между собою по частямъ великую задачу описанія Лица Искупителя³⁾. Совершенное единомысліе ихъ показываетъ, что одинъ Духъ двигалъ души ихъ всѣхъ⁴⁾.

Божественное происхожденіе четвертаго евангелія подтверждается уже *характеристикой* его составителя. Когда узнаемъ, кто онъ былъ, откуда и отъ кого происходилъ, каковъ былъ самъ по себѣ, а потомъ услышимъ его голосъ и любомудріе, тогда убѣдимся, что евангеліе не было его собственнымъ произведеніемъ, но дѣломъ божественной силы, которая дѣйствовала въ его душѣ. Отечества у евангелиста не было почти никакого. Онъ происходилъ изъ бѣднаго селенія изъ самой презрѣнной въ то время страны, которая не имѣла въ себѣ ничего хорошаго и вошла, поэтому, въ пословицу (Іоан. VII, 52). Онъ былъ сыномъ бѣднаго рыбака, до того бѣднаго, что и дѣтей своихъ онъ готовилъ къ тому же самому ремеслу: добровольно этого, если къ этому не принудить бѣдность, не сдѣлаетъ ни одинъ ремесленникъ, когда ремесло его низко. Нѣтъ среди трудящагося класса бѣднѣе, презрѣннѣе, невѣжественнѣе рыбаковъ. Однако, и между ними одни—выше, другіе—ниже. Апостолъ въ этомъ отношеніи занималъ послѣднюю ступень. Не въ морѣ онъ ловилъ рыбу, а трудился въ небольшомъ озерѣ. По внѣшнему же образованію это былъ человѣкъ не только простой,

¹⁾ In Ioann. LXIII, 2 (M. LIX, 350).

²⁾ Ibidem: IV, I. (M. LIX, 47).

³⁾ Ibidem: XVII, I (M. LIX, 108).

⁴⁾ Ibidem: IV, I. (M. LIX, 47).

но и безграмотный, о чемъ свидѣтельствуеть ев. Лука¹⁾. Какъ понять, что этотъ рыбарь, вращавшійся около озеръ, сѣтей и рыбъ, происходившій изъ Виесаиды галилейской, сынъ бѣднаго до убожества рыбаля, человѣкъ простой до послѣдней степени простоты, не изучавшій наукъ, принесъ намъ въ своемъ евангеліи столь возвышенныя догматы, столь превосходныя правила жизни?²⁾ Ясно, что евангеліе не было собственнымъ произведеніемъ его³⁾, что не онъ самъ, а Богъ чрезъ него вѣщалъ роду человѣческому⁴⁾. Не только рыбаля, но хотя бы ритору, софисту, филозофу—не свойственно излагать столь возвышенныя ученія⁵⁾.

Въ восторженныхъ выраженіяхъ говоритъ Златоустъ о божественномъ происхожденіи, о возвышенномъ характерѣ благовѣстія четвертаго евангелиста. Изъ глубинъ божественнаго Духа ап. Іоаннь изрекаетъ такія тайны, которыхъ не знали даже ангелы прежде совершенія ихъ. Ангелы, начала, власти, херувимы, серафимы (ср. Еф. III, 10), вмѣстѣ съ нами получили познанія чрезъ гласъ Іоанна⁶⁾. Какъ бы чрезъ духовную трубу, услышавъ отъ Духа божественныя тайны, возглашалъ Іоаннь, сынъ громовъ, въ своемъ евангеліи⁷⁾. Обращаясь къ образамъ, Златоустъ называетъ ев. Іоанна великимъ орломъ, превзошедшимъ духомъ небо и премірныя силы, начавшимъ свое благовѣстіе отъ самой вершины всего. Одинъ проповѣдуя вѣчное и премірное любуудріе, евангелистъ превзошелъ голосъ всякаго грома. Обыкновенный громъ устрашаетъ и орошаетъ: орошаетъ чрезъ облака, устрашаетъ чрезъ звукъ. Голосъ Іоанна также имѣетъ эти свойства: орошаетъ Церковь и поражаетъ скопище еретиковъ⁸⁾.

По вопросу о *внѣшнемъ поводѣ* къ написанію евангелія св. Златоустъ всецѣло стоитъ на почвѣ церковной традиціи. Такъ, какъ первые три евангелиста старались по преиму-

¹⁾ In Ioann. II, 1. (M. LIX, 29, 30).

²⁾ Ibidem: (M. LIX 30).

³⁾ Ibidem: (col. 29).

⁴⁾ Ibidem: (col. 29).

⁵⁾ Ibidem: II, 3 (M. LIX 33).

⁶⁾ In Ioann. I, 2 (M. LIX, 26).

⁷⁾ In Ioann. VII, I (LIX, 63).

⁸⁾ Hom. in illud: Ioan, I, 1 et I Cor. II, 10; num. (M. LXIII, 543).

ществу изложить исторію земной жизни Христа, то ученію о Его божествѣ угрожала опасность остаться нераскрытымъ. Побуждаемый Христомъ, Іоаннъ и приступилъ къ написанію евангелія. Поэтому, не съ земного, подобно прочимъ евангелистамъ, а съ небеснаго, которое главнымъ образомъ имѣлось въ виду, началъ свою книгу ев. Іоаннъ ¹⁾).

Изъ второй половины новозавѣтнаго канона о *книгѣ Дѣяній апостольскихъ* Златоустъ говоритъ, что она можетъ принести не менѣе пользы, чѣмъ Евангеліе. Книга исполнена высокаго любомудрія, чистоты догматовъ и обилія чудесъ, совершенныхъ Св. Духомъ ²⁾. Все, что заключается въ этой книгѣ, достойно удивленія ³⁾. Въ ней таится великое сокровище ⁴⁾. Дѣянія излагаютъ не только миссіонерскіе подвиги св. апостоловъ, но и многіе догматы, лежащіе въ основаніи нашего спасенія (*τῆς οἰκονομίας*) ⁵⁾. Св. Лука былъ причастенъ Духа ⁶⁾. Онъ былъ не сочинителемъ книги, а служителемъ благодати Духа, потому что не самъ произвелъ сказанное, а послужилъ сказанному ⁷⁾. Въ одномъ случаѣ Златоустъ говоритъ, что книгу написалъ Духъ Святой ⁸⁾, въ другомъ—творцомъ ея называетъ Христа ⁹⁾.

Изъ посланій апостоловъ къ канону Златоустъ относитъ *три соборныхъ посланія и четырнадцать павловыхъ* ¹⁰⁾.

Первовиновникомъ посланій св. апостоловъ Златоустъ называетъ или Христа, или Св. Духа. Онъ учитъ, что Христосъ говоритъ, возвѣщаетъ чрезъ апостоловъ ¹¹⁾, двигаетъ устами, душами ихъ ¹²⁾ преподаетъ чрезъ нихъ Свои законы и догматы ¹³⁾. Собственно о вдохновеніи св. апостоловъ, какъ писателей, Златоустъ говоритъ: апостолами двигалъ Духъ

¹⁾ In Ioan. I, 3 (LIX, 17).

²⁾ In Act. apost I, 1 (M. LX 14).

³⁾ Ibid. (LX, 15).

⁴⁾ Ib. (LX, 13).

⁵⁾ Ibidem (LX, 14, 15).

⁶⁾ In Act. apost. I, 1 (M. LX 15).

⁶⁾ Ibidem: I, 2 (LX 17).

⁷⁾ M. LI 101.

⁸⁾ M. LI 73.

¹⁰⁾ Срав. напр. цитаты изъ посланія ап. Іакова V, 14, 15 въ sacerdot. III, 6 (M. XLVIII 644); изъ посланія ап. Петра (IV, 8); in Act apost XL, 3 (M. LX 285); изъ 1-го посланія ап. Іоанна (I, 5): in evang. Ioann. V, 3 (M. LIX, 57).

¹¹⁾ Contr Anom, II, 5 (M. XLVIII, 716).

¹²⁾ Adv iud. II, 1 (M. XLVIII, 858).

¹³⁾ De virgin. 12 (M. XLVIII, 514).

Божій¹⁾, апостолы писали по внушенію Духа Божія²⁾, излагали, преподавали намъ опредѣленія благодати Духа, божественное законы³⁾, говорили не свое, а то, что внушаетъ благодать Духа⁴⁾; наставленія апостоловъ, слѣдовательно, суть дѣло благодати Духа⁵⁾. Еще сильнѣе отгвняется божественныя вліяніе въ писательскомъ вдохновеніи апостоловъ формулами: „это голосъ апостола, а ученіе Христа“⁶⁾, „апостольскій голосъ движется Духомъ“⁷⁾ „сердце апостола было сердцемъ Христовымъ скрижалію Духа Святого“⁸⁾.

Высшее происхожденіе и божественный авторитетъ апостольскихъ писаній ставятся Златоустомъ въ органическую связь съ сущностью самого апостола. Апостольство стоитъ на недостижимой высотѣ, на которой въ исторіи божественнаго Откровенія не находилась ни одна изъ прочихъ духовныхъ властей. Находясь выше всего, голова не только есть начало и власть тѣла, но и корень, потому что нервы, управляющіе тѣломъ, исходя изъ нея, произрастая изъ самаго мозга и оживляясь духомъ, управляютъ всѣмъ животнымъ составомъ. Также и—апостольство: оно не только стоитъ выше прочихъ дарованій, какъ начало и власть ихъ, но содержитъ въ себѣ, какъ бы въ сосредоточіи, корни ихъ всѣхъ⁹⁾.

Весьма часто и подробно говоритъ Златоустъ о боговдохновенности апостола Павла. Глубокое уваженіе къ благовѣстію апостола языковъ, обиліе почившихъ на немъ даровъ Духа Божія, многочисленность апостольскихъ писаній, постоянный экзегесисъ ихъ съ проповѣднической кафедрой,—все это служитъ достаточнымъ объясненіемъ, почему великая личность апостола языковъ какъ бы вновь оживаетъ, воскресаетъ подъ перомъ Златоуста. Здѣсь лучшій представитель школы антиохійской Златоустъ

1) Ad stel. II, 5 (M XLVIII, 419).

2) Ad viduam: II, 1 (M. XLVII, 611).

3) De libello repud, II, 4 (in illud: 1 Cor. VII, 39—40); n 4 (M. LI 223).

4) De stat I, 1 (M. XLIX, 17).

5) Ibidem: de stat. I 2 (M. XLIX, 18).

6) Contr iud, II, 1 (M. XLVIII, 858).

7) Cp. M. XLVIII, 696.

8) In ep ad Rom. XXXII, (M. LX. 630).

9) De utilit lection, Script. III, 3 (M. LI, 92).

совершенно сходится съ великими александрійцами: Климентомъ, Оригеномъ и др.

Первоклассный по краснорѣчію ораторъ въ мірѣ, ставившій для себя идеаломъ ап. Павла, Златоустъ, однако, *чувствуетъ свое безсиліе* предъ задачей: въ полной мѣрѣ изобразить дивную красоту, всеобъемлющее величіе и неисчерпаемое богатство апостольскаго благовѣстія. „Пламенѣю любовью къ этому мужу“, говоритъ Златоустъ, „непрестанно обращаюсь къ нему; взирая на душу его, какъ на нѣкоторый первообразъ, удивляюсь въ немъ господству надъ страстями, высокому мужеству, пламенной любви къ Богу: размышляю, какъ одинъ человекъ прибрѣлъ по усердію своему всю совокупность добродѣтелей“¹⁾. „Люблю, говоритъ въ другомъ мѣстѣ святитель, останавливаться на этомъ мужѣ и созерцать красоту добродѣтели его. Не столько мои очи радуется солнцу взошедшее и испускающее свѣтлые лучи, сколько душу мою просвѣщаетъ Павелъ. Солнце озаряетъ глаза, а Павелъ какъ бы на крыльяхъ возноситъ насъ къ самымъ сводамъ небесъ, возводитъ душу выше солнца и луны“²⁾. „Постоянно слушая чтеніе посланій блаженнаго Павла,—я радуюсь, наслаждаюсь духовною трубою, восхищаюсь, воспламеняюсь желаніемъ, узнавая любезный мнѣ голосъ. Мнѣ почти кажется, будто онъ явился, присутствуетъ предо мною: я вижу какъ онъ бесѣдуетъ“³⁾. Въ пламенномъ восторженномъ удивленіи и восхищеніи апостоломъ языковъ, св. Златоустъ желалъ бы видѣть прахъ тѣхъ устъ, чрезъ которыя Христость излагалъ великія и неизреченныя тайны, даже большія тѣхъ, какія Самъ возвѣстилъ; прахъ устъ, которыми Духъ сообщилъ вселенной дивныя просвѣщенія Свои. Св. отецъ Церкви желалъ бы созерцать и прахъ сердца Павлова, которое было сердцемъ вселенной, источникомъ безчисленныхъ благъ, стихіей жизни христіанской (ср. 2 Кор. VI, 2 и II 4)⁴⁾. Ему любезенъ и прахъ рукъ апостольскихъ, которыми были написаны его боговдохновенныя посланія (Гал. VI, II; 1 Кор. XVI, 21)⁵⁾. Любить апостола не препятствуетъ

1) In. Gen. cap. II; XI, 5 (M. LIII, 95. 96).

2) De poenitentia: hom. II, 5 (M. XLIX, 291).

3) In epist. ad Roman Praefacio I (M. LX, 391).

4) I In ep. ad Rom. hom. XXXII, 3 (M. LX, 679).

5) Ibidem: XXX II, 4, (M. LX, 680).

то, это онъ для глазъ нашихъ невидимъ. Каждый день мы созерцаемъ памятники добродѣтелей апостольскихъ. Устроение св. Церкви, ниспроверженіе нечестія, переменна жизни, уничтоженіе заблужденія, разрушенныя жертвенники, замкнутыя капища,—все это произвела сила слова ап. Павла, воодушевляемая благодатію божественною. Наконецъ, самыя посланія апостола въ точности изображаютъ намъ черты его блаженной души ¹⁾).

Многосторонни и разнообразны тѣ духовныя дарованія, которыхъ удостоился великій благовѣстникъ. Душа ап. Павла—лугъ добродѣтелей, духовный рай. Такъ какъ св. апостоль содѣлался избраннымъ сосудомъ и хорошо очистилъ себя, то на него обильно излился даръ Духа. Этотъ даръ и содѣлался источникомъ дивныхъ писаній апостола. Языкъ—не въ силахъ достойно восхвалить того, кто въ одной душѣ своей совмѣстилъ всѣ добродѣтели не только человѣческія, но и ангельскія ²⁾. Ничто не можетъ сравниться съ душою ап. Павла, лучше же сказать: не съ его душою,—такъ какъ не самъ онъ достигъ этого,—а съ благодатію которая, дѣйствовала въ немъ и побѣждала все ³⁾. Никакой полководецъ не былъ такъ дружествененъ царю, какъ ап. Павелъ—Богу⁴⁾. Христосъ возжегъ въ душѣ ап. Павла пламя, которое обняло поверхность всей земли, достигло самаго неба, какъ бы прошло небесный сводъ. Но и здѣсь св. апостоль не остановилъ своего теченія, будучи восхищенъ до третьяго неба (2 Кор. XII, 2) ⁵⁾. Этотъ святой, дивный проповѣдникъ въ совершенствѣ преподавалъ великія тайны богопознанія ⁶⁾. Всю вселенную прошелъ этотъ велегласнѣйшій проповѣдникъ истины, оставивъ человечеству свои исполненныя великой мудрости слова ⁷⁾. Гражданинъ небесный, хотя еще облеченный немощнымъ тѣломъ, столпъ Церкви, земной

¹⁾ In illud: 2 Corinth. XI 1; n. 2 (M. LI, 303).

²⁾ Hom. de laudibus S. Pauli ap, 1 (M. L, 473).

³⁾ In illud: 1 Corinth II, 1—2; h. V^o 1 (M. LXI, 47).

⁴⁾ De oratione: II (M. L, 784).

⁵⁾ Ad Stelechium: II, 2 (M. XLV° III, 413).

⁶⁾ De anguis; 6 (M. LVI, 508).

⁷⁾ Adversus eos, qui apud se habent virgines introductas S (M. XLV° II, 501).

ангелъ, человѣкъ небесный¹⁾, мудрый врачъ душъ²⁾, св. ап. Павелъ, хотя не одинъ былъ апостоломъ, справедливо называется апостоломъ по преимуществу (*κατ' ἐξαιρέτων*)³⁾. Другого Павла по благодати и чудесамъ уже не будетъ никогда⁴⁾.

Представляя ап. Павла какъ чрезвычайный органъ благодати Св. Духа, Златоустъ часто пользуется для своей цѣли *образною рѣчью*. Св. апостолъ—это какъ бы небесная труба, поднимающая своимъ сигналомъ упавшій духъ людей, духовная лира, пріятно улаждающая слушателей и одновременно доставляющая имъ великую пользу⁵⁾, духовный рай⁶⁾, избранный сосудъ Духа Божія⁷⁾. Небожественная душа св. апостола⁸⁾, вдохновенная божественною благодатию, превосходила твердостью адамантъ, драгоценностью—золото⁹⁾.

Собственно *бог вдохновенность ап. Павла, какъ писателя*, постоянно предполагается Златоустомъ и выражается имъ въ разныхъ формахъ. Иногда говорящимъ чрезъ ап. Павла называется Христосъ. Въ голосѣ апостола, по образному выраженію Златоуста, присутствовалъ Самъ Христосъ и всюду съ нимъ шествовалъ. Какъ возсѣдаетъ Христосъ на небесныхъ силахъ, такъ возсѣдалъ Онъ и на языкѣ ап. Павла. Подлинно достоинъ былъ принять Христа этотъ языкъ, вѣщавшій только угодное Христу и, подобно серафимамъ, воспарившій на неизреченную высоту¹⁰⁾. Чрезъ апостола Христосъ излагалъ великія и неизреченныя тайны¹¹⁾. Именно Христосъ вѣщалъ въ апостолѣ¹²⁾, двигалъ душою его¹³⁾. Апостолу принадлежалъ собственно голосъ, а мысль и уче-

¹⁾ De poenitent. II, 5 (M. L, 291).

²⁾ In illud: 2 Cor. IV, 13 (M. LI, 272).

³⁾ In ep. ad Roman.; hom. I, 1 (M. LX, 396).

⁴⁾ De poenit. I, 9 (M. XLVII, 408).

⁵⁾ De stat. ad popul. antioch. I, 1 (M. XLIX, 16. 17); ср. de proph. obscur. I, 6 (M. LVI, 173).

⁶⁾ De laud. Paul. ap; I, 1 (M. L, 473).

⁷⁾ De poenit. II, 5 (XLIX, 290).

⁸⁾ In Gen. IV. 5 (LIII, 44).

⁹⁾ De laud. Pauli apost. II. (M. L, 481).

¹⁰⁾ In epist. ad Roman. Hom. XXXII, 3 (M. LX, 679).

¹¹⁾ In epist. ad Roman. XXXII, 3 (M. LX, 3).

¹²⁾ Contr. anom. II, 5 (M. XLVIII, 716).

¹³⁾ Adversus iudaeos: II, 1 (M. XLVIII, 858).

ніе Христу ¹⁾). Законы вѣры и жизни, поэтому, изрекаются ап. Павломъ, лучше же сказать: Самимъ Христомъ чрезъ него ²⁾).

Обычно, однако, вдохновителемъ св. апостола называется *Духъ Святой*. Апостоль Павелъ былъ орудіемъ, органомъ Духа Божія, чрезъ который Онъ сообщилъ вселенной дивныя Свои провѣщанія ³⁾). Св. апостоль говорилъ по внушенію Духа ⁴⁾), писалъ Духомъ ⁵⁾), преподавалъ опредѣленія благодати Духа ⁶⁾). Такъ какъ въ апостолѣ говоритъ собственно Духъ ⁷⁾), такъ какъ излагаемое въ посланіяхъ не дѣло Павла, а скорѣе благодати Духа ⁸⁾), то и слова его принадлежатъ благодати Духа ⁹⁾), Который дѣйствовалъ на душу апостола ¹⁰⁾), управлялъ этою душою ¹¹⁾). Не ап. Павелъ, а скорѣе Духъ говоритъ въ посланіяхъ апостольскихъ ¹²⁾).

Иногда св. апостоль представляется у Златоуста *одновременно органомъ Христа и Духа*. Чрезъ уста апостольскія какъ Христосъ изглаголавъ великія тайны, такъ и Духъ сообщалъ вселенной дивныя провѣщанія ¹³⁾). Слова апостола— не человѣческія слова, а Духа Святаго, Христа, глаголавшаго въ Павлѣ ¹⁴⁾).

Наконецъ, нерѣдко фактъ апостольской боговдохновенности удостовѣряется *въ болѣе общихъ формулахъ*, напр.: апостоль вѣщаетъ по силѣ божественныхъ законовъ ¹⁵⁾), говоритъ божественныя изреченія ¹⁶⁾), изрекаетъ божественныя законы ¹⁷⁾ и т. п.

1) *Adversus iudaeos*: II, 1 (M. XLVIII, 858).

2) *De virgin.* n. 7 (M. XLVII, 538).

3) *In epist. ad Rom.* XXXII, 3 (M. LX, 679).

4) *In 1 epist. ad Corinth.* VII, 3 (M. LXI, 58).

5) *Ad viduam juniorem*: II, 1 (M. XLVII, 611).

6) *In ep. 1 Corinth.* VII, 39—40 (M. LI, 223).

7) *De verb. apostoli*: 2 *Corinth.* IV, 13 (M. LI, 282).

8) *De stat. ad pop. antioch.* I, 2 (M. XLIX, 18).

9) *Hom. de utilitate lection.* n. 4 (M. LI, 93).

10) *De verbis apost.* 2 *Cor.* IV, 13 (M. L, 291).

11) *In evang. ac Ioan.* V, 2 (M. LIX, 58).

12) *Ad viduam juniorem*: II, 1 (M. XLVII, 610).

13) *In epist. ad Rom.* XXXII, 3 (M. LX, 679).

14) *In ep. ad Hebr.* X, 1 (M. LXII, 83).

15) *In ep. ad Rom.* IX, 1 (M. LX, 467).

16) *In ep. ad Rom.* XVI, 3; n. 3 (M. L, 191).

17) *In illud*: 2 *Cor.* VII, 39—40 (L, 223).

Сообразно съ общимъ ученіемъ о писательскомъ вдохновеніи апостола языковъ, излагается и ученіе Златоуста о боговдохновенности *павловыхъ посланій*.

Св. апостоль говорилъ свыше по внушенію Духа Божія¹⁾. Слѣдовательно, все, что изложено въ письмени и чрезъ посланія передано всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ,—не дѣло Павла, а благодати Духа²⁾. Посланія Павла—это какъ бы рудники и источники Духа³⁾. Въ этихъ посланіяхъ апостоль всегда говоритъ божественнымъ небеснымъ языкомъ. Не отъ собственнаго разума, а по царской власти изрекаетъ правила вѣры⁴⁾.

На божественномъ происхожденіи павловыхъ посланій основываетъ Златоустъ и *характеристику свойствъ* ихъ. Писанія св. апостола—исполнены божественной мудрости⁵⁾, изумительнаго ума, совершеннаго разума⁶⁾. Глубина ихъ содержанія—поразительна: изъ одного ихъ изреченія рождаются рѣчки мыслей; изъ одного слова извлекается несказанное богатство любомудрія⁷⁾. Ничего въ павловыхъ посланіяхъ нѣтъ лишняго, напраснаго: все—необходимо, все чрезвычайно полезно⁸⁾. Обильно излившись на апостола, даръ Духа Святаго содѣлался въ немъ первоисточникомъ дивныхъ рѣчекъ. Эти рѣчки превосходятъ рѣчки райскія не только числомъ, но и свойствомъ теченія. Онѣ текутъ ежедневно, возбуждая души человѣческія къ принесенію плодовъ добродѣтели⁹⁾. Для нагляднаго изображенія роли св. апостола, какъ писателя, Златоустъ пользуется двумя образами. Нѣжно любящій отецъ, предназначая великолѣпный домъ для своихъ дѣтей, часто строитъ его и для пользы внуковъ. Такъ и святой духъ ап. Павла, полный вдохнове-

¹⁾ De proph. obscur. I, 6 (M. LVI, 173); ср. in ep. ad Rom. VII, 3 (LXI, 58).

²⁾ De stat. ad pop. Antioch. I, 2 (M. XLIX, 18).

³⁾ De verbis ap.: 2 Corinth. IV, 13 (M. L, 291).

⁴⁾ De poenit. VII, 1 (M. XLIX, 323).

⁵⁾ De sacerdot. IV, 7 (M. XLVII, 670).

⁶⁾ Hom. de Legilat. (M. LVI, 398).

⁷⁾ De verbis apost.: 2 Cor. IV, 13 (M. L, 290. 291).

⁸⁾ De stat. ad popul. antioch. I, 2 (M. XLIX, 18).

⁹⁾ De laudibus S. Pauli I, 1 (M. L, 473).

нія, любвеобилія и попечительности, оставилъ свои дивныя посланія для пользы грядущимъ поколѣніямъ челоуѣчества ¹⁾. Нѣкогда Ной спасъ себя и дѣтей своихъ отъ потопа посредствомъ ковчега. Апостоль языкъ совершилъ гораздо большее: онъ исторгъ изъ волнъ сильнѣйшаго потопа всю вселенную. Орудіемъ для этого былъ не бранный ковчегъ, сколоченный изъ досокъ, а дивный ковчегъ апостольскихъ посланій. Особенность ковчега—это его универсальность. Ковчегъ апостольскій достигалъ до предѣловъ вселенной, такъ какъ и устроенъ былъ, соразмѣрно множеству спасаемыхъ. Апостоль вводитъ въ него всѣхъ людей и дѣлаетъ ихъ подобными вышнимъ силамъ. Ковчегъ апостольскій укротилъ свирѣпость бури нечестія, потому что не замазкою и смолою намащены были доски его, а Духомъ Святымъ ²⁾. Всеобъемлющее значеніе посланій ап. Павла было именно слѣдствіемъ его боговдохновенности. Святая душа Павла обнимала всю вселенную, всѣхъ заключала въ себѣ, считая родство въ Богъ самымъ высшимъ. Апостоль любилъ всѣхъ такъ, какъ будто самъ ихъ родилъ, а лучше сказать: любилъ больше всякаго отца: такова—благодать Духа ³⁾. Сердце великаго апостола воспламенялось къ каждому изъ погибающихъ, мучилось болѣзнями рожденія о дѣтяхъ, родившихся несовершенными, было превыше небесъ, пространнѣе вселенной, блистательнѣе луча солнечнаго, горячѣе огня, тверже алмаанта; было источникомъ, напаяющимъ челоуѣческія души, жило не этою—нашею, а новою жизнью (ср. Гал. II, 20). Словомъ, сердце Павлово было христовымъ сердцемъ, скрижалю Духа Святаго, книгою благодати ⁴⁾.

Канонъ Павловыхъ писаній у Златоуста содержитъ въ себѣ все, безъ исключенія, четырнадцать посланій. Порядокъ расположенія этихъ посланій въ общемъ составѣ св. книгъ совершенно другой, нежели порядокъ ихъ написанія. Это нисколько—не удивительно, если и въ Ветхомъ Завѣтѣ, напр., двѣнадцать пророковъ расположены послѣдовательно,

¹⁾ Homil. in illud: 2 Timoph. III. I; n. 3 (M. LVI, 274).

²⁾ De laudibus S. Pauli 1 (M. L, 474. 475).

³⁾ In epist. ad Roman. praef. (LX, 393).

⁴⁾ In epist. ad Rom. XXXII, 3 (M. LX, 680).

хотя и раздѣлены между собою большимъ промежуткомъ времени ¹⁾).

Изъ посланія къ римлянамъ отдѣльныя выраженія приводятся Златоустомъ какъ вдохновенныя въ вербальномъ смыслѣ ²⁾. О первомъ посланіи къ коринтянамъ св. отецъ Церкви замѣчаетъ, что въ немъ говоритъ и пишетъ блаженный Павелъ, лучше же сказать: Духъ Святой ³⁾. Въ посланіи къ галатамъ говоритъ ап. Павелъ; а когда называется Павелъ, то разумѣется Христосъ, потому что Онъ движетъ душою Павла ⁴⁾. Посланіе къ ефесянамъ, написанное апостоломъ въ узахъ изъ Рима, исполнено возвышенныхъ созерцаній и догматовъ ⁵⁾; оно составлено не столько ап. Павломъ, сколько благодатию Духа ⁶⁾. Изреченія посланія къ филиппійцамъ (ср. II, 5--8) называются св. отцомъ Церкви изреченіями Духа, противъ остроты которыхъ не могутъ устоять многочисленные ряды еретиковъ ⁷⁾. Касательно посланія къ колоссянамъ Златоустъ замѣчаетъ: „всѣ посланія ап. Павла—святы, но тѣ, которыя онъ писалъ, находясь въ узахъ, каково это, заключаютъ въ себѣ что-то большее“ ⁸⁾. Въ посланіяхъ къ ессалоникійцамъ св. апостоль, имѣвшій въ себѣ самомъ говорящимъ Христа, ничего собственно не говорилъ отъ себя одного: какъ посланникъ, онъ только передавалъ слова Пославшаго. (ср. 2 Кор. XIII, 3; I, 1). Все здѣсь апостоль изрекалъ по внушенію Духа, а иное слышалъ даже отъ Бога словесно ⁹⁾. Въ истолкованіи перваго посланія къ Тимофею Златоустъ выражается такъ: „Павелъ изрекъ это или лучше: Христосъ чрезъ Павла“ ¹⁰⁾. Второе посланіе ап. Павелъ писалъ для утѣшенія Тимофея; все оно исполнено духомъ утѣшенія и есть какъ бы нѣкоторое завѣщаніе ¹¹⁾. Въ нѣко-

¹⁾ Ibidem: praefacio (M. LX, 393).

²⁾ Ср. напр. Рим. VIII, 16; hom. XIV, 2 (M. LX, 527).

³⁾ Ad viduam junior. II, 1 (M. XLVII, 610—611).

⁴⁾ Advers. iudaeos: III, 4 (M. XLVIII, 866).

⁵⁾ In ep. ad Eph. praef. (LIX, 10).

⁶⁾ Ibidem: XIII, 1 (M. LXI, 93).

⁷⁾ In ep. ad Philipp. VI, 1 (M. LXI, 218—219).

⁸⁾ In ep. ad Coloss. I, 1 (M. LXI, 299).

⁹⁾ In 1 ep. ad Thess. VIII, 1 (LXI, 439).

¹⁰⁾ In 1 epist. ad Timoph. h. XVII (M. LXI, 594).

¹¹⁾ In 2 ep. ad Timoph. IX, 2 (M. LXI, 652).

торыхъ своихъ частяхъ (ср. 2 Тим. III, 8), по предположенію Златоуста, посланіе излагаетъ непосредственныя откровенія Духа¹⁾. *Посланіе къ Титу* приводится какъ слово божественнаго Духа²⁾.

Каноническое достоинство *посланія къ Филимону* имѣло въ лицѣ Златоуста горячаго и сильнаго защитника. Св. отцу Церкви—хорошо извѣстно мнѣніе противниковъ посланія, будто оно не заслуживаетъ присоединенія къ канону, такъ какъ касается маловажнаго дѣла и при томъ только одного человѣка. Высказывающіе такое неодобреніе сами достойны многихъ укоризнъ. Этого мало, что такія малыя посланія, написанныя о такихъ обыкновенныхъ предметахъ, слѣдуетъ принять въ канонъ. Желательно, чтобы кто-либо былъ въ состояніи рассказать намъ полную исторію апостоловъ, рассказалъ бы намъ подробно не только о томъ, что они писали и говорили, но и о прочемъ образѣ жизни ихъ: о томъ, что они ѣли и когда ѣли, когда сидѣли и куда ходили, что дѣлали каждый день, въ какихъ странахъ бывали, въ какой домъ входили и гдѣ плавали. Многие не знаютъ происходящей отсюда пользы. Если мы, смотря на мѣста, гдѣ сидѣли или были связаны св. апостолы, на мѣста бездушныя, часто обращаемся къ апостоламъ своею мыслью, представляемъ ихъ добродѣтели, пробуждаемся отъ безпечности, становимся болѣе ревностными, то тѣмъ большее дѣйствіе было бы, если бы мы слышали слова св. апостоловъ и читали бы о дѣяніяхъ ихъ. Всякій спрашиваетъ о другѣ, гдѣ онъ живетъ, что дѣлаетъ, куда идетъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ знать все это объ учителяхъ вселенной. Обращаясь отъ общихъ теоретическихъ предположеній къ конкретнымъ основаніямъ для подтвержденія каноничности даннаго посланія, св. Златоустъ приводитъ главныя изъ нихъ. Во-первыхъ, ап. Павелъ показываетъ великую заботливость о бѣглецѣ, разбойникѣ и ворѣ, не отказывается, не стыдится отсылать его съ похвалами. Этимъ св. апостоль научаетъ, что и намъ не слѣдуетъ быть небрежными въ подобныхъ случаяхъ. Во-вторыхъ, если воръ и бѣглецъ сдѣлался на-

¹⁾ Ibidem: VIII, 2 (M. LXI, 644).

²⁾ In ep. ad Tit. II, 4 (M. LXI, 675).

столько добродѣтельнымъ, что самъ ап. Павелъ желалъ имѣть съ нимъ общеніе (ср. ст. 13), то, слѣдовательно, нельзя почитать отверженнымъ сословіе рабовъ. Въ третьихъ, ап. Павелъ, будучи увѣренъ въ благорасположеніи къ нему Филимона, не захотѣлъ, однако, безъ воли господина, удержать при себѣ Онисима, который былъ такъ ему нуженъ и полезенъ. Св. апостоль показываетъ этимъ, что рабъ, когда онъ — человекъ добродѣтельный, тѣмъ болѣе долженъ оставаться въ услуженіи и почитать власть господина своего, чтобы приносить пользу живущимъ въ его домѣ. Наконецъ, это посланіе научаетъ вообще не стыдиться рабовъ, если они — добродѣтельны. На этихъ основаніяхъ Златоустъ не только защищаетъ каноническій авторитетъ посланія къ Филимону, но и считаетъ крайнимъ безуміемъ обратное мнѣніе, будто оно напрасно включено въ канонъ¹⁾,

Боговдохновенность и каноничность *посланія къ евреямъ* такъ же безспорны въ глазахъ св. Златоуста, какъ и его подлинность. Въ этомъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія выраженія его, обычно встрѣчающіяся въ истолкованіи посланія, какъ напр.: „мысли апостола произошли не отъ его разума, который прежде былъ такъ ничтоженъ и безсиленъ, что нисколько не превосходилъ разума простолюдиновъ, но отъ благодати Духа, которая являетъ свою силу чрезъ того, чрезъ кого хочетъ“²⁾. Отдѣльныя изреченія изъ посланія къ евреямъ (ср. XIII, 4) предваряются у Златоуста иногда такъ: говоритъ апостоль или лучше чрезъ него Самъ Христосъ³⁾. Съ другой стороны, авторомъ посланія называется именно ап. Павелъ⁴⁾. Если въ посланіи къ евреямъ апостоль не ставитъ своего имени, то онъ дѣлаетъ это по своему благоразумію. Такъ какъ евреи ненавидѣли ап. Павла, то, чтобы они, услышавъ въ началѣ посланія имя его, не отказались слушать далѣе, онъ мудро достигъ ихъ вниманія, скрывъ свое имя⁵⁾.

По поводу мнѣнія о существованіи кромѣ того, *посланія къ лаодикійцамъ*, св. Златоустъ на основаніи буквы св.

1) In ep. ad Thilim praef. 702—704.

2) In ep. ad Hebr. I, 2 (LXII, 16).

3) De vicg. 7 (M. XLVII, 538).

4) Справ. напр. Ad Stagyr. III, 14 (XLVII, 494).

5) In epist. ad Roman. h. I, 1 (M. LX, 395).

текста (ср. посл. Кол. IV, 16) приходитъ къ заключенію, что существовало не посланіе ап. Павла къ лаодикійцамъ, а скорѣе посланіе ихъ къ апостолу ¹⁾.

Книга Апокалипсисъ не внесена Златоустомъ въ канонъ ²⁾, вѣроятно, потому, что подлинное происхожденіе ея отъ апостола Іоанна, равно какъ и боговдохновенность были еще предметомъ споровъ и сомнѣній въ церковныхъ кругахъ Антіохіи. Примѣчательна въ этомъ отношеніи осторожность Златоуста, который въ своихъ твореніяхъ не приводитъ цитатъ изъ Апокалипсиса.

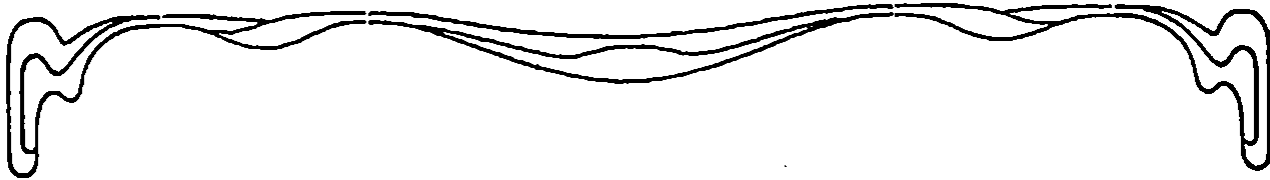
Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ In ep ad Colos. XII, 1 (M. LXI, 382).

²⁾ Справ. ерo Synopsis Scripturae Sacrae (M. LVI, 317).

Вѣра въ чудеса съ точки зрѣнія современной богословской науки.

(Окончаніе *).

Остается коснуться одного вопроса, именно о чудесахъ въ другихъ религіяхъ.

Вѣдь каждая религія говоритъ о своихъ чудесахъ, приводитъ ихъ въ доказательство своей сверхъестественности. Были чудеса въ язычествѣ, есть чудеса у магометанъ, буддистовъ и др. Чѣмъ объяснить ихъ? Надо сказать, что въ русской богословской литературѣ этотъ вопросъ еще почти не разработанъ.

Въ диссертациі проф. Введенскаго „Религіозное сознаніе язычества“ и проф. Глаголева „Сверхъестественное откровеніе и естественное богопознаніе внѣ истинной церкви — рѣшеніе означеннаго вопроса можно найти только путемъ косвеннымъ.

Слегка вопросъ о языческихъ чудесахъ затрогивается въ сочиненіи Тренча о чудесахъ Иисуса Христа и Аполוגіи Геттингера.

Спеціально есть статья проф. Покровскаго: „Библейскій профетизмъ и языческая мантика“ (Богосл. вѣстн. 1909 г. сентябрь и октябрь).

Но статья, къ сожалѣнію, очень краткая, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, аполוגію библейскихъ пророчествъ.

Мы при изложеніи этого вопроса пользовались статьею французскаго католическаго богослова Vosant., а главнымъ образомъ классической и первохристіанской литературой.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 6 за 1912 годъ.

Языческіе писатели въ опроверженіе христіанства указывали на то, что и въ язычествѣ не только боги, но и многіе герои совершили множество чудесъ, однако ихъ за то не обожествили.

О такихъ чудесахъ разсказываютъ Тацитъ, Светоніи, греческій риторъ Аристидъ, Цельсъ, Юліанъ и друг. Лактанцій во 2-й книгѣ своего труда „*institutiones divinae*—приводитъ множество примѣровъ языческихъ чудесъ. Приведемъ и мы нѣкоторыя изъ нихъ. Во время войны съ Латинами, многіе видѣли Кастора и Поллукса, какъ они вытирали потъ со своихъ лошадей. Во время Македонской войны, витязи на бѣлыхъ коняхъ явились Ватіену шедшему въ Римъ и объявили, что царь Персей побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ, что потомъ подтвердилось письмами—Павла Эмилиа. Цензоръ Аппій Клавдій, за то что сообщилъ Геркулесовы мистеріи рабамъ, вопреки данному ему повелѣнію, лишился зрѣнія, а Понтійскій народъ, измѣнившій этому таинству, въ одинъ годъ былъ истребленъ. Цензоръ Фульвій, взявшій мраморъ изъ храма Юноны Лакини, для украшенія воздвигнутаго имъ храма въ Римѣ, въ честь Фортуны, сперва сошелъ съ ума самъ, а потомъ обезумѣли два его сына, служившіе въ Иллирійскихъ войскахъ и наконецъ Флавіи умеръ отъ тоски и печали.

Турулліи, намѣстникъ Антонія, за то что вырубилъ на островѣ Косѣ лѣсъ, посвященный Эскулапу, для постройки изъ него кораблей, былъ на самомъ мѣстѣ преступленія побѣжденъ войскомъ Юлія Цезаря. Когда Александръ (Македонскій) овладѣлъ Милетомъ и войны кинулись въ храмъ Цереры съ намѣреніемъ ограбить его, они были сожжены огнемъ, воспламенившимся внезапно и т. п. ¹⁾.

Разсказывается много о чудесныхъ исцѣленіяхъ Эскулапа и Сераписа. Эти чудеса обильно проявлялись въ Египтѣ съ того момента, какъ Птолмей Сотеръ привезъ изъ Понта статую неизвѣстнаго бога и поставилъ ее въ святилищѣ Сераписа. Врачеванія обыкновенно состояли въ томъ, что больной приходилъ въ храмъ Бога и тамъ засыпалъ: лѣкарство было указано ему въ сновидѣніи и исцѣленіе слѣдовало за употребленіемъ лѣкарства. Сохранились сказанія о многихъ

¹⁾ Творенія Лактанція. Пер. Карнеева. Ч. 1-я. Спб. 1848 года, стр. 132—133.

пророческихъ снахъ и предзнаменованіяхъ; была также цѣлая литература сивилльскихъ книгъ, въ которыхъ древними пророчицами были записаны судьбы народовъ. Есть сказанія о говорящихъ статуяхъ; особенно почитались извѣстные всѣмъ изъ уроковъ исторіи, оракулы: въ Дельфахъ, въ Додонѣ, въ Дафнѣ и т. п. А Римляне особенно любили гадать по внутренностямъ животныхъ, по полету птицъ и т. п. Сохранилось много сказаній о томъ, какъ эти оракулы предсказывали судьбы народовъ и знаменитыхъ людей древности.

Какъ смотрѣть на эти чудеса?

Прежде всего коснемся сивилльскихъ книгъ. Ихъ авторитетъ признавали даже христіанскіе писатели и не сомнѣвались въ ихъ достовѣрности. Въ нихъ они видѣли особыя откровенія Божіи въ мірѣ языческомъ и наравнѣ съ пророчествами Ветх. Зав. цитировали ихъ въ своихъ апологіяхъ для большей убѣдительности язычниковъ.

Такую вѣру въ сивилльскія книги раздѣляли св. Іустинъ Философъ, Теофилъ Антиохійскій, Афинагоръ и Лактанцій.

Что же говоритъ о нихъ современная богословская наука? „Сивиллины книги, пишетъ проф. Глаголевъ, мракъ окутывающій ихъ происхожденіе, ни на одну іоту не разсвѣянъ новѣйшей наукой“.

Но, разбирая далѣе эти книги, профессоръ указываетъ на ихъ составной элементъ, по крайнѣй мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень ясно выступаютъ іудейскія вѣрованія, въ Единого Бога и мессіанскія страданія.

Другіе же ученые находятъ въ нихъ даже христіанскіе элементы и такимъ образомъ сивилльскія книги оказываются ничто иное, какъ соединеніе идей языческихъ съ іудейскими, а потомъ и христіанскими, кѣмъ то собранныхъ и переданныхъ въ видѣ поэтически пророчественныхъ рѣчей, будто-бы произнесенныхъ вдохновенными пророчицами сивиллами. Не станемъ утверждать, что это такъ, но самый текстъ Сивилль и тѣ идеи, которыя тамъ, проповѣдуются говорятъ въ пользу этого мнѣнія.

Изжился ли языческій міръ своей мифологіей, искалъ ли судорожно спасенія и обновленія изболѣвшей грѣхомъ душѣ, или очень страстно желалъ знать будущее, только сивиллины книги были приняты за дѣйствительное творчество языческихъ пророчицъ и пользовались большимъ ува-

женіемъ. Подъ вліяніемъ ихъ Виргилій написалъ свою знаменитую 4-ю эклогу, въ которой излилъ свои чаянія обновленія міра.

Онъ говорилъ, что возвращается назадъ золотой вѣкъ Сатурна. Съ небесъ сойдетъ новое человѣчество. Когда родится какой-то ребенокъ, котораго Виргилій наз. драгоценной отраслью боговъ (*saga deum suboles*), великимъ сѣменемъ Юпитера (*magnum iovis incrementum*), тогда настанетъ миръ и благоденствіе на землѣ. Земля будетъ производить плющъ, аканфъ и благовонныя растенія, стада перестанутъ бояться львовъ и колыбель новорожденного дитяти украсится прелестными цвѣтами. „Смотри, восклицаетъ поэтъ, какъ весь міръ трепещетъ и земля, и море, и неизмѣримое небо. Смотри какъ все ликуетъ передъ наступающимъ новымъ вѣкомъ“. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ сивилльскихъ идей, Виргилій самъ сдѣлался до извѣстной степени языческимъ пророкомъ.

Что касается оракуловъ, то широкое распространеніе ихъ объясняется стремленіемъ человѣка знать будущее. При сильно развитомъ политеизмѣ, поэтическая натура грековъ и ихъ богатая фантазія, чуть не всю вселенную населяла божественными существами, геніями, нимфами, демонами и т. п.

Почти съ каждымъ мѣстечкомъ соединялись преданія и миѣы. Поэтому, лавровыя рощи, кристаллыя ручьи и потоки, горы и пещеры носили въ себѣ какъ бы присутствіе божествъ.

Отсюда каждое мѣсто, посвященное тому или другому богу, какъ бы было полно присутствія и силъ обитающаго здѣсь бога и могло такъ или иначе одарить и осчастливить достойно почитавшаго обитателя этого мѣста. Молящемуся, охваченному таинственнымъ мистическимъ воспоминаніемъ и представленіемъ о божествѣ, казалось все преисполнено тайной силы и могущества, и легкой шелестъ дуба и журчаніе священнаго ручья, звонъ сосудовъ, окровавленныя внутренности жертвы, все, повидимому, говорило ему безсловеснымъ, но понятнымъ языкомъ бога.

Ко многимъ откровеніямъ специально готовились, настраиваясь на извѣстный тонъ. Такъ Пифія въ Дельфахъ,

постилась нѣсколько сутокъ, пила воду кастальскаго источника, жевала лавровый листъ.

Прорицатели въ Пизѣ и Кларосѣ пили одуряющую воду, а въ Аргосѣ—жертвенную кровь. Оракулъ Трафоніусъ въ Беотіи имѣлъ глубокую пещеру, куда проникали черезъ узкій и тѣсный проходъ. Послѣ различныхъ приготовленій влѣзали въ это подземное мѣсто, гдѣ и имѣли сновидѣнія, или слышали голосъ отвѣчающій на вопросы. Изъ этой пещеры вопрошавшіе выталкивались таинственной силой и по свидѣтельству Павзанія они нѣсколько времени оставались въ состояніи отупѣнія и оцѣпенѣнія, изъ котораго выводили ихъ жрецы, нерѣдко съ большимъ трудомъ. Извѣстно было и то, что кто спускался въ эту пещеру, носилъ печать глубокой печали.

Самыя прорицанія въ Дельфахъ Пифія давала сидя на треножникѣ надъ расщелиной скалы, откуда выходили опьяняющіе пары. Объ этихъ парахъ упоминаетъ Плутархъ, Григорій Нисскій, а Цицеронъ паденіе Дельфійскаго оракула объясняетъ тѣмъ, что испарилась вдохновляющая сила земли.

Самые отвѣты давались часто очень неясные и двусмысленные. Еще Демосѣенъ жаловался, что Пифія начинаетъ держать сторону Филиппа. По словамъ Платона, прорицатели говорятъ много, но не знаютъ что говорятъ. Лукіанъ пишетъ, что „Аполлонъ показываетъ видъ, будто знаетъ все.... а обманываетъ тѣхъ, которые спрашиваютъ его, темными и двусмысленными изрѣченіями“. Вообще иногда очень свободно толковали прорицаніе бога.

Корнелій Непотъ напр. сообщаетъ, что когда персы воевали съ греками, тоThemistocle послалъ спросить оракула о судьбѣ грековъ. Вопрошавшимъ Пифія отвѣтила, чтобы они оградили себя деревянными стѣнами. Themistocle, укрѣпившій гавань и построившій суда, истолковалъ это такъ, что спасеніе грековъ во флотъ, гдѣ у кораблей стѣны деревянные.

По свидѣтельству Тацита и Светонія императоръ Веспасіанъ заходилъ въ храмъ Сераписа въ Египтѣ спросить о своей судьбѣ. Велѣно было храмъ запереть и никого не впускать. Веспасіанъ вошелъ во святилище съ мыслью о божествѣ и вдругъ позади себя увидѣлъ одного знатнаго египтянина Василлида. Веспасіанъ наводитъ справки вездѣ

и всюду, не впускалъ ли кто въ храмъ Василлида и не видѣлъ ли его гдѣ нибудь въ городѣ. Оказалось, что Василлидъ лежитъ больной на разстояніи 80 миль отъ Александріи. Тогда Веспасіанъ понялъ, что ему отвѣтъ надо искать въ самомъ имени Васи да (по греч. βασιλευς—царь) т. е. что богъ Сераписъ провѣщалъ ему царство.

Св. Григорій Богословъ, въ словѣ противъ Юліана Отступника, передаетъ ходившій между христіанами страшный слухъ, что Юліанъ во время одного гаданія по внутренностямъ жертвы вдругъ увидѣлъ тамъ, внутри жертвеннаго животнаго—крестъ въ кругѣ. Но язычествующій и волхвующій императоръ рѣшилъ такъ: теперь христіанство мною ограничено и заперто со всѣхъ сторонъ.

Иногда съ вопрошаніемъ обращались прямо къ статуѣ бога и тогда изъ внутри идола былъ голосъ, а иногда даже движенія головы, глазъ и т. п.

Можетъ быть здѣсь были и собственныя иллюзіи, а можетъ быть хитрость жрецовъ, эксплуатировавшихъ приходившихъ. Извѣстно только то (по свидѣтельству Евсевія и Феодорита), что когда статуи боговъ были сокрушены и низвержены, то находили и пустыя внутри статуи, куда очевидно и проникали жрецы, чтобы давать отвѣты.

Самый характеръ и существо библейскихъ и языческихъ пророчествъ—противоположенъ. Это хорошо выяснено въ указанной статьѣ проф. Покровскаго „о Ветхозав. пророчествѣ и языческой мантикѣ“¹⁾. Пророчество библейское всецѣло основывается на непосредственномъ откровеніи воли Божіей особымъ избранникамъ; въ язычествѣ инициатива откровенія принадлежитъ человѣку.

Человѣкъ самъ обращается къ оракулу и вынуждаетъ его на отвѣтъ.

2) Библейское пророчество выражается въ ясной и опредѣленной формѣ, по большей части словесной—языческая мантика основывается на темномъ предчувствіи, двусмысленныхъ фразахъ и на произвольномъ толкованіи различныхъ натуралистическихъ феноменовъ.

3) Библейскіе пророки, хотя и чувствовали на себѣ руку Господню, въ моментъ пророческаго озаренія, но не

¹⁾ Эта статья указывалась нѣсколько выше.

теряли своей личности, своего сознанія и воли, причѣмъ эти душевныя способности возводились на высшую ступень ясности и совершенства—въ язычествѣ же прорицатели принимали одурманивающія средства, приходили въ изступленіе и даже впадали въ безсознательное состояніе.

4) Библейское откровеніе не стѣснялось ни мѣстомъ, ни временемъ, ни поломъ, ни обстоятельствами, между тѣмъ какъ языческіе оракулы были привязаны къ опредѣленному мѣсту и сопровождались извѣстными внѣшними дѣйствіями.

Есть и другія отличительныя черты того и другого, но уже и по указаннымъ признакамъ ясно, что библейское пророчество безмѣрно возвышается надъ языческими гаданіями и оракулами.

Перейдемъ къ языческимъ чудесамъ.

Большинство этихъ чудесъ носитъ на себѣ печать чего то сказачнаго. Они скорѣе похожи на ловкіе фокусы, которые показываются для удивленія и увеселенія толпы и совершаются просто изъ желанія позабавиться своей силой.

Такъ напр. Аристей Проконисскій будто бы могъ ментально скрываться отъ взоровъ людскихъ и являлся совсѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Такъ напр. въ Праксониссѣ онъ вошелъ въ мастерскую шерстяныхъ дѣлъ, гдѣ и умеръ. Когда распространился слухъ о его смерти, то пришелъ одинъ челоуѣкъ изъ Кизикскаго города Артака, который говорилъ что онъ видѣлъ Аристейя близъ Кизика и говорилъ съ нимъ. Народъ бросился въ мастерскую, гдѣ лежалъ Аристей, но тамъ его не нашли. Черезъ 7 лѣтъ онъ былъ въ Прокониссѣ и сложилъ даже стихи. Потомъ исчезъ опять. Черезъ 240 лѣтъ Аристей явился въ Италіи въ Метапонтѣ и повелѣлъ воздвигнуть жертвенникъ Аполлону, а кстати и себѣ поставить статую около этого жертвенника, такъ какъ Аполлонъ сошелъ съ неба на земню, а онъ—Аристей, слѣдовалъ за нимъ въ видѣ ворона“, и т. п. ¹⁾.

Такія же странности и фантастическія повѣствованія находимъ мы и въ жизни Аполлонія Тіанскаго, біографія котораго была, правда, составлена спустя болѣе 100 лѣтъ послѣ его смерти, но за-то съ тенденціей противопоставить Аполлонія Іисусу Христу.

¹⁾ Оригенъ кн. 3. 26, стр. 258.

Аполлоній совершилъ рядъ чудесъ и вся его жизнь окружена этими изумительными дѣлами. Аполлоній предпринимаетъ дальнее путешествіе и всюду сѣветъ чудеса: въ Римѣ онъ воскресилъ дѣвушку, но мгновенно исчезъ на глазахъ у Діоклетіана, передъ которымъ его обвинили. Въ Эфесѣ онъ приказываетъ побить камнями одного несчастнаго оборванца, на мѣстѣ котораго оказалась черная собака. Въ этомъ самомъ городѣ онъ сдѣлалъ извѣстнымъ смерть Діоклетіана и имя его убійцы Стефана, хотя это событіе произошло въ Римѣ. Онъ показывался сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, зналъ всѣ языки, никогда не изучая ихъ, могъ вызывать мертвыхъ и т. д.

Конечно, можно сказать, что здѣсь несомнѣнно большую долю играетъ фантазія, миѳическія преданія и легенды, которыми человечество окружаетъ имена своихъ героевъ.

Но вотъ чудеса, записанныя историками—Светоніемъ и Тацитомъ, при чемъ послѣдній говоритъ, что еще живы сами очевидцы и свидѣтели этихъ событій.

Привожу дословно этотъ историческій документъ. „Веспасіану, пишетъ Светоній, не доставало только одного, особенно потребнаго для государя преимущества и какъ бы нѣкоряго величія, такъ какъ онъ былъ царь неожиданный и не древняго рода, но и этотъ недостатокъ восполненъ былъ вскорѣ“. Изъ дальнѣйшихъ словъ историка видно, что этотъ недостатокъ состоялъ въ чудотвореніи. Значитъ царственная особа, возводившаяся въ Римѣ въ сонмъ блаженныхъ боговъ, должна была совершать чудеса. Уже въ этихъ словахъ заключается что-то странное и нельзя ли здѣсь видѣть намека, что государь долженъ былъ быть непременно чудотворцемъ и, слѣдовательно, такъ или иначе, ему было нужно окружить свою личность такими диковинными дѣлами, которыя къ тому же должны были совершиться непременно передъ толпой, чтобы она убѣдилась въ божественности императора.

И вотъ какъ этотъ недостатокъ восполненъ былъ у Веспасіана. „Когда, пишетъ Тацитъ, Веспасіанъ былъ въ Александріи, произошло много чудесъ, которыми показывалась благосклонность неба и какое-то расположеніе боговъ къ Веспасіану. Одинъ изъ Александрійской черни, извѣстный потерей зрѣнія, припадаетъ къ его ногамъ и со стономъ

просить лѣкарства отъ слѣпоты, по внушенію бога Сераписа, котораго этотъ народъ, преданный суевѣріямъ, почитаетъ выше другихъ. Онъ умолялъ государя удостоить его окропить щеки и вѣки глазъ слюной.—Другой, съ больной рукою, по побужденію того же бога, просить кесаря потоптать его подошвой ноги.

„Веспасіанъ сначала смѣялся надъ этимъ и не соглашался, но такъ какъ они настаивали, онъ то боится стыда неудачи, то вельдствіи усиленной мольбы (калѣкъ) и возгласовъ льстецовъ, начинаетъ надѣяться ¹⁾ исцѣлить ихъ. Наконецъ онъ приказываетъ врачамъ изслѣдовать, могутъ ли такая слѣпота и параличъ быть одолимы силою человѣческою. Врачи высказывали различныя мнѣнія: у перваго, говорили они, не вымерла сила зрѣнія, и она возвратится, если удалить препятствія; у втораго вывихнуты суставы, но могутъ быть исправлены, если приложить къ нимъ лѣчебную силу; быть можетъ богамъ пріятно это исцѣленіе и орудіемъ его избранъ государь; наконецъ если исцѣленіе осуществится, слава его будетъ принадлежать кесарю, а если не удастся, то будутъ смѣяться надъ этими несчастными. Такимъ образомъ, Веспасіанъ, полагая, что Фортуна его все открыто и что нѣтъ для нея ничего невѣроятнаго, съ веселымъ лицомъ, при напряженномъ вниманіи присутствовавшей при этомъ толпы, исполняетъ требуемое. Тотъ часъ же рука стала дѣйствовать и для слѣпотаго возсіялъ день. Тѣ, которые были при этомъ и теперь еще свидѣтельствуютъ о томъ и другомъ фактѣ, когда уже нѣтъ никакой выгоды лгать“ ²⁾).

Чудеса записаны историками, указаны свидѣтели, но что за странныя чудеса!? Они не творятся во имя высшихъ силъ, которыя призываетъ избранникъ Божій. Нѣтъ, самъ Веспасіанъ удивляется и смѣется, сомнѣвается, боится неудачъ, совѣтуется съ врачами. Наконецъ совершаетъ эти чудеса—кропитъ слюною слѣпотаго и толкаетъ ногою безрукаго. Самъ при этомъ смѣется, а кругомъ стоитъ многочисленная толпа, стоитъ съ напряженнымъ вниманіемъ и глазѣтъ какъ вновь избранный государь проявить свое величіе и благорасположеніе къ нему боговъ. Какъ это далеко отъ того смиренія, съ какимъ Христосъ, Его пророки, Его

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Пер. Модестова. Тацитъ Истор. кн. 4-я, гл. 81, стр. 351.

апостолы и Святые совершали чудеса. Съ какою силою они творили чудеса: „хочу очистись“, говоритъ Христось прокаженному и онъ очищается; дѣвица или юноша, встань, говоритъ Христось мертвецамъ—и они оживаютъ. Но какъ чудотворцы бѣгали толпы, какъ боялись почитанія себя за чудотворцевъ, какъ запрещали исцѣленнымъ рассказывать о себѣ! Объ Іисусѣ Христѣ, сказано въ Евангеліи Марка, что Онъ въ Назаретѣ „не можаше ту ни единыя силы сотворити, только „мало недужныхъ возложь руцѣ исцѣли“. Не могъ сотворить чудесъ, потому что соотечественники его ждали не спасенія и исцѣленія страждущихъ душъ и тѣлесъ, а хотѣли видѣть отъ него удивительныя дѣла повторенія тѣхъ чудесъ, которыя сотворены были въ Капернаумѣ, о которыхъ дошла до нихъ молва. Они жаждали зрѣлища, какое доставитъ имъ ихъ соотечественникъ вышедшій изъ ихъ города, сынъ плотника Іосифа, теперь пріобрѣтшій славу великаго чудотворца.

Не преминетъ ли онъ блеснуть своими дѣлами передъ своими соплеменниками согражданами, среди которыхъ быть можетъ нѣкоторые были даже товарищами Его дѣтства? Уже по своему душевному состоянію они далеки были отъ воспріятія дѣйствія Божественной силы и благодати, которая никогда не насилуетъ свободу человѣка, но дается тому, чье сердце открыто въ смиреніи и вѣрѣ въ Бога и Его посланниковъ и ждетъ милосердія Божія и падаетъ въ страхъ, сознавая свое недостойнство. Ничего подобнаго у Назаретянъ не было.

Съ другой стороны и Христось не могъ тамъ совершить чудеса, чтобы насыщать праздное любопытство и алчныя взоры своихъ согражданъ, нисколько не вѣрившихъ въ Него, какъ посланника Божія, а желавшихъ только посмотреть на Его дѣла.

Не то, какъ мы видимъ, было у Веспасіана. Тутъ и невѣріе самого чудотворца, тутъ и возбужденное въ душѣ желаніе присвоить себѣ необыкновенныя дѣла, здѣсь и стремленіе блеснуть своимъ величіемъ передъ толпою. Значитъ чудеса Веспасіана и по характеру и по способу проявленія далеко не могутъ быть признаны дѣйствіемъ божественной силы, а должны быть отнесены къ какой-то силѣ иной.

Есть и еще одинъ существенный признакъ, который языческія пророчества и чудеса отличаетъ отъ библейскихъ, именно: отсутствіе въ нихъ нравственной религіозной цѣли.

Въ опредѣленіи чуда мы говорили, что Богъ проявляетъ свою силу ради высокихъ, нравственныхъ и спасительныхъ цѣлей и конечно въ образѣ достойномъ Бога. Чудеса библейскія совершаются или для утвержденія вѣры цѣлаго народа (напр. чудеса въ пустынь, предъ лицомъ всего Израиля, или чудо спасенія трехъ отроковъ въ Вавилонѣ предъ лицомъ Навуходоносора и вавилонскаго народа), или для спасенія отдѣльной души человѣческой, (напр. Евнухъ Ефіопскій, исцѣленіе разслабленнаго въ Капернаумѣ, или при овчей купели: „се здравъ еси, сказалъ ему Господь, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ“...) Христіанская вѣра сопровождалась и сопровождается знаменіями и чудесами, но эти чудеса доказывали только истину проповѣдуемой вѣры и въ нихъ прославляются не сами чудотворцы, а дѣйствующій чрезъ нихъ Богъ, дивный во святыхъ своихъ. На чудотворцевъ какъ-бы только падаютъ лучи, отъ непреступнаго сіянія славы Божіей.

Не то въ язычествѣ—ихъ чудеса, какъ мы замѣтили выше, иногда совершаются просто по прихоти бога, полубога или героя чудотворца, совершаются не только ради высоко-нравственной цѣли, но часто безъ всякой цѣли или по злему умыслу. Вспомнимъ хотя бы миѣы о Троянской войнѣ: сколько здѣсь боги употребили интригъ, обмановъ, сколько проявили они злобы и ненависти. Вспомнимъ изъ исторіи предсказанія дельфійскаго оракула, сколько здѣсь оракуль проявилъ хитрости, лукавства и какъ часто намѣренно затемнялъ смыслъ рѣчи и отвѣчалъ туманно, загадочно и двусмысленно. „Что за цѣль въ тѣхъ чудесахъ, спрашиваетъ Оригенъ Цельса, которыя совершены изъ-за Аристеея? Какую пользу роду человѣческому могло доставить Провидѣніе этими чудесами? Ты не можешь дать на этотъ вопросъ отвѣта. Напротивъ мы, возвѣщая о чудесахъ Іисуса, представляемъ въ ихъ пользу не какое либо пустяшное основаніе, мы говоримъ, что Богъ восхотѣлъ чрезъ Іисуса утвердить для людей спасительное ученіе, утвержденное на апостолахъ, какъ на основаніяхъ, то ученіе, на которомъ зиждется все зданіе христіанства и которое должно было

получить еще болѣе широкое распространеніе въ послѣдующія времена, когда стали совершаться во имя Іисуса далеко не малочисленныя исцѣленія и другія, не менѣе значительныя чудеса“¹⁾).

Тѣмъ не менѣе необходимо признать, что въ язычествѣ, хотя и не съ такою цѣлью, какъ въ откровенной религіи, но все же были чудеса. Одни изъ нихъ объясняются живущимъ во всѣхъ людяхъ стремленіемъ къ сверхъестественному. Здѣсь играло большую роль душевное настроеніе, фантазія, экзальтація и мистицизмъ.

Другія совершались естественнымъ путемъ (въ видѣ Дельфійскаго оракула), сюда же относилась хитрость жрецовъ и т. п.

Но нельзя все строить на фантазіи, мистикѣ и обманѣ. Несомнѣнно и въ язычествѣ были нѣкоторыя таинственныя явленія въ видѣ дѣйствительно пророческихъ сновъ, предсказаній и въ видѣ необыкновенныхъ событій, совершавшихся, по вѣрованію язычниковъ, силою боговъ.

Какъ смотрѣть на эти чудеса? Мы знаемъ изъ свящ. Писанія, что есть не только истинныя чудеса, но и ложныя. Во Второзаконіи написано: „Если возстанетъ среди тебя пророкъ или сновидѣцъ и представитъ тебѣ знаменіе или чудо и сбудетъ то знаменіе или чудо, о которомъ онъ говорилъ тебѣ и скажетъ при томъ: „пойдемъ вслѣдъ боговъ иныхъ, которыхъ ты не знаешь, и будемъ служить имъ—то не слушай словъ пророка сего“. (13 гл. 1—3). Самъ Іисусъ Христосъ говоритъ, что: „возстанутъ лжехристы и лжепророки: и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы „прельстить если возможно и избранныхъ“... что нѣкогда откроется беззаконникъ, человѣкъ грѣха и сынъ погибели, противникъ превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ или святынею, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога“... и котораго пришествіе по дѣйствию сатаны, будетъ со всякою силою и знаменіями и чудесами ложными и со всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ погибающихъ за то, что они не приняли любви истины для своего спасенія. И за сіе пошлетъ имъ Богъ дѣйствіе заблужденія, такъ что они будутъ вѣрять лжи, да

¹⁾ Кн. III, 28, стр. 261.

будутъ осуждены всѣ не вѣровавшіе истинѣ, но возлюбившіе неправду“ (2 Сол. II, 8—12).

Апост. Іоаннъ Богословъ, въ своемъ откровеніи видѣлъ выходящихъ изъ усть дракона и усть звѣря, и изъ усть лжепророка трехъ духовъ нечистыхъ, подобныхъ жабамъ:— это бѣсовскіе духи, творящіе знаменія“ (16, 14).

Дѣйствіемъ тѣхъ злыхъ духовъ, той-же страшной и темной демонической силы, христіанскіе писатели объясняли и языческія чудеса.

„Судебная астрологія, пишетъ Лактанцій, предзнаменованія, оракулы, чернокнижіе, магія и всѣ тайныя искусства, производимыя людьми, частно или публично, суть изобрѣтенія демоновъ, исполненныя лжи... хотя средства эти къ достиженію познанія истины совершенно ложны; но демоны, ихъ изобрѣтшіе, до такой степени употребляютъ во зло легковѣріе людей, что заставляютъ ихъ почитать ложныя средства эти за истинныя.

„Чтобъ отвратить ихъ отъ служенія истинному Богу, они научали ихъ дѣлать статуи и идоловъ и т. п. Эти нечистые и блуждающіе духи смѣшиваютъ истину съ ложью, чтобы все перепутать и распространить заблужденіе. Съ этимъ намѣреніемъ они выдумали множество боговъ, владыка которыхъ Юпитеръ. Выдумка эта затемняетъ ту истину, что на небѣ есть много Ангеловъ, а одинъ Богъ, Господь ихъ, и такимъ образомъ скрываетъ истину отъ людей... Чтобы легче обманывать, духи эти скрываются въ храмахъ во время жертвоприношеній: они тамъ творятъ мнимыя чудеса, которыми пугаютъ простыхъ людей и принуждаютъ ихъ считать идоловъ за Боговъ“. Но никогда демоны эти не обманываютъ такъ легко, какъ когда изрекаютъ оракулы, которыхъ обаянія и лжи не могутъ отличить люди, лишенные свѣта нашей религіи (т. е. христіанства). Но все это ничто иное какъ мечта и обманъ. Демоны зная порядокъ, установленный Богомъ, котораго нѣкогда они были служителями, легко вмѣшиваются въ подобныя вещи, дабы похитить у Бога подобающую Ему славу и обратить ее къ самимъ себѣ. Вѣдая, что, по распоряженію вѣчнаго Провидѣнія, какой либо городъ или народъ долженъ получить извѣстную выгоду, они или во снѣ, или посредствомъ чудесъ или оракуловъ, обѣщаютъ отъ себя доставить эту выгоду, если люди

имъ будутъ строить храмы, приносить жертвы и воздавать почести. По воздаяніи сихъ почестей и по дѣйствительномъ полученіи обѣщанной выгоды, народы бывають пренеполнены къ нимъ неизъяснимаго удивленія и благоговѣнія; они потомъ воздвигаютъ имъ храмы, освящаютъ статуи, закалываютъ въ честь ихъ ужасное множество жертвъ. Но исполняющіе эти обязанности сами суть жертвы, приносящіе въ жертву не тѣло свое, а свою душу“. (Лактанц., *Institutiones*“ кн. 2. гл. 17, стр. 168 и друг.).

Аѳинагоръ говоритъ также, что демоны пользуются мечтательными движеніями души и эти внутренніе образы фантазія до того внѣдряють въ умы людей, какъ бы эти видѣнія происходили отъ идоловъ и статуй. А когда душа сама собою, какъ безсмертная, разумно движется, предузнавая будущее или испытывая настоящее, то демоны присвояють себѣ эту славу“. (Аѳинагоръ. стр. 109) ¹⁾. По словамъ св. Іустина философа „Симонъ Самарянинъ, силою демоновъ, дѣйствовавшихъ черезъ его посредство, во времена Клавдія Кесаря, дѣлалъ волшебныя чудеса въ царственномъ городѣ нашемъ Римѣ, и за то признанъ Богомъ и, какъ Богъ, почтенъ у васъ статуею у мостовъ на рѣкѣ Тибръ съ надписью: „Симону, богу святому“. (Іус. стр. 63) ²⁾. Въ нашихъ глазахъ, писалъ Оригенъ, Аполлонъ—злой духъ, которому предлагаются „кажденіе и возліяніе“. (3 кн. 28 стр. 261).

Св. Аѳанасій Великій, съ особенною силою обличалъ языческія прорицалища и чудеса, какъ діавольскія дѣйствія. „Въ древности, пишетъ онъ, все было наполнено прелестію прорицаній: прорицалища въ Дельфахъ, въ Доданѣ, въ Бетіи, въ Ликии, въ Ливіи, въ Египтѣ, въ Кавирахъ и Пнеи во мнѣніи людей составляли предметъ удивленія. Нынѣ же, послѣ того какъ возвѣщается всюду Христосъ, прекратилось ихъ умоизступленіе и нѣтъ уже у нихъ прорицающаго. Въ древности демоны обольщали людей призраками, поселялись въ источникахъ, или рѣкахъ, или деревьяхъ, или камняхъ и такими обаяніями приводили въ изумленіе несмысленныхъ; нынѣ же по божественномъ явленіи Слова, мечтанія ихъ

¹⁾ Сочиненія древне-христіанск. апологетовъ. Пер. свящ. Преображенскаго. Москва 1864 г.

²⁾ Сочин. св. Іустина философа. Пер. свящ. Преображенскаго. Москва 1864 г.

прекратились; прежде волшебство было сильно и дѣйственно у халдѣевъ, у индовъ, и приводило зрителей въ изумленіе, но съ пришествіемъ истины и явленіемъ Слова, оно обличено и совершенно упразднено. Кто противъ демонскаго мечтанія, противъ прелести прорицаній, противъ чудесъ, волшебства употребить знаменіе осмѣиваемаго ими (т. е. язычниками) креста и произнесетъ только имя Христова, тогда увидитъ, какъ демоны обращаются имъ въ бѣгство, прорицанія прекращаются, всякое волшебство и обаяніе уничтожается¹⁾.

Ср. Григорій Богословъ, въ словѣ на Юліана Отступника, говоритъ что „Юліанъ сходилъ въ одну изъ недоступныхъ народу и страшныхъ пещеръ, чтобы совѣщаться о будущемъ гдѣ нибудь во мракѣ, съ подземными демонами, потому что демоны любятъ болѣе тьму, ибо сами суть тьма и виновники тьмы, т. е. зла...

По выходѣ оттуда и въ душевныхъ расположеніяхъ и въ дѣлахъ его видно было бѣснованіе, и неистовство взоръ показывало, кому совершилъ онъ служеніе. Если не съ того самого дня, въ который рѣшился онъ на такое нечестіе, то теперь, самымъ явнымъ образомъ, вселилось въ него множество демоновъ; иначе бы напрасно сходилъ онъ во мракъ и сообщался съ демонами, что называютъ они вдохновеніемъ, благовидно превращая смыслъ словъ“. (Григ. Бог. Москв. 1851 г. стр. 147—48).

Итакъ, голосъ церковно-святоотческаго сознанія говоритъ за то, что если и были въ язычествѣ чудесныя событія, то они совершались дьявольской силой. Хитрый и лукавый, обладающій большимъ вѣдѣніемъ и болѣею силой, чѣмъ человѣкъ, дьяволъ всегда могъ обольстить людей и словомъ и дѣломъ, чтобы закрыть отъ нихъ истину и держать въ своемъ плѣну и въ своемъ царствѣ тьмы и порока. Эта сила дьявольская особенно видна въ томъ, что нерѣдко языческія мистеріи сопровождались развратомъ, само богословіе ихъ было полно картинъ страстныхъ, порочныхъ похощеній боговъ и героев; конечно, изъ такого источника религіозныхъ познаній нельзя было много получить нравственныхъ силъ, почему неоплатоники и старались

¹⁾ Творен. св. Аѳанасія Велик. Изд. 2-е. Серг. Пос. часть 1-я. Стран. 251—252.

одухотворить и идеализировать язычество. Видно присутствіе злыхъ демонскихъ силъ и въ идолахъ, потому что, часто, по свидѣтельству христіанскихъ писателей, эти чудеса и пророчества прекращались только чрезъ осѣненіе крестнымъ знаменіемъ. Оракулъ Аполлона въ Дафнѣ умолкъ потому, что вблизи были положены мощи св. мученика Вавилы, почему Юліанъ и распорядился, какъ можно скорѣе убрать его гробницу.

А вотъ описаніе состоянія пиѳіи, во время полученія откровенія, оставленное намъ Виргиліемъ, изъ котораго видно, что здѣсь дѣйствовали не добрыя силы, а какія-то страшныя дикія и злыя.

„Богъ, се богъ, молвила дѣва.

На ней говорящей

Предъ дверью, вдругъ ни лица, ни самого цвѣта,

Ни прически волосъ не осталось, но груди одышка

И неистовство дикое сердце вздымало и большій

Ростъ и несмертный звукъ являла, обвѣяна силой

Близкаго бога уже...

Холодная дрожь, по крѣпкимъ костямъ пробѣжала тев-
кровь (т. е. троянцевъ).

А въ пещерѣ дика, еще непокорная фебу

Жрица бушуетъ, нельзя ли великаго бога изъ груди

Ей истрясти; а онъ тѣмъ болѣе ей нагнетаетъ,

Дикое сердце и ротъ и насильно ее покоряетъ...

Теперь... изъ святилища Кумея Сивилла

Страшныя притчи поетъ и вновь завываетъ въ пещерѣ,

Темное съ правдой смѣшавъ; ее поражаетъ браздами,

Ярю Аполлонъ и подъ грудью вертитъ ей стрекаломъ.

(6 пѣснь, стих. 45—100) ¹⁾.

Но что же, неужели язычники были отданы во власть діаволу, чтобы онъ обольщалъ ихъ ложью и велъ къ гибели?

Нѣтъ, глубина Промысла Божія безконечна и судьбы его бездна многа! По Ап. Павлу язычники имѣли свой неписанный законъ, начертанный въ ихъ совѣсти и естественное откровеніе въ живой книгѣ природы, изучая и размышляя надъ которой можно было возвыситься до болѣе чистаго и

¹⁾ Энеида. Пер. Фета.

правильнаго Богопознанія. Это-то врожденное чувство правды и это само—свидѣтельство Бога въ міръ или Его постоянныя чудеса—всегда влекли язычниковъ въ лучшую сторону и не давали имъ окончательно погибнуть. Среди языческаго многобожія мысль человѣческая стремилась къ единству, некама начальника Бога боговъ, Того Невѣдомаго Бога, который недалеко отъ каждаго изъ насъ. Эта жажда откровенія, эта потребность къ богопочтенію жертвами, свидѣтельствуешь только о глубокой прирожденной человѣку религіозности, которой ничто не можетъ заглушить.

Руководясь прирожденнымъ чувствомъ совѣсти, язычники видѣли, какъ многое въ жизни и въ природѣ противорѣчило требованіямъ этого чувства—отсюда, среди язычества никогда не умирало преданіе о бывшемъ когда-то на землѣ золотомъ вѣкѣ, извращенномъ потомъ мечтами и лядьми: но жила и надежда, что когда-то опять это свѣтлое время вернется. Отсюда великіе умы и возвышенныя души среди язычниковъ—ихъ философы и поэты, возвышались надъ религіозными понятіями своего народа и проповѣдывали прекрасныя идеи, которыми многіе восхищаются даже до нашего времени.

Не даромъ этихъ философовъ первохристіанскіе апологеты считали за истинныхъ пророковъ среди языческаго міра.

Такъ свѣтъ истины вѣчно сіялъ въ міръ и тьма зла, ухищренія сатаны, не могли угасить или затмить его. Говоря объ этихъ великихъ людяхъ древняго міра, св. Іустинъ философъ говоритъ, что они были ненавидимы или убиваемы. Ибо демоны всегда производили то, что всѣ старавшіеся сколько нибудь жить согласно съ разумомъ и удалиться зла, были ненавидимы“. (Апология стр. 123, Москва 1864 г.). Отсюда очень понятно изреченіе новаго завѣта: Богъ нелицепріятенъ, но во всякомъ народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ пріятенъ Ему“. (Дѣян. 10, 35). Этимъ объясняется и то, что душа человѣческая, въ силу прирожденнаго ей стремленія къ истинѣ и богоисканію, съ радостью отвергла ложь многобожія, прелесть язычества и восприняла живительное слово Истины, когда услышала благовѣстіе о Христвѣ. Она по слову Тертуліана была „по природѣ христіанка“.

Этимъ я заканчиваю изложеніе своего взгляда на язы-

чество съ его чудесами и прорицаціями. О психологiи язычества и чаянія истиннаго откровенія, желающіе могутъ по-черпнуть свѣдѣнія изъ 2-хъ вышеуказанныхъ диссертациіи првф. Введенскаго и Глаголева.

Итакъ, Богъ вездѣ чуденъ. Дивенъ Онъ во всеиенной, въ каждомъ своемъ твореніи, и въ гигантскихъ солнцахъ и въ пѣжномъ цвѣткѣ, въ безпредѣльномъ океанѣ и въ капелькѣ росы.

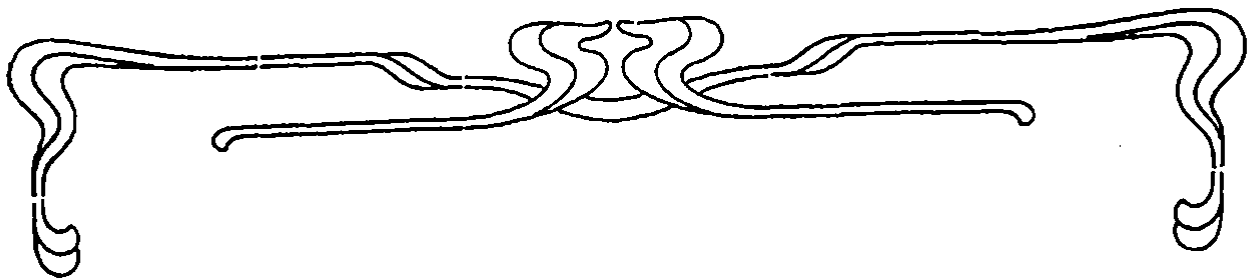
Дивенъ Онъ въ исторіи язычества, гдѣ люди, представленныя ходить путями своими—все же томилась по невѣдомомъ имъ Богѣ. Дивенъ въ исторіи Израиля, гдѣ онъ открывался и въ чудесахъ и въ пророчествахъ. Дивенъ въ христіанствѣ, гдѣ возглаголалъ намъ въ Единородномъ Сынѣ Своемъ. Дивенъ въ церкви христіанской, гдѣ совершаются вѣчныя чудеса, возрожденіе душъ человѣческихъ.

Силы Божіи не истощимы, способъ дѣйствія ихъ безконеченъ и теперь, когда истощаются всѣ силы земныя и человѣкъ съ вѣрой и смиреніемъ возводитъ взоръ свой на небо—откуда подается ему помощь, при чемъ передъ глазами нашими совершаются необыкновенныя дивныя дѣла, которыя не могли бы произойти при помощи извѣстныхъ намъ силъ этого міра.

По истинѣ, Кто Богъ Велий, яко Богъ нашъ, Ты еси Богъ творяй чудеса!

Сергій Голоцатовъ.

А. С. Хомяковъ,

его жизнь, учение и значеніе въ общественной исторіи Россіи.

(† 23 сентября 1860 г.).

(Продолженіе *).

III.

Историческое міросозерцаніе А. С. Хомякова. Оцѣнка его.

Удѣляя много времени и любви богословскимъ занятіямъ, А. С. Хомяковъ, по просьбѣ тѣхъ же Валуева, Кощелева, Самарина, уговорившихъ его вести письма по философіи, но еще въ сороковыхъ годахъ, принялся въ тиши своего кабинета, на досугѣ, за составленіе своихъ записокъ по всемірной исторіи. Этотъ трудъ, получившій названіе Семирамиды, является опытомъ практическаго примѣненія основъ историческаго міровоззрѣнія Хомякова, которыя онъ такъ пламенно защищалъ и отстаивалъ и въ словопреніяхъ съ западниками и въ письмени. Но „Семирамида“ доведена только до среднихъ вѣковъ по всеобщей исторіи, а русской исторіи въ ней авторъ совсѣмъ не затрагиваетъ. Зато этотъ пробѣлъ въ исторической системѣ Хомякова можно вполнѣ восполнить, если обратиться къ другимъ его сочиненіямъ, гдѣ, хотя и въ отрывкахъ, часто и рѣдкіи но содержится много цѣнныхъ указаній на этотъ счетъ.

Хомяковъ критически относится къ практиковавшимся въ его время методамъ написанія исторіи. Онъ врагъ, прежде всего, такъ называемаго провиденціализма, по которому ис-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 за 1912 годъ.

торія есть рядъ знаменій или явленій Промысла Божія надъ подзаконнымъ и облагодатствованнымъ міромъ. Провиденціализмъ, по мнѣнію Хомякова, совершенно не согласенъ съ христіанскимъ ученіемъ о смиреніи, такъ какъ беретя угадывать тайники движеній неисповѣдимой и непостижимой воли Божіей Премудрости. Точно такъ же, какъ провиденціализмъ религіозныхъ историковъ, по сужденію Хомякова, не объясняетъ исторіи ни „слѣпая случайность матеріалистовъ“, ни „роковая необходимость“ нѣмецкихъ идеалистовъ, такъ какъ они не считаются съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ исторіи дѣйствуютъ не механическіе автоматы, а живыя личности, и что, слѣдовательно, въ основаніи историческаго процесса лежатъ многочисленныя „невѣсомыя силы, которыми приводятся въ движеніе народныя массы“¹⁾. „Грубый партикуляризмъ, или изложеніе происшествій въ ихъ случайномъ сцѣпленіи, безъ всякой внутренней связи: такова общая система исторіи въ томъ видѣ, въ которомъ она до сихъ поръ является на западѣ. Больше или меньше остроуміе писателя, болѣе или менѣе художественный рассказъ, большая или меньшая вѣрность съ подлинными документами, большая или меньшая тонкость или удача въ частныхъ догадкахъ—составляютъ единственное различіе между современными историческими произведеніями: система же остается все та же, у Ранке, какъ у Галлама, у Гфререра также, какъ у Неандера, у Трери и Шлоссера также, какъ у Трера въ его занимательной, но мелкой и близорукой исторіи великихъ происшествій недавно минувшаго времени. Были на Западѣ попытки выйти изъ этого тѣснаго круга, и возвысить исторію до степени истинной науки: иныя попытки были въ смыслѣ религіозномъ, иныя въ смыслѣ философскомъ, но эти попытки, не смотря на большее или меньшее достоинство писателей (напр., Боссюэта и Лео), остались безуспѣшными. Яснѣе другихъ появлъ жалкое состояніе историческихъ наукъ, послѣдній изъ великихъ писателей Германіи, человѣкъ, который сокрушилъ все зданіе Западной философіи, положивъ на него послѣдній камень,—Гегель. Онъ старался создать исторію, соотвѣтствующую требованіямъ человѣческаго разума, и создалъ

¹⁾ 2 т., р. 42.

систематическій призракъ, въ которомъ строгая логическая послѣдовательность, или мнимая необходимость служить только маскою, за которою прячется неограниченный произволъ ученаго систематика. Онъ просто понялъ исторію на изворотъ, принявъ современность или результатъ вообще за существенное и необходимое, къ которому необходимо стремились прошедшае... Его система историческая, основанная на какомъ-то мистическомъ понятіи о собирательномъ духѣ собирательнаго человѣчества, не могла быть принята: она была осмыслена похвалами... но осталась безъ плодовъ... Послѣ неудачи великаго мыслителя, прежній партикуляризмъ остался опять единственною системою¹⁾". Отрицательно относится Хомяковъ и ко всей предшествующей русской исторіографіи, видя въ ней „только количественное или, такъ сказать, географическое прибавленіе къ трудамъ Западныхъ ученыхъ“, а въ карамзинской школѣ отмѣчаетъ наличие того же сухого партикуляризма, хотя не забываетъ отдать дань справедливости высокому патриотизму, которымъ проникнута величественная Исторія Государства Россійскаго знаменитаго Геродота русской исторіографіи, въ которомъ, по его словамъ „видна Россія“²⁾.

Чѣмъ же объясняется неудовлетворенность нашего историка существующей до него постановкой исторіи? Дѣло въ томъ, что,—какъ думаетъ онъ,—ошибка всѣхъ прежнихъ историковъ заключалась въ совершенномъ игнорированіи народа,—этого „единственнаго и постояннаго дѣйствителя исторіи“. Но что такое народъ, этотъ настоящій творецъ и двигатель исторіи? „Каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человѣкъ, и внутренняя его жизнь есть ничто иное, какъ развитіе какого нибудь нравственнаго, или умственнаго начала, осуществляемаго обществомъ, такого начала, которое опредѣляетъ судьбу государствъ. возвышая и укрѣпляя ихъ присущею въ немъ истиною, и убивая ихъ присущею въ немъ ложью³⁾". Отсюда, народность есть совокупность самобытныхъ специфическихъ качествъ даннаго культурно-историческаго типа или народа, по которымъ онъ отличается отъ другихъ, на основаніи ко-

1) I т., 36—37.

2) I, 41.

3) Ibid., 38.

торыхъ онъ получаетъ право на самостоятельное бытіе и политическое признаніе со стороны другихъ народовъ. Иначе: народность есть характеръ народа, „тѣ начала, которыя народъ признаетъ, въ которыя онъ вѣруетъ, которыми онъ повѣряетъ себя, по которымъ судить о себѣ и другихъ“. Въ философскомъ смыслѣ слова, народность—не узкая однобокая среда китайской стоячки и непримиримой исключительности: „она, какъ начало общечеловѣческое, облеченное въ живыя формы народа..., какъ общечеловѣческое, она собою богатитъ все человѣчество, выражаясь то въ Фидіѣ и Платонѣ, то въ Рафаэлѣ и Вико, то въ Беконѣ или Вальтеръ-Скоттѣ, то въ Гегелѣ и Гете... Какъ живое, а не отвлеченное проявленіе человѣчества, она живетъ и строитъ умъ человѣка. Въ то же время она, по своему общечеловѣческому началу, въ себя принимаетъ все человѣческое, отстраняя чуженародное своею неподкупаною критикою, тогда какъ отдѣльному лицу нельзя не подивиться самымъ формамъ чуженародности и не смѣшивать ихъ съ тою общечеловѣческою стихіею, которая въ нихъ таится; но человѣкъ, воспитанный въ народности, растетъ и крѣпнетъ, разумно богатится всѣмъ богатствомъ человѣческаго мышленія, закономерно расширяетъ ея прежніе предѣлы, а иногда доходитъ до законнаго отрѣшенія отъ ея ненужныхъ случайностей“¹⁾, Поэтому, „служеніе народности есть въ высшей степени служеніе дѣлу общечеловѣческому“²⁾. Чрезъ живую личность народа... единственно дѣлается намъ доступнымъ человѣчество: ибо, помимо ея, человѣчество есть только идея отвлеченная, или числительное скопленіе безсвязныхъ личностей“³⁾.

Задача исторіи, какъ науки, сводится-по Хомякову къ тому, чтобы „допросить духа жизни“, сокрытаго въ тайникахъ прошлой жизни даннаго народа, отыскать подъ хламомъ историческихъ наслоеній и пережитковъ тѣ начала, которыя составляютъ духовную сущность народа и которыя и являются тайными пружинами всей исторіи. „Хотите узнать то, что было, говоритъ Хомяковъ,—сперва узнайте то, что есть... Я желалъ-бы, чтобы всякій, принимаясь писать о ежѣ быша, дѣлалъ съ сознаниемъ то что дѣлаюсъ всѣми безъ созна-

1) I, 546—546.

2) Ibid.

3) Стр. 77.

нія, т. е. чтобы онъ мысленно сводилъ свой рассказъ до своего или, по крайней мѣрѣ, до совершенно извѣстнаго времени и кончалъ возвратною повѣркою; я увѣренъ, что тогда наука подвинулась бы впередъ испанскими шагами, и что мракъ древности сдвинулся бы назадъ на нѣсколько вѣковъ... Все настоящее имѣетъ свои корни въ старинѣ; даже самое неожиданное и странное явленіе, будучи хорошо изслѣдовано, приводитъ васъ или къ своему зародышу, который есть ничто иное, какъ плодъ прошедшаго времени, или къ своей прививкѣ или къ явленію древнѣйшему, которое въ немъ поглотилось“¹⁾. На фонѣ изученія этого прошлаго и отображается данный типъ того или другого народа, дающій собою окраску и имя цѣлымъ историческимъ эпохамъ. Этотъ типъ, или эта коллективная антропологическая личность, образуется подъ вліяніемъ взаимодействія всевозможныхъ факторовъ, къ которымъ принадлежатъ: „климаты, характеры земель, наружный образъ людей, образованность, гражданственность, движеніе торговое и политическое“. Но въ челѣ этихъ формирующихъ личность, типъ народа, условій, должна быть поставлена вѣра народовъ. „Первый и главный предметъ, на который должно обратить вниманіе историческаго критика, есть народная вѣра. Выньте Христіанство изъ исторіи Европы и буддизмъ изъ Азіи, и вы уже не поймете ничего ни въ Европѣ, ни въ Азіи. Этотъ неоспоримый фактъ повторялся съ болшею или меньшею силою на цѣломъ Земномъ шарѣ въ продолженіе всѣхъ вѣковъ. Мѣра просвѣщенія, характеръ просвѣщенія и источники его опредѣляются мѣрою, характеромъ и источникомъ вѣры“²⁾... Человѣкъ, царь и рабъ земной природы, признаетъ въ себѣ высшую, духовную жизнь. Темно-ли, ясно-ли его понятіе, вѣчной-ли истинѣ, или мимолетному призраку приносить онъ свое поклоненіе, во всякомъ случаѣ вѣра составляетъ предѣлъ его внутреннему развитію. Изъ ея круга онъ выйти уже не можетъ, потому что вѣра есть высшая точка всѣхъ его помысловъ, тайное условіе его желаній и дѣйствій, крайняя черта его знаній“³⁾. Отсюда, настоящій предметъ исторіи Хомяковъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „не дѣла лицъ, не судьбы народовъ, но

¹⁾ Т. III, 22.

²⁾ Ibid., 131.

³⁾ Ibid., 8.

общее дѣло, судьба, жизнь всего человѣчества составляетъ истинный предметъ исторіи. Говоря отвлеченно, мы скажемъ, что мы, мелкая частица рода человѣческаго, видимъ развитіе своей души, своей внутренней жизни во внѣшней жизни милліоновъ людей на всемъ пространствѣ земного шара. Тутъ уже имена дѣлаются случайностями, и только духовный смыслъ общихъ движеній и проявленій получаетъ истинную важность. Говоря практически, мы скажемъ, что въ исторіи мы ищемъ самого начала человѣческаго рода, въ надеждѣ найти ясное слово объ его первоначальномъ братствѣ и общемъ источникѣ... Въ этомъ смыслѣ исторія уже не есть простая лѣтопись; но она такъ же не отвлеченное созерцаніе внутренней жизни личной, проявленной во внѣшности племенъ и народовъ. Духовный характеръ сохраняется вполнѣ, но вещественность получаетъ новую важность. Имя и судьба каждаго народа дѣлаются предметомъ достойнымъ изслѣдованія до самаго его семейнаго источника; имена людей остаются случайностями, занимательными только потому, что они служатъ точками опоры для дальнѣйшихъ розысканій ¹⁾.

Итакъ, цѣль исторіи—отыскать въ нѣдрахъ прошлаго подлинныя стихіи народнаго духа, тѣ законы, по которымъ шло проявленіе этихъ стихій въ границахъ извѣстнаго порядка географическихъ, этнографическихъ, политическихъ, культурно-общественныхъ условій, подчиненныхъ одному верховному великому началу (вѣры) и обратно дѣйствующихъ на него ²⁾. Но для того, чтобы можно было достигъ этой цѣли, историку слѣдуетъ обладать соотвѣтствующими качествами, и этими качествами историка А. С. Хомяковъ указываетъ: ученость, безпристрастіе, многообъемлющій взглядъ, или искусство сближать самые далекіе предметы и факты, Гриммово терпѣніе въ передачѣ подробностей. „Но объ этомъ,—говоритъ А. С. Хомяковъ,—уже писано много и многими: мы прибавимъ только свое мнѣніе. Выше и полезнѣе всѣхъ этихъ достоинствъ—чувство поэта и художника. Ученость можетъ обмануть, остроуміе склоняетъ къ парадоксамъ, чувство художника есть внутреннее чутье истины человѣческой, которое ни обмануть, ни обмануться не можетъ“ ³⁾. Частнѣе, что это за чутье историче-

¹⁾ Ibid., 29, 30.

³⁾ Ibid., 31.

²⁾ Ibid., 17, 18.

ской правды, Хомяковъ объясняетъ въ другомъ мѣстѣ: „художникъ поэтъ—говоритъ онъ—творитъ не подражаніе, но въ духѣ и силѣ былаго. Историкъ не отыскиваетъ былаго, но возсоздаетъ его по нѣкоторымъ даннымъ, развивающимся передъ его духовнымъ взоромъ въ истинныхъ законахъ прошедшей жизни. Чувство истины къ племенамъ, т. е. къ наружнымъ признакамъ и ихъ бытовымъ отличіямъ, чувство истины къ религіямъ и ихъ внутреннему значенію, чувство въ отношеніи къ языкамъ и ихъ звуковымъ и мысленнымъ законамъ, все одно это истина человѣческая, отзывающаяся въ душѣ человѣка. Чѣмъ менѣе человѣкъ закованъ въ свою мелкую народность, или чѣмъ народность его менѣе отрывается отъ жизни общаго братства, тѣмъ легче историку воскрешать былое и узнавать неизвѣстное. Онъ можетъ ошибаться въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, пропускать нѣкоторые факты, но въ общности исторіи онъ будетъ правъ“¹⁾. Значеніе и разборъ методологическихъ воззрѣній А. С. Хомякова мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Теперь же постараемся въ общихъ чертахъ изложить схему исторіи, набросанную перомъ Хомякова, при этомъ подлинникъ будемъ приводить только въ наиболѣе нужныхъ случаяхъ.

Народы древняго міра Хомяковъ по общему складу характера дѣлитъ на завоевательные, или аристократическіе, земледѣльческіе, или демократическіе. Чистой односторонности народовъ историческая дѣйствительность намъ не сохранила, и въ исторіи уже дѣйствуютъ смѣшанные народы. Завоевательные народы выходятъ изъ Кушитскаго корня и характеризуются преобладаніемъ въ народномъ типѣ племенной гордости и исключительности, такъ что они упорно противостоятъ ассимиляціи съ болѣе счастливыми побѣдителями—народами. Земледѣльческіе принадлежатъ къ Иранскому корню и отличаются мирнымъ характеромъ и тяготѣніемъ ко всему общечеловѣческому, истинному и прекрасному, такъ что они болѣе подвержены опасности атрофировать свою личность въ процессѣ историческихъ превратностей и насильственныхъ смѣшеній съ другими народами. Итакъ, Кушитизмъ и Иранизмъ,—вотъ тѣ два исходныя коренныя

¹⁾ Ibid, 395.

начала, борьба между которыми и проходить, подобно красной нити, на всемъ протяженіи исторически-извѣстной жизни народовъ. Частнѣе,—Кушитство и Иранизмъ—гѣ двѣ главныя формы религіи, которыя открываетъ глазъ историка подѣ видимымъ разнообразіемъ взаимно переплетающихся, смѣшивающихся между собою религіозныхъ системъ и вѣрованій: „Народъ растетъ, какъ человѣкъ, подвигаясь не вдругъ по всѣмъ направленіямъ духа, но находясь всегда подѣ преобладаніемъ одного какого-нибудь начала, одной какой-нибудь мысли“¹⁾, а историческую судьбу народовъ античнаго времени опредѣляла вѣра²⁾: ибо „небо всякой мифологіи есть отраженіе земли“. Чѣмъ же характеризуются Кушитизмъ и Иранизмъ, какъ подспудные факторы исторіи античнаго міра, и каковы основныя особенности внѣшнихъ проявленій этихъ началъ? Иранизмъ есть изначальное, присущее человѣку, какъ образу Творца; свойство, выражающееся въ духовной свободѣ внутренней жизни,—жизни мысли и духа,—внѣ и безъ всякой условности и принудительности внѣшняго писаннаго закона: идея свободы въ немъ выражается въ понятіи творенія. Кушитство,—историческій наростъ, придатокъ, явившійся результатомъ нарушенія непосредственнаго общенія между человѣкомъ и Богомъ,—выражается въ культѣ мертвой, слѣпой необходимости, условности внѣшней правды: идея принудительности здѣсь выражается въ понятіи рожденія. „Сравненіе вѣры и просвѣщенія, которое зависитъ единственно отъ вѣры и въ ней заключается (какъ все прикладное заключается въ чистой наукѣ), приводитъ насъ къ двумъ кореннымъ началамъ: къ Иранскому, т. е. духовному поклоненію свободно—творящему духу или къ первобытному, высокому единобожію, и къ Кушитскому—признанію вѣчной органической необходимости, производящей въ силу логическихъ неизбѣжныхъ законовъ. Кушитство распадается на два раздѣла: на Шивизмъ—поклоненіе царствующему веществу, и буддаизмъ,—поклоненіе рабствующему духу, находящему свою свободу только въ самоуничтоженіи. Эти два начала, Иранское и Кушитское, въ своихъ безпрестанныхъ столкновеніяхъ и смѣшеніяхъ произвели то безконечное разнообразіе религіи,

1) Ibid. 25.

2) Ibid. 131.

которое безчестило родъ человѣческій до Христіанства, и особенно художественное и сказочное человѣкообразіе (антропоморфизмъ). Но не смотря ни на какое смѣшеніе, ко-ренная основа вѣры выражается общимъ характеромъ про-свѣщенія, т. е. образованностью словесною, письменностью гласовою, простотою общиннаго быта, духовною молитвою и презрѣніемъ къ тѣлу, выраженнымъ черезъ сожженіе или пре-даніе трупа на снѣдь животнымъ въ иранствѣ, образованно-стью художественною, письменностью символическою, услов-нымъ строеніемъ государства, заклинательною молитвою и почитеніемъ къ тѣлу, выраженнымъ или бальзамировкой, или съѣденіемъ мертвыхъ, или другими подобными обрядами, въ Кушитствѣ" ¹⁾). Народами, строившими исторію въ древно-сти по началамъ иранизма, по мнѣнію Хомякова, были: евреи, ассирійцы и персы, но изъ нихъ первые только удер-жали въ чистомъ видѣ идеаль иранизма, а вторые и третьи были поглощены воинственнымъ кушитствомъ и сохранили только блѣдные отблески первоначальной истины. Къ пред-ставителямъ хищнаго Кушитизма Хомяковъ относитъ слѣ-дующіе народы древности: египтянъ, вавилонянъ, финикій-цевъ, китайцевъ, грековъ и римлянъ, но и у нихъ онъ на-ходитъ, хотя и въ зачаточномъ состояніи, слѣды изначаль-наго иранизма къ этикѣ ²⁾).

Высшую и вмѣстѣ завершительную ступень того обще-человѣческаго прогресса, котораго достигъ древній міръ въ своемъ поступательномъ движеніи, представляетъ на взглядъ Хомякова—исторія Греціи и Рима, мифологія которыхъ— „лучшій историческій памятникъ, полное отраженіе земли“. Греція открываетъ передъ взоромъ изслѣдователя своеобраз-ный міръ утонченнаго интеллектуальнаго и эстетическаго антропоморфизма: „безсмысленный и сказочный антропомор-физмъ сѣвера, соединенный съ художественностью юга, со-ставляли хаотическую религію Эллады, въ которой преобла-дало одно божество—человѣкъ, и одно вѣрованіе—въ до-достоинство человѣческой природы“ ³⁾). „Эллинъ преклонилъ колѣно передъ самимъ собою и передъ своими возможными совершенствами... Поставивъ себѣ религію чисто—земную

¹⁾ Ibid, 530, 531.

²⁾ IV, 35.

³⁾ Ibid, 241.

и чуждую всякаго высшаго всемірнаго смысла, онъ самъ сталъ въ отношеніе къ ней, какъ лицо дѣйствующее, а не страдательное; ибо все вообще исчезло передъ личностью.. Искусство возникло въ чудной полнотѣ, въ недосягаемомъ совершенствѣ и въ неограниченномъ объемѣ, соединяющемъ пластическое начало Кюшита съ словеснымъ началомъ Ирана. Въ Элладѣ, и только въ Элладѣ получило оно свою независимость отъ мысли и жизнь образа прилагаемаго ко всякому содержанію“¹⁾. Только своеобразная религія Греціи и могла явить міру пышный расцвѣтъ философіи, которая была создана усиліями греческаго генія и въ лицѣ Сократа, Платона и Аристотеля достигла апогея своего развитія. „Сократъ подчинилъ хаосъ философіи закону стройности и гармоніи. Красота явилась царицею міра духовнаго (τὸ καλόν), какъ она была божествомъ видимаго міра. Софисты исчезли. Обрадованная Эллада привѣтствовала мудрость, нисшедшую съ неба... Сократъ совершилъ великій подвигъ, котораго путь былъ ему указанъ религіей: но въ то же время онъ уничтожалъ образы этой религіи въ ихъ бессмысленности. Народъ увѣнчавшій его земное поприще вѣнцомъ мученической смерти, осудилъ его, какъ безбожника... Сократъ выпилъ чашу яду и сказалъ, что выздоравливаетъ отъ жизни („Критіясъ, принеси жертву Эскулапу“); но боги Олимпа исчезли навсегда, разрѣшившись въ свои отвлеченные законы. Начатое Сократомъ, продолжается его вдохновеннымъ ученикомъ. Для Платона уже не существуютъ образы, созданные младенческой фантазіей Эллады. Въ видимомъ небѣ онъ видитъ уже полное и совершенное отраженіе чудной гармоніи, которую слышитъ въ своей душѣ, и божество открывается передъ нимъ, какъ первообразъ духовной красоты... Эллада, расцвѣтшая въ Гомерѣ, принесла свой зрѣлый плодъ въ Платонѣ... Красота и истина неразлучны... Истина должна быть необходима и представлять явное доказательство своей необходимости. Аристотель повелъ далѣе философію въ ея разумномъ или разсудочномъ развитіи, утративъ богатство свободныхъ Платоновыхъ гаданій... и подчиняя весь кругъ человѣческихъ наукъ торжественнымъ законамъ служенія красотѣ“²⁾.

¹⁾ Ibid. 252.

²⁾ Ibid. 257, 259.

Въ то время, какъ Греція создала религію самодовлѣющей индивидуальности, другая нація, увѣнчавшая собою исторію античнаго міра,—римляне,—дали міру религію искусственнаго правомѣрнаго единства, осуществленнаго въ формѣ стройно построеннаго по законамъ юриспруденціи принудительнаго государства, въ образѣ *a' civitatis orbis terrarum*. „Римъ далъ Западному міру новую религію, религію общественнаго договора, возведеннаго въ степень безусловной святыни, не требующей никакого утвержденія извнѣ, религію права: и передъ этой новой святынею, лишенною всякихъ высокихъ требованій, но обезпечивающую вещественный бытъ во всѣхъ его развитіяхъ, смирился міръ, утратившій всякую другую, благороднѣйшую или лучшую вѣру... Вѣра прошла; власть ослабла во всѣхъ оконечностяхъ государства, изсякла въ его средоточіи; но народы, покоренные мечомъ, завѣщанные своими царями или пріобрѣтенные хитростью договоровъ, не думали отрываться отъ великой державы... Они поклонялись вѣрѣ, данной Римомъ всему покоренному міру, вѣрѣ стройно—условнаго общества; они поклонялись цѣлой жизненной системѣ права, признавая въ душѣ своей и въ глубинѣ своей совѣсти, что ничего лучшаго или даже равнаго они не могли создать своими собственными силами или въ своемъ духовномъ безсиліи“¹⁾. Но въ томъ самомъ религіозномъ эклектизмѣ, который образовалъ государственную религію Рима, заключался и зародышъ конечнаго крушенія всего античнаго міра. „Римская держава сомкнулась въ одно цѣлое подъ правленіемъ Августа. Торжество грубо-политическаго начала обозначило окончаніе мысленнаго подвига, совершеннаго всеобъемлющимъ умомъ Иранскаго племени въ его полномъ развитіи, и этотъ подвигъ вѣнчался совершеннымъ сокрушеніемъ всѣхъ древнихъ религій. Пытливость Эллинскаго знанія нанесло смертельный ударъ безусловному поклоненію вѣшной правдѣ, въ которомъ дѣйствительно состояло все вѣрованіе Рима. Анализъ требовалъ отчета отъ всякаго мнѣнія, оправданія для всякой вѣры. Идеаль добродѣтели вѣншной, воли самосоздающей себѣ законъ, исчезалъ передъ логическимъ требованіемъ. Упорный Римлянинъ потребовалъ ему оправда-

¹⁾ Ibid. 406.

нія отъ самой жизни, отъ своей вооруженной руки. Судьба въ холмахъ Филиппійскихъ отвѣчала также отрицательно, какъ разумъ въ философскомъ уединеніи. Гордость воли пала. Міръ Римскій сказалъ устами Брута: „Добродѣтель, ты-пустое слово“. Но и пытливое знаніе утратило уже свои надежды. Эллада спросила устами Пилата: „что такое истина?“ и не стала дожидаться отвѣта, зная по опыту вѣковъ, что отвѣта нѣтъ. Горькое отчаянье слышно въ словѣ Римлянина, утратившаго вѣру въ добродѣтель; какая-то самодвольная гордость слышна въ словѣ Эллина, пріобрѣтшаго разумомъ право не вѣрить знанію и добродушно презирающаго тѣхъ, которые еще могутъ вѣрить: но оба сошлись въ одномъ выводѣ. Нѣтъ ни красоты воли—добродѣтели, ни красоты истины—знанія. Міръ остался безъ божества“¹⁾.

Въ этотъ трагическій моментъ крушенія цѣнности античной жизни въ Палестинѣ является „человѣкъ, именемъ Исусъ, говорящій про себя, что онъ обѣщанный Мессія сынъ Божій, возвѣщающій совершеніе древняго закона, призывающій къ покаянію, къ жизни духовной чистоты, ставящій новый законъ совершенства, законъ всеобщей, любви, пренебрегающій благами земными и властью земною, обѣщающей Своимъ послѣдователямъ наслѣдство безконечнаго блаженства, проповѣдующій новоеученіе объ единствѣ Божества въ трехъ образахъ Отца Сына и Духа, и возможность для человѣка вступить въ это единство посредствомъ отверженія своей злой и случайной личности, и пріобрѣтенія новой, высшей личности въ Божествѣ... Завѣтъ Іудейскаго, теперь всемірнаго учителя, немногосложенъ: онъ заключается въ нѣсколькихъ положеніяхъ, не связанныхъ ни съ какою мѣстностью, ни съ какими вышними условіями. Человѣкъ такъ подобенъ Богу въ смыслѣ духовномъ, что Богъ могъ быть человѣкомъ. Такимъ образомъ, высшій духъ имѣетъ въ себѣ внутреннее оправданіе своего величія, и человѣкъ получаетъ внутреннюю возможность безконечнаго совершенства. Человѣчество освобождается отъ рабства міровыхъ случайностей и отъ жизненной тягости собственною силою олицетвореннаго совершенства человѣческаго, и человѣкъ вступаетъ въ

¹⁾ Ibid. 412.

нѣдра Божества посредствомъ добровольнаго соединенія любви съ человѣкомъ духовно-совершеннымъ, т. е. посредствомъ преданія своей частной воли въ волю человѣкобожественную. Въ этомъ все его освобожденіе, вся его высота, вся его награда“¹⁾).

Ученіе Христа было вѣнцомъ и торжествомъ Иранизма и стало закономъ жизни новаго міра, закваской всѣхъ отношеній вѣншей и внутренней жизни народовъ этого міра, хотя „миѣніе, высказанное ревнителями закона Іисусова въ похвалу, или его врагами въ укоръ, будтобы всё развитіе Европы послѣ Константина есть ничто иное, какъ жизнь и развитіе Церкви, не имѣетъ никакого основанія. Какъ укоръ, оно несправедливо, ибо мерзости разврата и кровопролитія, наполняющія всю лѣтопись христіанскихъ народовъ, не находятся въ логической связи съ ученіемъ завѣщаннымъ отъ Еврейскихъ проповѣдниковъ; какъ похвала, оно нелѣпо, ибо самая похвала была бы укоромъ. Основатели Церкви ужаснулись бы своего созданія, если бы на нихъ легла отвѣтственность Европейской исторіи. Одно только можетъ и должно быть сказано объ отношеніяхъ христіанства къ народамъ, которые его исповѣдуютъ, именно то, что оно до сихъ поръ обуславливало крайніе предѣлы ихъ развитія... Поэтому до нашихъ временъ христіанство (принимаемое или отрицаемое) есть законъ всего просвѣщеннаго міра, но одно только невѣжество можетъ смѣшивать Церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго съ Обществами, признающими, но не воплощающими его“²⁾).

Мы уже знаемъ, что сущность ученія Хомякова о Церкви заключается въ томъ, что онъ видитъ въ ней организмъ единства и свободы въ любви, или что то же: нравственное царство и торжество свободы духа, чуждое всякаго принужденія и условнаго ограниченія, исполненное благодати единомыслія и смиренномудрія. Въ своихъ Запискахъ по всемірной исторіи, а также въ другихъ сочиненіяхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ исторіи новыхъ народовъ, Хомяковъ и старается выяснитъ, насколько усвоилъ облагодатствованный человѣкъ сердцевину этого ученія Христа.—для Хомякова центрального во всей земной миссіи

¹⁾ Ibid, 412, 413, 414.

²⁾ Ibid. 416. 417.

Христа. Оказывается, человекъ оказался не въ силахъ перешагнуть рамку своей народности, и послѣдняя вобрала въ жизнь ученіе Христа о духовномъ царствѣ любви, соответственно особенностямъ своей личной природы. Иначе и яснѣе сказать: ученіе Христа о любви расплылось въ струяхъ народности, воспринявшей это ученіе, ученіе Христа национализировалось. Своеобразно понялъ ученіе Христа вѣчный и неугомонный философъ—Грекъ, по-своему—практичный законникъ и утилитаристъ—римлянинъ, по-своему—мирный общинникъ-славянинъ, оригинально-буйный дружинникъ—нѣмецъ. Разнообразіе формъ осуществленія ученія Церкви было заложено въ самомъ духовномъ складѣ или въ свойствахъ народности, культурно-историческихъ единицъ, или націй, принявшихъ ученіе Христа.

Греціи выпало счастливое призваніе сохранить самый идеаль въ ученіи Церкви, заключить истины вѣры въ неизмѣнныя, наукообразныя догмы, но не суждено было воплотить на землѣ идею Царствія Божія, такъ какъ тѣло государства Византійскаго носило только вывѣску государства христіанскаго, а душу сохраняло языческую. „Свободная и плодотворная во всякой другой области, мысль Эллина въ области права рабски слѣдовала по путямъ, ей указаннымъ ея учителями—законовѣдами Рима: и не смотря на нѣкоторыя слабыя попытки позднѣйшаго законодательства, болѣе искажившаго, чѣмъ измѣнившаго, стройную цѣльность законовъ, духъ закона оставался одинъ и тотъ же, и Христіанство почти не проникало въ каменный Капитолій юристовъ. Тамъ жилъ и властвовалъ до конца духъ язычества“. „Ей не было суждено представить исторіи и міру образецъ Христіанскаго общества; но ей было дано великое дѣло уяснить вполнѣ Христіанское ученіе, и она совершила этотъ подвигъ не для себя только, но для насъ, для всего человечества, для всѣхъ будущихъ вѣковъ“ 1).

Еще менѣе, чѣмъ Греческая, оказалась способною осуществить великій законъ любви, Римская народность, а также романизированная Германская народность. Просвѣщеніе Западной Европы сложилось изъ трехъ стихій: міра классической древности, католицизма и міра варварскихъ народностей. Ду-

1) Т. 1, *ibid.* pp. 216—219.

ною Западной цивилизаціи былъ католицизмъ, но этотъ католицизмъ представлялъ не что иное, какъ логическое и историческое продолженіе завѣтовъ классической древности. А основной тенденціей этой древности былъ юридическій формализмъ и разсудочность, на почвѣ которыхъ и было построено всё здание римской государственности; личность человека, какъ самодовлѣющій факторъ общественности, была принесена въ жертву принципамъ отвлеченной юрисдикціи: религіи, какъ созидающему началу, не было мѣста въ этомъ сплошномъ кругѣ всепоглощающей государственности. Въ этой безжизненной машинѣ—автоматѣ, какимъ представлялся древній Римъ, была только одна жизнетворная кнопка, которая сообщала движеніе, одушевляла весь аппаратъ,—и этой кнопкой была идея всемірной монархіи, идея тождества, единства власти, безъ свободы индивида. Отсюда ведетъ свое происхожденіе императорскій абсолютизмъ, какъ исконная римская креатура, — вобравшій въ себя политическую идею тождества или единства; отсюда же,—Пантеонъ, какъ внѣшній образъ идеи религіознаго тождества или единства. Въ такихъ воззрѣніяхъ и представленіяхъ сложился и окрѣпъ характеръ Римлянина—юриста, Римлянина—государственника; въ этомъ заключалось своеобразіе, самобытность древней римской культуры, какъ культуры народной и потому имѣющей право претендовать на самостоятельное историческое существованіе и цѣнность. Началамъ этой культуры долженъ былъ *volens—poleus* подчиниться міръ необразованныхъ варваровъ, гдѣ мѣстныя національныя стихіи на первыхъ же порахъ были снесены волною національной римской струи. Не имѣвшіе собственной, нажитой въ прошломъ, культуры, варвары распались въ организмъ единой Римской Имперіи и взяли напрокатъ изъ рукъ своего, закованнаго въ броню культуртрегера духовный капиталъ, скопленный имъ вѣками. Благоговѣніе къ Риму, какъ олицетворенному идеалу стройной закономѣрной политической организаціи, перешло къ романизированнымъ народностямъ, какъ естественное явленіе простой признательности бывшихъ дикарей къ своему культуртрегеру, пріобщившему спаянный огнемъ и мечемъ въ одно политическое цѣлое міръ варваровъ къ благамъ культуры и цивилизаціи. Понятно, въ какихъ формахъ должна была вы-

развиться просвѣтительная роль новаго культурнаго агента, заключавшагося въ ученіи Христа, на этой почвѣ отвлеченной разсудочности и апофеоза внѣшней государственности. Законъ любви, лежащій въ самомъ существѣ религіи Христа, былъ понятъ на Западѣ, какъ законъ внѣшней принудительной организаціи,—гармоніи, осуществленной въ политическомъ единствѣ. Та нравственная атмосфера свободной солидарности совѣстей, душъ, сердець, бьющихся въ унисонъ съ всецерковнымъ сознаніемъ, которая и является признакомъ истинной Церкви, какъ организма любви,—была недоступна, непонятна для практическаго ума западнаго христіанина, не укладывалась въ рамки его національнаго склада, характера. И вотъ, онъ свой излюбленный національный идеаль—идеаль могучей, торжествующей государственности—переноситъ и на идею Церкви, превращая ее изъ нравственнаго института, стоящаго внѣ и выше земныхъ учрежденій, въ политическій конгломератъ, возглавляемый живымъ подобіемъ прежняго земнаго *dii et pontificis maximi* (римскаго императора) папою. Для того, чтобы оправдать свое пониманіе идеи Церкви, на помощь римлянину-юристу приходитъ аристотельская діалектика, при помощи силлогизма которой и воздвигается цѣлое вѣроученіе, не оставляющее камня на камнѣ отъ истинной вселенской Церкви.

Итакъ, католицизмъ, какъ продуктъ религіознаго творчества римскаго національнаго духа, представляетъ собою крайне одностороннее направленіе западной религіозной мысли, пытавшейся, не разбивая старыхъ кумировъ, совмѣстить въ идеѣ Церкви—монархіи, символизированной въ папѣ, несоизмѣримые идеалы Христіанскаго единства съ имперіалистскими традиціями выдохшагося, погребеннаго въ летѣ исторической древности, язычества. Отсюда, господство юридическаго формализма, иссушающаго всякое живое движеніе и проявленіе человѣческой души въ сферѣ государственности и общественности, торжество казуистическаго рационализма въ вѣроученіи, въ этикѣ, въ наукѣ. Отсюда, религіозная война, какъ явленіе законное, священное, пытки инквизиціи, мораль іезуитизма, идея священной Римской Имперіи, родившаяся у носителей свѣтской власти, какъ результатъ поползновеній послѣдней возстановить *statu quo* древней римской государственности, въ которой роль ре-

лиги сводилась къ роли простой *ancillae civitatis*. Отсюда же, неограниченный абсолютизмъ политической власти, какъ плоть отъ плоти католицизма: „папство, будучи по своему Римско-правительственному характеру враждебнымъ всякой свободной формѣ правленія, не могло положить основанія вольному союзу, и въ стремленіи каждой мѣстности къ свободѣ и самостоятельности находило непобѣдимую препону своимъ самодержавнымъ замысламъ“¹⁾).

Столь же безсильна была воспринять въ полнотѣ и удержать въ чистотѣ просвѣтительное начало, заключающееся въ Церкви, Германская народность. Въ началѣ она какъ будто ассимилировалась въ романизмъ, подчинившись культурному руководительству послѣдняго и унаслѣдовавъ слѣдное благоговѣніе передъ традиціями древняго Рима. Стройная система римской государственности, неволью раздражающая завоевательные аппетиты варваровъ, идея всемірной имперіи, щекочущая національное самолюбіе и патріотизмъ,—положены были и завоевателями Римской Имперіи во главу угла политической жизни. Будучи *de jure* неограниченными господами завоеванной ими имперіи, они *de facto* должны были склониться предъ величіемъ духовнаго капитала поращенной народности, стали учениками и покорными рабами римской культуры. Но взявъ себѣ за образецъ государственныя и правовыя нормы этой народности, они естественно должны были усвоить и ученіе Христа въ томъ видѣ, какъ оно сложилось на Западѣ, т. е. въ формѣ католицизма,—этой квинтэссенціи религіознаго творчества романской паціи. А католицизмъ стремился подавить всякую національную самобытность и свободу, требуя слѣпago самопожертвованія личными и національными цѣнностями человѣка въ дѣлѣ воплощенія на землѣ идеаловъ церковной государственности. Поэтому, Германская народность, какъ усердная духовная дочь Рима, должна была занять, такъ сказать, мѣсто привратника вратъ въ этой Церкви—государствѣ, тѣлохранителя привиллегій кафедры св. Петра и дѣятельнаго сотрудника послѣдней въ дѣлѣ насажденія и водворенія идеи Царствія Божія на землѣ. Такъ и было до эпохи ренессанса, несмотря на отдѣльныя

¹⁾ О католицизмѣ у Хомякова см. напр. въ I т., стр. 203—207, въ т. IV, стр. 704 и дальше.

частичныя попытки къ сепаратизму, окончившіяся безпощаднымъ усмирениемъ непокорныхъ *ad majorem gloriam Dei*, а также не смотря на эпизоды почти не прекращавшейся съ XIII вѣка борьбы свѣтской и духовной властей изъ-за суверенитета, кончавшіяся нерѣдко даже „плѣненіями“ папъ. И только въ XVI вѣкѣ пробуждается національное самосознаніе Германіи, просыпается искусственно заглушенное, но не вытравленное окончательно, чувство свободы—этотъ національный предикатъ германца—дружиинника, искони свой древній бытъ мирнаго общинника промѣнявшаго на полное боевыхъ тревогъ и завоевательныхъ приключеній дружинное устройство. Могучій протестъ Люгера всколыхнулъ мертвое царство раболѣпной Германіи, въ порывѣ религіознаго энтузіазма расковавшей вѣковыя цѣпи, наложенныя на совѣсть вѣрующаго индивида желѣзной рукой ненасытнаго въ своемъ властолюбіи папизма. Въ результатъ,—протестантизмъ, какъ форма чисто германскаго національнаго самоопредѣленія въ сферѣ Христіанскаго сознанія, какъ попытка религіознаго духа найти выходъ изъ долговой тюрьмы католицизма на просторъ непосредственной близости къ Божеству. Но въ страстности, доходящей до аффекта, этой попытки, скрывались и ея крайность, ея односторонность: свобода была дана, возвращена по принадлежности личности, но единство, какъ ненавистное преданіе романизма, было погребено и отвергнуто. Отсюда Церковь, какъ государство, въ протестантизмѣ была осуждена; но зато объявленъ былъ новый суверенъ въ лицѣ Церкви—индивида; если въ папизмѣ единство, понятое какъ существо Церкви, должно было привести къ религіозной деспотіи, то въ протестантизмѣ свобода, какъ иммапентный предикатъ Церкви, повлекла за собой торжество религіозной анархіи. Въ этомъ отношеніи протестантизмъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ религіознымъ феодализмомъ; онъ понялъ вѣру тоже какъ авторитетъ, только авторитетъ не внѣшній, какъ въ папизмѣ, а внутренній, субъективный, находящій для себя самооправданіе лишь въ совѣсти самозамкнутаго въ своихъ самодержавныхъ правахъ рыцаря, находящаго для себя единственное откровеніе въ мертвомъ фетишѣ—Библии. Но въ этомъ скрывалась и другая односторонность протестантизма—раціонализмъ, который прямо ставитъ его въ связь съ основнымъ направленіемъ всего католицизма, какъ вышедшаго

изъ рационализма и на почвѣ послѣдняго развернувшаго свою доктрину, кристаллизовавшагося въ опредѣленную религіозно-историческую формацию. Этотъ рационализмъ, сдерживаемый въ католицизмѣ репрессіями іезуитской цензуры и предоставленный въ протестантствѣ самому себѣ, въ религіозномъ отношеніи вызвалъ необыкновенное дробленіе религіозныхъ общинъ, въ политическомъ отношеніи создалъ утопію искусственной ассоціаціи, теоріи конституціонализма, республиканскаго парламентаризма, социализма, коммунизма, анархизма. А въ концѣ концовъ протестантскій рационализмъ (какъ и католическій) завершился всеобщимъ невѣріемъ интеллигенціи и матеріалистическимъ позитивизмомъ, нашедшимъ себѣ пристанище въ германской философіи,—этомъ прямою наследникѣ миссіи протестантизма и католицизма, а также разгуломъ беспочвеннаго космополитизма въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ; здоровая національная производительность изсякла и уступила мѣсто фантазмагоріямъ историческаго матеріализма ¹⁾).

Изученіе католицизма и протестантизма, какъ началъ Западно-Европейской жизни, приводитъ А. С. Хомякова къ извѣстной мысли о „гниеніи“ Запада, хотя буквально этого слова и нельзя у него найти. По Хомякову, внутренняя жизнь народовъ даетъ приложеніе и внѣшней жизни народовъ, которая должна быть отраженіемъ первой ²⁾; между тѣмъ, внутренніе устои жизни Западной Европы,—католичество и реформа,—именно по Хомякову и подгнили, и дали трещину: отсюда самъ собою строился выводъ: значитъ, и вся внѣшняя надстройка,—этотъ наружный блескъ и шума западно-европейской жизни,—недолговѣчна, готова развалиться, треснуть. Иначе сказать: Западная Европа результатами своей многовѣковой исторіи, выводами своей цивилизаціи сказала послѣднее слово, пропѣла свою лебединую пѣснь, и для дальнѣйшаго ея прогресса пробилъ смертный часъ.

Правда, одинъ народъ заслуживаетъ въ Западной Европѣ со стороны А. С. Хомякова лестной аттестаціи: англичане, историческая жизнь которыхъ прямо выросла изъ народныхъ корней. Но въ Англіи Хомякову нравится только національ-

¹⁾ О протестантизмѣ см. у Хомякова, напр. въ I т., стран. 149, 210—211 etcet; во II т. вторая и третья брошюры.

²⁾ „Дерево корнемъ крѣпко“. См. VIII т., 298.

ный консерватизмъ или торизмъ; за то онъ выноситъ столь же суровый вердиктъ всей ея государственности и общест-венности, по причинъ той же мертвенности и дряблости просвѣтительнаго начала, вдохновляющаго этотъ строй. „Жизнь Англіи развивалась самобытно изъ своихъ собствен-ныхъ началъ. По словамъ французовъ, англичанинъ гор-дился тѣмъ, что онъ управляется своимъ обычаемъ, а не Римскимъ правомъ. Всякій англичанинъ—тори въ душѣ... То, что существуетъ въ Англіи, то, что иностранцы назы-ваютъ учрежденіями, не является торизму англичанина въ видѣ учреждений. Это просто часть его самого, олицетворе-ніе его внутренней жизни. Таково, во первыхъ, его отноше-ніе къ монархіи... къ закону... потому что всякій законъ англійскій есть англійскій вполнѣ. Главною основою англій-ской жизни есть безспорно жизнь религіозная. Сотни мис-сіонеровъ, разносящихъ Слово Божіе по всему земному шару, и проповѣдниковъ борящихся съ невѣріемъ поверхно-стной философіи, суть только проявленіе общаго духа... Но кромѣ торизма, есть въ Англіи вигизмъ—сила личная и ана-литическая, не вѣрящая своему прошедшему... Крѣпокъ ли англійскій торизмъ? нѣтъ... торизмъ носитъ въ себѣ посто-янно характеръ вигизма и всеразрушающей личности, логи-чески развившейся изъ протестантства; а протестантство было неизбѣжно... Торизмъ англійскій, невѣрный самому себѣ, живетъ только чувствомъ; за вигизмъ стоятъ рассу-докъ и его логическая послѣдовательность. Будущее при-надлежитъ ему... Звонко и мѣрно раздаются удары протес-тантскаго топора, разрубаются тысячелѣтніе корни, стонетъ величавое дерево... Не вѣрится, чтобы земля, воспитавшая такъ много великаго, давшая такъ много примѣровъ чело-вѣчеству, разнесшая свѣтъ христіанства и славу имени Бо-жія по отдаленнѣйшимъ концамъ міра, могла погибнуть; а гибель неизбѣжна, развѣ... приметъ она новое духовное на-чало, которое притупило-бы остріе протестантскаго топора, залечило-бы уже нанесенныя раны и укрѣпило ослабленные корни“ 1)...

Итакъ, исторія Западной Европы не обнаруживаетъ жизнотворности тѣхъ формъ, въ которыя вылилось націо-нальное усвоеніе ученія Христа; причиной тому служитъ своеобразіе романской и германской народности, способныхъ

1) Т. I стр. 128—138

дать именно такое, а не иное, приложеніе христіанству, какъ доктринѣ, не успѣвшихъ возвыситься до пониманія духовнаго, неземнаго содержанія идеаловъ Царствія Божія, начертанныхъ въ Евангеліи. Въ поискахъ христіанизированной народности, мысль Хомякова невольно останавливается на русской націи.

Русское племя принадлежитъ къ великой семьѣ славянскихъ народовъ—земледѣльческихъ по образу занятій и мирныхъ общинниковъ по укладу жизни и характеру. Общинный бытъ русскихъ славянъ покоился на обычаяхъ, которому чужда и противна всякая условность внѣшней регламентаціи закона и писанной конституціи. На этомъ своеобразномъ, исторически сложившемся, бытѣ не лежало пятно завоеванія и слѣдовательно кровопролитія, отмѣтившихъ собою начало исторіи народовъ Западной Европы. Поэтому, съмя ученія Христова, брошенное на эту почву, должно было принести пышный всходъ, такъ какъ „Русской Землѣ была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей изъ правды христіанской, или идея правды, противорѣчащей чувству любви“ ¹⁾. И, дѣйствительно, вся наша „старая Русь создана христіанствомъ“, хотя христіанство и не прошло во внутреннее существо созданнаго имъ цѣлаго, въ полномъ объемѣ своихъ проявленій. Причины этому заключаются не въ цѣльномъ просвѣтительномъ началѣ, въ полномъ объемѣ сохраненномъ на Руси,—началѣ любви въ единствѣ свободы, или Православіи. Во-первыхъ, для полноты реализаціи этого начала на русской почвѣ недоставало истиннаго пониманія православія; сознательно усвоили православіе образованные князья, бояре и старцы градскіе, словомъ высшій и средній классы. „Большая же часть сельскихъ общинъ приняла вѣру Христову съ тихимъ и немудрствующимъ, но за то нѣсколько равнодушнымъ довѣріемъ къ своимъ центральнымъ представителямъ, городовымъ старцамъ и боярамъ, слѣдуя и въ этомъ общему правилу: „что городъ положить, на томъ и пригороды станутъ“. Обращеніе было болѣе обрядовое, чѣмъ разумное, но духъ христіанства проникъ сельскій міръ... и развилъ въ высокой и до тѣхъ поръ невиданной степени общежительное начало“ ²⁾... Обрядовѣріе въ послѣдствіи особенно рельефно просочилось сквозь толщу русской жизни на Стоглавомъ со-

¹⁾ Ibid., 246.

²⁾ Ibid., 253.

борѣ и въ эпоху Никоновыхъ новшествъ, когда отъ Церкви даже откололось старообрядчество въ особый союзъ, провозгласившій Церковь скопищемъ чадъ антихриста.

Обрядовѣріе—первая причина слабого проникновенія просвѣтительныхъ идеаловъ, заключающихся въ Церкви, внутрь сознанія русскихъ людей; вторая причина—такова. Древняя Русь была окружена со всѣхъ сторонъ врагами, которые своими безпрестанными набѣгами угрожали самому ея политическому *statu quo*. Тогда Русская община, по самому существу своему не имѣвшая ни малѣйшей склонности господствовать, призываетъ къ себѣ изъ-за моря государство, для защиты своихъ границъ. Земля, призвавшая государство, оставляетъ за собой право на свободное общинное самоуправленіе, на основаніи древнихъ традицій и обычаевъ. Государство, пекущееся о политическихъ интересахъ страны, получаетъ свободу дѣйствій въ устроеніи внѣшнихъ судебъ земли или политическое самодержавіе. Такимъ образомъ, разграничивается Земщина и Государство, какъ два противоположные, независимые полюсы древне-русской исторической жизни. Первая—область свободы духа и жизни, или самобытно развивающаяся изъ родниковъ народной жизни общественность; представители первой: въ Кіевской Руси—вѣче, въ Московской Руси—земскіе соборы. Вторая—область права и принужденія, внѣшній условный институтъ, —институтъ вооруженнаго отстаиванія народныхъ интересовъ противъ иностранныхъ посягательствъ; представители второй—князь, царь. Но между этими двумя, хотя и чуждыми другъ другу, но взаимно другъ друга признающими и ограничивающими стихіями вкрапляется совершенно чужеродный, но исторически неизбежный элементъ: дружина (въ московскій періодъ мѣстничество). Зло этого института заключалось въ слѣдующемъ. „Дружина не принадлежала области и вольно служила князю. Такимъ образомъ въ ней существовала съ самаго начала крайность личной отдѣленности, которая должна была воздѣйствовать на весь ходъ общественнаго развитія. Чуждая мѣстной общинѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе независимая отъ нея, чѣмъ самъ князь, она не имѣла нигдѣ корня и, по необходимости, стремилась сомкнуться въ самой себѣ, въ порядокъ самостоятельный и отдѣльный отъ всего общества. Таковъ законъ всѣхъ отдѣльныхъ личностей, не связанныхъ съ внутреня-

ними силами какой-нибудь народной жизни. Дружина въ старой Руси окончательно образовалась въ странную и нигдѣ невиданную систему мѣстничества, которой основами служили служебный разрядъ и родовая лѣстница, и обѣ основы были одинаково чужды общей земской жизни. Итакъ, Русскій бытъ, изстари по преимуществу общинный, произвелъ дружину, въ которой личная отдѣленность была доведена до крайности и узаконена, и которая не имѣя съ землею никакихъ общихъ началъ, скрѣпила себя наконецъ искусственнымъ сочлененіемъ мѣстничества, уничтожая окончательно личность и обращая ее въ нумеръ. Такое раздвоеніе съ землею... такая полная китайская формальность въ землѣ, крѣпкой только живыми своими началами, не могла не производить самыхъ губельныхъ послѣдствій. Система, открывавшая путь всякому заѣзжему иноземцу и преграждавшая пути всякому сыну родной земли, должна была мертвить общую жизнь и вносить въ нее безпрестанно или начала чуждыя или зародыши костенѣнія и смерти. Русская исторія представляетъ слишкомъ много свидѣтельствъ этой истинѣ. Русская сила, предводимая не высокими доблестями воинскими, а высокими мѣстническими нумерами, слишкомъ часто гнила въ борьбѣ съ слабѣйшими изъ своихъ враговъ, чтобы можно было отрицать вредное вліяніе мѣстнической формальности или отдѣленія самостоятельной и личной дружины отъ естественнаго строя Русскаго народнаго быта. Вредная въ полномъ развитіи своей самобытности, вредная даже въ своемъ паденіи, она безспорно во многомъ задержала и остановила успѣхъ той образованности, къ которой наша старая Русь была призвана. Въ ея присутствіи то высокое просвѣтительное начало цѣльности, жизни и общенія, которые сохранили для насъ святыя дѣятели и мыслители Православнаго Востока, не могло приносить полныхъ и скорыхъ плодовъ“ ¹⁾,

Третьей причиною, задерживавшей цѣльное осуществленіе просвѣтительнаго начала на Руси, былъ сепаратизмъ отдѣльныхъ областей, не проникшихся вполне сознаниемъ единой нецѣлимой Руси. Носителями началъ политической централизаціи Россіи были князья, дружина и духовенство, вдохновляемое высшимъ христіанскимъ пониманіемъ этого единства, какъ организма любви. Носителями мѣстнаго об-

¹⁾ Ibid., 222—225.

ластного сепаратизма явились общины, земщина, слишком консервативная въ своей фанатичной привязанности къ старинѣ, къ традиціи. „Разумъ требовалъ союза и цѣльности; мѣстная страсть требовала свободы своему произволу. Князья, по единству рода своего, составляли связь между областями; дружина поддерживала ее. Духовенство сознавало святость ея закона. Этому служить доказательствомъ тотъ же лѣтописецъ... II дѣйствительно этотъ законъ святъ для человѣка, просвѣщеннаго Христіанствомъ. Великое слово: „на землѣ миръ“, есть высшее благословеніе, ниспосланное небомъ новому человѣчеству. Широкий міръ, великое братство: таково призваніе для всѣхъ: оно находило своихъ представителей въ князьяхъ, въ дружинѣ и въ духовенствѣ. Они стремились къ единству: но это единство имѣло еще характеръ отвлеченный. Стремленіе частныхъ общинъ къ отдѣльности было въ то же время стремленіемъ къ единству болѣе узкому по своему объему, но зато и болѣе живому по своему естественному происхожденію и по своей связи съ прошедшимъ. Разумѣется, и въ отдѣльныхъ племенахъ... было нѣкоторое стремленіе къ единенію всей земли, и были люди, глубоко ему сочувствовавшіе; и въ дружинѣ были дѣятели, которыхъ сердце понимало потребность мѣстной самостоятельности и теплоту живой связи, существующей въ нѣдрахъ мелкой общины; но логическій законъ явленій не могъ быть измѣненъ. Раздвоеніе продолжало существовать между стремленіемъ къ единству и стремленіемъ къ обособленію, и представители этихъ двухъ стремленій были: обще-Русская дружина съ духовенствомъ и областная земщина. Такимъ образомъ, существовало другое начало раздвоенія и борьбы, которое проникало насквозь все историческое развитіе Русской земли и мѣняло цѣльности, стройности и полнотѣ ея образованія“ ¹⁾.

И вотъ наступаетъ великая историческая тяжба между этими двумя полосами русской жизни, тяжба кровавая, междоусобица, служившая только оболочкой великаго спора между двумя законами исторіи: областнымъ федерализмомъ и закономъ централизаціи власти. „Изъ двухъ стремленій высшее взяло верхъ. Ему помогли, по преимуществу, новые города, которые, при всемъ сходствѣ внутренняго устройства съ старыми не имѣли, подобно имъ, древняго преда-

¹⁾ Ibid., 225--226.

нія, упрямой мѣстной гордости и племенного эгоизма. Рѣшителями же спора были татары: разрушители по своему кочевому и воинственному характеру, они, въ рукѣ Провидѣнія, сдѣлались орудіями созданія одной великой и цѣльной Руси, доказавъ своимъ сокрушительнымъ погромомъ все безсиліе отдѣльныхъ княженій и необходимость единства... Но не легко было торжество и не дешево куплено. Много крови было пролито въ борьбѣ; много искаженій допущено въ жизни. Безчувствіе и сонное равнодушіе наложили печать свою на побѣжденныхъ; гордость и склонность къ злоупотребленію торжества вкрались въ душу побѣдителей. Тутъ опять было глубокое раздвоеніе въ душевномъ настроеніи, въ бытѣ и характерѣ образованности. Областная земская жизнь, покоясь на старинѣ и преданіи, двигаясь въ кругу простыхъ, живыхъ сочувствій, такъ сказать, осязаемыхъ, состоя изъ стихій цѣльной и однородной, отличалась особенно теплотою чувства, богатствомъ слова и фантазій поэтической, и вѣрностью тому бытовому источнику, отъ котораго брала свое начало. Дружина и стихій, стремящаяся къ единенію государственному, двигаясь въ кругу понятій отвлеченныхъ... или выгодъ личныхъ и, принимая въ себя безпрестанный приливъ иноземный, были болѣе склонны къ развитію сухому и разсудочному, къ мертвой формальности, къ принятію Римскаго Византійства въ правѣ и всего чужестраннаго въ обычаѣ¹⁾.

Въ этомъ великомъ дѣлѣ концентраціи Единой Руси громадную роль сыграло наше духовенство, которое своими увѣщаніями и вліяніемъ на массу больше содѣйствовало объединенію русскихъ областей подъ стягомъ Москвы, чѣмъ вся хитроумная политика Симеоновъ, Дмитріевъ, Іоанновъ²⁾. Свою миротворческую и высоко патріотическую миссію нашему духовенству тѣмъ легче было осуществить, что вообще монастыри были окружены въ глазахъ народа ореоломъ разсадниковъ чистаго просвѣщенія и идеальнаго воплощенія началъ Христова ученія³⁾.

Наконецъ, четвертой причиной поверхностнаго развитія идей православія на русской почвѣ въ до-петровской Руси Хомяковъ считаетъ „недостатокъ опредѣлительнаго созна-

1) Ibid., 226—228.

2) 236—237.

3) 246—247.

нія во всѣхъ“,—причина, стоящая въ связи съ первой, т. е. „неполнымъ понятіемъ о православіи въ значительной части людей, составляющихъ русскій народъ“, и ее обуславливающая. Въ чемъ частіѣе заключается данная причина, —Хомяковъ подробно поясняетъ и раскрываетъ. „Знаніе логическое опредѣляетъ въ разсудкѣ только внѣшность предмета или мысли и внѣшность ихъ отношеній къ другимъ. Полное и живое сознаніе опредѣляетъ въ самомъ разумѣ сущность предмета или мысли и его внутреннее отношеніе къ другимъ. Но сознаніе живое, безъ опредѣленнаго знанія логическаго, требуетъ постоянной цѣльности и неизмѣняемаго согласія въ душѣ человѣка; а человѣкъ твореніе слабое и шаткое, лѣнивое умомъ и дряхлое волею, постоянное игрище страстей своихъ и чужихъ, жертва всякаго соблазна жизненнаго и нагнета историческаго, не можетъ почти никогда удерживать въ себѣ душевнаго согласія и никогда не долженъ быть увѣреннымъ, что удержитъ его. При всякой душевной тревогѣ и нарушеніи внутренней цѣльности, образъ и очеркъ живого сознанія волнуются и мутятся; тогда якоремъ спасенія и опоры является частное логическое сознаніе, которое, при всей своей неполнотѣ, имѣетъ рѣзкую и твердую опредѣленность, не подвластную страсти вслѣдствіе самой своей отвлеченности: тогда заговоритъ оно своимъ строгимъ и неизмѣннымъ голосомъ, какъ внѣшній законъ, недостаточный для всѣхъ требованій духа, но возвращающій его къ полному и внутреннему закону, временно помраченному. Односторонняя вѣра въ логическое знаніе мертвитъ истинный разумъ и ведетъ къ самоосужденію логическаго разсудка, какъ мы видѣли изъ всей исторіи западнаго просвѣщенія; но отсутствіе или неопредѣленность логическаго знанія въ развитіи историческомъ отнимаютъ у жизни послѣдовательность и крѣпость... Это зависитъ, очевидно, не отъ недостатка въ руководителѣ внѣшнемъ, который самъ подверженъ тѣмъ же волненіямъ, но отъ недостатка въ руководителѣ внутреннемъ, строго и логически сознанномъ законѣ, укрѣпляющемъ такую волю... Высокія дѣла, слова, которыхъ одно воспоминаніе заставляетъ наше сердце биться съ гордой радостью, прекрасныя и истинно-человѣческія учрежденія, умиленные черты ихъ частнаго быта свидѣтельствуютъ о присутствіи и живомъ сознаніи всецѣльнаго и совершенно просвѣтительнаго начала въ на-

ней старой Руси. Шаткость и непоследовательность, безпре-
 станное искаженіе и одичаніе права уголовного и отчасти
 гражданскаго, наконецъ, расколы и послѣдовавшее за ними
 отпаденіе отъ древнихъ и истинныхъ началъ, свидѣтель-
 ствуютъ объ отсутствіи логическаго опредѣленія понятій.
 Оно выдается съ особенною яркостью, именно въ скорбномъ
 появленіи старообрядческихъ расколовъ. Никто не будетъ
 оспаривать добросовѣстности и неразумной ревности мно-
 гихъ изъ первыхъ раскольниковъ, а они заблудились: по-
 чему же? Издревле и всѣмъ сердцемъ чувствовалъ народъ
 благодатное вліяніе ученія Православнаго и его обрядовъ,
 которыхъ частнаго измѣненія онъ не замѣчалъ. Ими жилъ
 онъ во всей глубинѣ своей мысленной жизни, но логиче-
 ское различіе между ученіемъ и обрядомъ было ему не-
 извѣстно: ему неизвѣстна была Церковная свобода въ отяо-
 шеніи обряда. Наступило время для исправленія вкравшихся
 ошибокъ или отгѣны безполезныхъ формъ, и значительной
 части народа показалось, что посягаютъ на самый корень
 его духовной жизни, на все его духовное сокровище, и она
 впадала въ тотъ еще неосцѣленный расколъ, который разры-
 ваешь внутренній міръ нашего великаго семейства и кото-
 рый такъ горестенъ для всѣхъ Православныхъ и, смѣло
 скажу, для самыхъ раскольниковъ, не смотря на ихъ слѣ-
 пое и, къ несчастію, часто гордое упорство. Но расколъ,
 явленіе сравнительно новое, указываетъ на старую неясность
 понятій. То же самое было и въ общежительствѣ и въ обы-
 чаяхъ, хотя выражалось съ меньшею ясностью. Такова важ-
 ность логическаго опредѣленія. Его отсутствіе выразилось
 у насъ въ общественной жизни древней Руси: необходимость
 же его ярко засвидѣтельствовано исторіей самой Церкви.
 Являлись ереси, и милліоны увлекались въ обманъ. Собра-
 лись соборы и, озаренные духомъ Божиимъ, объявляли
 ясное опредѣленіе Апостольскаго ученія; и соблазнъ явив-
 шейся ереси исчезалъ безвозвратно для членовъ Церкви
 Православной; и изъ ряда Соборныхъ опредѣленій, признан-
 ныхъ Церковью, составилось исповѣданіе вѣры, ея несокру-
 шимый щитъ для всѣхъ временъ“ 1).

Но не смотря на указанная преповы, благодаря кото-
 рымъ задерживалось развитіе и воплощеніе чистаго идеала

1) Ibid, 254--256.

православія, въ смыслѣ соборнаго единенія въ союзѣ любви, все-же древняя Русь шла, хотя и зигзагами, но болѣе или менѣе ясно сознанному пути, самобытному руслу исторической эволюціи. Ею управляли двѣ силы: вверху—стояло государство, институтъ внѣшней правды; внизу—общины, или земля, сохраняющая свободу мысли и духа, развивающаяся подъ прямымъ воздѣйствіемъ древняго исконнаго обычая. Но объединяющимъ ту и другую силы центромъ была Церковь, нравственно свободная и независимая въ дѣлахъ вѣры и совѣсти. Олицетвореніемъ этихъ трехъ силъ, устрояющихъ самобытное развитіе русской націи (самодержавіе=народность=православіе), явилась Москва. „Она совмѣстила въ тѣсномъ союзѣ государственную внѣшность и внутренность, и вотъ тайна ея силы. Наружная форма для нея уже не была случайною, но живою, органическою, и торжество ея въ борьбѣ съ другими княженіями было несомнѣнно. Отъ этого-то такъ рано въ этомъ молодомъ городкѣ, который, по обычаямъ Русской старины, засвидѣтельствованной лѣтописцами, и по мѣстничеству городовъ, долженъ былъ быть смиреннымъ и тихимъ,—родилось вдругъ такое буйное честолюбіе князей, и отъ того народъ могъ сочувствовать съ князьями... Какъ скоро она объявила желаніе быть Россіею, это желаніе должно было исполниться, потому что оно выразилось вдругъ и въ князѣ, и въ гражданинѣ, и въ духовенствѣ, представленномъ въ лицѣ митрополита. Новгородъ устоять не могъ, потому что идея города должна была уступить идеѣ государства; князья противиться долго не могли, потому что они были случайностью въ своихъ княжествахъ; областная свобода и зависть городовъ, разбитыхъ и уничтоженныхъ монголами, не могли служить препоною, потому что инстинктъ народа, послѣ кроваваго урока, имъ полученнаго, стремился къ соединенію силъ, а духовенство, обращающееся къ Москвѣ, какъ къ главѣ православія Русскаго, пріучало умы людей покоряться ея благодѣтельной волѣ“¹⁾).

Такова была до-петровская Русь, невѣжественная, темная, но Святая Русь²⁾, при всѣхъ своихъ недостаткахъ сохранившая цѣлину проросвѣтительнаго начала, заключавшагося въ Православіи, и шедшая неуклонно, хотя и со вре-

¹⁾ Ibid., 373.

²⁾ 358—377.

менными отступленіями, по самобытному руслу развитія и устроенія своей внутренней бытовой жизни. Она была чужда шовинистической замкнутости и щедрою рукою черпала изъ сокровищницы общечеловѣческаго достоянія—сокровищницы откровеній и позбрѣтеній общечеловѣческаго гетія, но заимствовала съ разборомъ чужое, различая то, что шло въ разрѣзъ съ требованіями народнаго духа, отъ того, что его возвышало и не мѣшало его самобытному развитію 1). Но формализмъ, накопившійся на поверхности общественно-государственной и церковной жизни Россіи, уже въ эпоху смутнаго времени, вызвалъ къ жизни появленіе партіи реформъ, партіи космополитовъ,—протестовавшихъ противъ мнимаго консерватизма народныхъ устоевъ русской исторіи 2). Однако, Москва снасла народное начало, хотя опасность реакціи противъ этого формализма и не была устранена на будущее, которое дало Петра. Направленіе Петра по формѣ не было совсѣмъ неправильнымъ: онъ былъ той „благодатной грозой“, „тѣмъ желѣзнымъ могучимъ колоссомъ мысли и воли“, который призванъ былъ пробудить Русь отъ спячки и восточной окаменѣлости, создать „вещественное величіе“ и могущество Россіи и приобщить ее къ благамъ общемировой культуры, прорубить для нея окно въ Европу, ввести ее въ концертъ великихъ европейскихъ державъ. Какъ представитель государственности, Петръ былъ правъ; но, въ погонѣ за скорѣйшей перекройкой формъ русской государственности, Петръ черезчуръ увлекся, какъ человѣкъ, и потому забылъ о правахъ Земли. Дѣло въ томъ, что Петръ цѣликомъ пересадилъ на Русь начала именно чужой частной цивилизаціи: формы западной цивилизаціи были приняты за самое общечеловѣческое просвѣщеніе. Объявлено было гоненіе на все русское; государство перестало быть земскимъ и было перестроено по бюрократическому шаблону Западной Европы 3); воцарилась слѣпая подражательность чужеземнымъ образцамъ 4). А главное Русская жизнь, оторванная отъ своей родной почвы, покрылась сплошной рутинной формализма, столь чуждаго и несвойственнаго русскому народному складу души, сложившемуся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ православія, отрицающаго начала всякаго при-

1) 153—154.

2) 154.

3) 155, 694.

4) 156.

нужденія и разсудочности ¹⁾. Этотъ формализмъ просочился въ нашу науку, которая у насъ стала простой поддѣлкой подъ народность ²⁾, въ нашу словесность, которая столь скудна была до 40-хъ годовъ живымъ содержащемъ ³⁾, въ наше искусство, которое столь бѣдно „художествомъ звука“ и безъидейно въ смыслѣ „гармоническаго выраженія полноты жизни“ ⁴⁾, въ нашу церковь, ставшую вѣдомствомъ православнаго исповѣданія ⁵⁾. При преемникахъ Петра Великаго торжество анти-народныхъ, анти-земскихъ тенденцій достигло своего апогея ⁶⁾; изъ этихъ преемниковъ Хомяковъ только у Елизаветы, отмѣнившей смертную казнь, и у Екатерины, слѣдовавшей вполнѣ народной внѣшней политикѣ, видитъ національный кругозоръ, Александра же I, слѣдовавшаго антинациональной внѣшней и внутренней политикѣ, считаетъ агентомъ иностранной дипломатіи на русскомъ тронѣ.

Такимъ образомъ, все зло послѣ петровскаго или петербургскаго періода исторіи Хомяковъ видитъ въ односторонности реформы Петра: „Грустно подумать—говорить Хомяковъ—что тотъ, кто такъ живо и сильно понялъ смыслъ государства, кто поработилъ ему вполнѣ свою личность, такъ же какъ и личность всѣхъ подданныхъ, не вспомнилъ въ то же время, что тамъ только сила, гдѣ любовь, а любовь только тамъ, гдѣ „личная свобода“ ⁷⁾. Личность была принесена въ жертву вещественнаго левіаѳана-государства; между народомъ и правительствомъ была расторгнута связь живого взаимообщенія; путь національнаго саморазвитія Земли изъ чистыхъ родниковъ общественности былъ покинутъ; началось слѣпое и принудительное подлаживаніе подъ Западъ.

К. Шебатинскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ 61.

⁸⁾ 42—43.

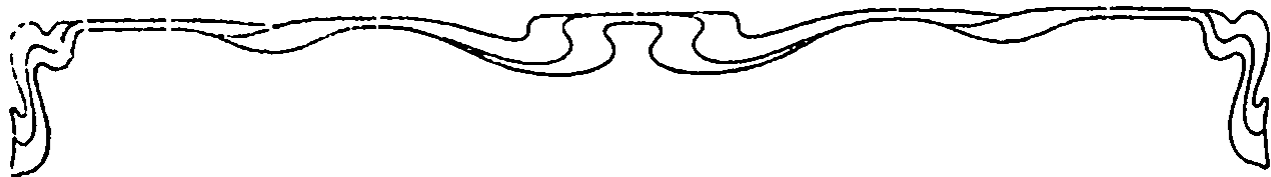
²⁾ 22.

⁴⁾ 113—118.

⁵⁾ VIII, 276—277; Т. I, 371; Т. IV, 386, 399, 216.

⁶⁾ Т. I, 25, 155, 684.

⁷⁾ Ibid., 376.

Культь римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ.

(Окончаніе *).

Глава V.

Константинъ Великій и пережитки культа императоровъ.

Несмотря на жестокую вражду противъ христіанства, язычество незамѣтно для самого себя дѣлало уступки христіанскому ученію, пока не было вовсе побѣждено. Паденіе язычества, помимо очевидной слабости передъ христіанствомъ, вытекало изъ многихъ политическихъ, историческихъ и моральныхъ причинъ. Съ момента признанія христіанства терпимою религіей, послѣднее само по себѣ заняло первенствующее положеніе, и ему не было нужды продолжать прежнюю борьбу съ язычниками. Для окончательнаго подавленія язычества оказалось достаточнымъ нѣсколькихъ императорскихъ указовъ. Оно перестало быть господствующей и обязательной для всѣхъ религіей, но продолжало существовать въ видѣ многочисленныхъ культурныхъ пережитковъ. Таковыми оказались п нѣкоторыя черты императорскаго культа, преобразованныя и освященныя христіанскимъ ученіемъ.

§ 1. Обстоятельства, подготовившія торжество христіанства.

Борьба Рима съ провинціей, о которой вскользь упомянуто въ введеніи, завершилась побѣдою послѣдней. На императорскомъ тронѣ появляются провинціалы и даже вар-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 7 за 1912 г.

вары. Все государство дѣлится на рядъ независимыхъ областей, имѣющихъ свои столицы. Имперія принимаетъ космополитическую окраску. Объединяющее начало въ видѣ культа цезарей уже не въ состояніи предотвратить раздѣлъ монархіи, такъ какъ резиденція земного божества—Римъ отходитъ на задній планъ. Личная власть императора римскаго простирается только на небольшую часть всей имперіи. Такимъ образомъ возникаетъ потребность въ новомъ объединяющемъ началѣ, и его ищутъ опять таки въ религіи. Еще начиная со времени республики, многочисленные ипоземные культы находятъ себѣ радушный пріемъ въ Римѣ. Съ установле-ніемъ имперіи Римъ становится какъ бы *templum mundi totius*—„всемирнымъ храмомъ“. Но римляне не могли путемъ контаминаціи образовать единообразную религію, такъ какъ воспринимаемые культы часто были совершенно различны и даже противоположны другъ другу.

Обиліе боговъ въ Римѣ привело религіозную эволюцію язычества къ ея естественному концу—синкретизму ¹⁾. Онъ былъ подготовленъ всѣми предыдущими вѣками римской исторіи, когда латинскій Юпитеръ отождествлялся съ греческимъ Зевсомъ, Церера съ Деметрой, Меркурій съ Гермесомъ, Юнона съ Герой и т. п. Въ эпоху имперіи такой же процессъ синкретизма наблюдался въ болѣе широкихъ размѣрахъ, такъ какъ теперь были привлечены къ почитанію боги Востока и почти всѣхъ варварскихъ странъ. Наконецъ, сами императоры начинаютъ приходить къ мысли о созданіи общей синкретической религіи. Элагабалъ сдѣлалъ первую попытку въ этомъ направленіи. Онъ собралъ въ храмъ своего сирійскаго бога наиболѣе почитаемыя эмблемы другихъ культовъ: огонь Весты, камень Великой Матери боговъ, палладіумъ, который никто не имѣлъ права видѣть, священные щиты Саліевъ, камни изъ храма Діаны Лаодикійской. Но Элагабалу не удалось сдѣлать своего бога выше римскихъ. Безрезультатной оказалась и дѣятельность Александра Севера, стремившагося объединить всѣ религіи, признавая за ними тождество и считая важнымъ не способъ поклоненія богамъ, а самый фактъ поклоненія.

¹⁾ О синкретизмѣ римской религіи см. *Ревилль, Ж.* Религія въ Римѣ при Северахъ, пер. съ французскаго подъ ред. В. Н. Липиды Москва 1898.

Приблизительно въ такомъ же духѣ была попытка Аврелиана отождествить всѣхъ мужскихъ боговъ съ Солнцемъ, а женскихъ съ Луною. Эта мысль была проведена путемъ переустройства коллегіи понтификовъ, но, подобно прочимъ, потерѣла неудачу. Впослѣдствіи возникаетъ мысль о созданіи особой религіи въ каждой отдельной области. Эта мысль принадлежала Максимиану Далъ, но и онъ не могъ создать государственныхъ культовъ.

Если облеченнымъ неограниченной властью римскимъ императорамъ не удалось достигнуть единства культа, то еще менѣе удались подобныя попытки религіозно настроенной части римскаго общества. Язычество жило лишь въ массѣ уже образовавшихся культовъ и не могло создать ничего новаго. Только чисто механическая группировка сходныхъ культовъ давала призрачную тѣнь чего-то новаго, но и этого было достаточно, чтобы такіе quasi—новые культы приобрѣтали многочисленныхъ сторонниковъ и представляли для христіанства болѣе серьезныхъ соперниковъ, чѣмъ культы въ своемъ первоначальномъ видѣ. Особеннымъ распространениемъ пользовались культы Изиды и Митры, заключавшіе въ себѣ даже черты христіанской религіи.

Такимъ образомъ, стремясь къ моноизму, исключавшему компромиссы съ иными вѣрованіями, римская религія постепенно подготовляла оправданіе поведенія христіанъ, не вступавшихъ ни въ какія связи съ языческими культами.

§ 2. Культъ императоровъ послѣ восторжествованія христіанства.

Необходимость однообразнаго культа для государства обусловливала успѣхъ христіанству съ политической точки зрѣнія, а потребность замѣны обветшавшей языческой религіи новой—съ религіозной. Однако, покончить со старымъ могъ только императоръ, которому были бы чужды языческія традиціи Рима, который не затруднился бы даже признать официально за „вѣчнымъ городомъ“ второстепенное значеніе. Именно такимъ и оказался представитель римской провинціи Константинъ Великій. Въ самомъ началѣ своего правленія онъ признаетъ права христіанской религіи, а затѣмъ понемногу подавляетъ язычество. Его дѣятельность

могла идти тѣмъ успѣшнѣе, что онъ считался главою всѣхъ языческихъ культовъ и сверхъ того христіанской религіи. Къ концу правленія Константина Великаго о возобновленіи язычества въ качествѣ государственной религіи трудно было и думать.

Самъ Константинъ Великій былъ убѣжденнымъ христіаниномъ. Еще до занятія императорскаго престола онъ имѣлъ возможность близко познакомиться и съ христіанскимъ ученіемъ, и съ христіанской жизнью. По натурѣ простой, обходительный и милостивый, онъ не могъ не завоевать горячихъ симпатій въ христіанскомъ обществѣ. И оно, вдохновленное близкою возможностью вздохнуть, наконецъ, свободно послѣ трехвѣкового безправнаго и забитаго положенія, приложило всѣ усилія, чтобы увидѣть своего единомышленника на престолѣ. Ожиданія исполнились. Христіанскій императоръ побѣдилъ языческаго. Но онъ не началъ такихъ гоненій противъ язычниковъ, какія несомнѣнно имѣли бы мѣсто противъ христіанъ, если бы Константинъ потерпѣлъ неудачу. Онъ предоставилъ дѣла собственному теченію, вполне увѣренный, что христіанство само сумѣетъ выйти побѣдителемъ. И дѣйствительно, язычество явно шло на убыль, и число его сторонниковъ непрерывно уменьшалось.

Но оно продолжало еще жить. Самъ Константинъ былъ *pontifex maximus*. Таковы были и его преемники. Императоры попрежнему считались выше прочихъ смертныхъ. Каждый изъ нихъ говорилъ о себѣ *Numen meum*, и чиновники давали имъ этотъ же титулъ. Всѣ дѣла, исходящія отъ верховной власти, священны и божественны. Эпитетъ *aeternus*—вѣчный нераздѣльно связанъ съ именемъ августа. Нѣкоторое время продолжаетъ существовать названіе императорской семьи—*domus divina*. А изображенія императора продолжаютъ быть предметомъ благоговѣнія.

Преемники Константина—Константъ, Констанцій, Юліанъ и пр. были по смерти обожествляемы язычниками и считались *Divi*. Въ домашней жизни они пользовались глубокимъ почитаніемъ. Но всѣ эти почести были обычной данью уваженія къ повелителямъ, уваженія, принявшаго по традиціи ту форму, въ которую были ранѣе облечены почести человѣку-богу. Въ нихъ мы, конечно, не найдемъ признанія христіанами божественности императора, потому что старый

принципъ „какъ можно поклоняться человѣку?“ остался въ неприкосновенности и по восторжествованіи христіанства надъ язычествомъ.

§ 3. Свѣтская и духовная власть въ римской имперіи.

Соединеніе свѣтской власти съ жреческой, установленное Августомъ, существовало лишь до восторжествованія христіанства надъ язычествомъ. Христіане съ самаго пачала проводили мысль, что религія должна быть независимой отъ государства, что надо воздавать Кесарево Кесарю, а Божіе— Богу. Уже по одному этому они чуждались какихъ-либо политическихъ ученій; повинаясь кесарю, они вовсе не дѣлали вывода, что сочувствуютъ существующему порядку. Христіанство принимало его, какъ нѣчто такое, противъ чего нельзя было возставать. Всякій долженъ былъ повиноваться власти, какъ Божескому установленію, не входя въ обсужденіе ея законности или цѣлесообразности.

При Константинѣ Великомъ неограниченная власть императора и христіанство соединились въ одномъ лицѣ. Принципіальный характеръ обѣихъ силъ не допускалъ никакихъ ограниченій. Каждому была отдѣлена собственная область, не допускавшая вмѣшательства другой стороны. Церковь не могла уступить государству своей задачи, хотя бы послѣднее приняло съ подобающимъ уваженіемъ законъ Христовъ, не могла сдѣлать этого, не отрекаясь отъ собственнаго самостоятельнаго существованія ¹⁾. Она не допускала, чтобы императоръ сдѣлался ея главою, подобно тому, какъ онъ былъ верховнымъ жрецомъ древней религіи.

И государство также послѣ принятія христіанства его гражданами, не желаетъ уступить своего мѣста церкви и предоставить ей исполнять его дѣло. Единственнаго можно ожидать отъ христіанскаго государства—что оно лучше исполнитъ свою задачу, благодаря вліянію христіанскихъ началъ, живущихъ въ умахъ и сердцахъ его гражданъ и правительства ²⁾.

Соотношеніе свѣтской власти въ лицѣ императора и духовной въ лицѣ патріарха на Востокѣ имѣло въ основѣ

¹⁾ Златоустъ. Слова на разн. мѣста св. писанія II, 318—324.

²⁾ Евсев. II. E. IV, 26.

параллелизмъ обоихъ началъ. Впрочемъ, иногда это соотношение теряло равновѣсіе, когда одна изъ сторонъ вмѣшивалась въ дѣла другой. Извѣстно изреченіе Констанція: ὅπερ ἐγὼ βούλομαι, τούτο κανὼν νομιζέσθω—„что я пожелаю, то пусть и считается правиломъ“. Со своей стороны и патріархи иногда играли политическую роль, поддерживая императоровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе предпринимали какія-либо полезныя для церкви мѣропріятія или, наоборотъ, относились къ нимъ съ порицаніемъ, если императоры дѣйствовали противно христіанскому ученію.

Иное соотношеніе власти образовалось на западѣ. Тамъ подъ вліяніемъ историческихъ условій сильно ослабѣлъ авторитетъ свѣтской власти, взамѣнъ чего возросло вліяніе римскихъ епископовъ, которые неоднократно заявляли притязаніе на полноту компетенціи въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Эти домогательства, не оправдываемыя ни историческимъ прошлымъ, ни юридическими основаніями, въ концѣ концовъ выработали идею о полномъ подчиненіи императора Западно-Римской имперіи римскому епископу. Это воззрѣніе нашло себѣ характерное выраженіе въ формулѣ: „подобно тому какъ луна получаетъ свѣтъ отъ солнца, такъ и императоръ получаетъ власть отъ папы“.

На Востокъ же идея о параллельности духовной и свѣтской власти преемственно изъ Византіи перешла въ Россію, гдѣ съ нѣкоторыми измѣненіями продолжаетъ существовать до настоящаго времени.

В. А. Мелиховъ.

Факты и воспоминанія изъ жизни герцоговинца на службѣ по духовно-учебному вѣдомству.

(Продолженіе *).

Что сдѣлано епископомъ Маркелломъ на Полоцкой кафедрѣ.

Иппа свои зларѣчивыя письма, протоіерей Волковъ, конечно, не предполагалъ, что они когда нибудь узрятъ свѣтъ Божій, а потому и дерзалъ лягать въ своего архіерея, не считаясь съ логическимъ противорѣчіемъ въ своихъ письмахъ и поведеніи. Своимъ злословіемъ и неблаговиднымъ откровенничаньемъ и секретничаньемъ въ перепискѣ съ архіепископомъ Саввою онъ обнаружилъ свою нечистоплотность и низкопробность своихъ кляузъ. Люди честные, объективно относящіеся къ дѣлу, совсѣмъ иначе смотрѣли на дѣятельность преосвященнаго Маркелла на Полоцкой кафедрѣ. По своему мягкому характеру онъ неспособенъ былъ къ крутымъ мѣрамъ и ненужной ломкѣ заведенныхъ порядковъ, въ чемъ многіе изъ начальствующихъ полагаютъ суть своей дѣятельности, а тихо и скромно, безъ шума и газетной трескотни услужливыхъ борзописцевъ, продолжалъ свое архипастырское дѣланіе. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на церковную проповѣдь и настойчиво убѣждалъ священниковъ чаще бесѣдовать съ прихожанами, говорить съ ними возможно проще, на понятномъ имъ языкѣ. При каждой церкви заведены были богослужebные журналы, куда записывались темы проповѣдей, и при ревизіяхъ провѣрялись. Ставленники не иначе допускались къ рукоположенію, какъ по написаніи ими и произнесеніи двухъ пропо-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4 за 1912 годъ.

вѣдей въ церкви архіерейскаго дома. Священники, усердствующіе въ проповѣданіи слова Божія, поощрялись вниманіемъ архипастыря и назначались на лучшіе приходы. Этими мѣрами достигнуто было улучшеніе проповѣдническаго дѣла въ епархіи, не особенно высоко стоявшаго при грозныхъ предшественникахъ епископа Маркелла. Съ такою же заботливостію имъ обращено было вниманіе на улучшеніе церковнаго пѣнія. Отъ псаломщиковъ и діаконовъ владыка требовалъ, чтобы они обучали мальчиковъ и дѣвочекъ церковному пѣнію и образовывали изъ нихъ церковные хоры, и когда это дѣло наладилось, онъ сталъ настаивать, чтобы заводилось по церквамъ и общее пѣніе. И благодаря его настойчивости, Полоцкая епархія въ дѣлѣ общаго церковнаго пѣнія опередила другія епархіи.

Люди съ благою совѣстью знаютъ, что сдѣлано при епископѣ Маркеллѣ для расширенія и правильной постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ Спасо-Евфросиніевскомъ женскомъ училищѣ и съ какою цѣлью имъ испрошено разрѣшеніе о закрытіи мужскаго Тедулинскаго монастыря и переименованіи его въ женскій. Приставленные къ церковно-школьному дѣлу въ епархіи неложно засвидѣтельствуютъ, что владыка Маркеллъ едвали не больше своихъ предшественниковъ и первыхъ двухъ преемниковъ ревновалъ о просвѣщеніи народа въ духѣ православной церкви и оставилъ послѣ себя 172 церковно-приходскихъ школы, въ которыхъ обучалось до 4000 мальчиковъ и дѣвочекъ.

За полтора года до оставленія имъ кафедры, по его благословенію, открыто Епархіальное Братство во имя св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра „съ цѣлью матеріальнаго и нравственнаго содѣйствія распространенію и утвержденію религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви въ предѣлахъ Полоцкой епархіи“. Нѣтъ сомнѣнія, еслибы преосвященный Маркеллъ остался на кафедрѣ, жизнь Братства билась бы инымъ темпомъ, иной духъ вѣялъ бы въ немъ. Но и за короткое время кое-что сдѣлано. Не говоря о благоустройствѣ церковныхъ школъ, завѣдываніе которыми сосредоточено было въ Совѣтѣ Братства, по личному желанію его преосвященства, при Витебской семинаріи устроены были публичныя чтенія для народа съ религіозно-нравственными цѣлями и съ его разрѣшенія воз-

бужденъ въ Совѣтъ вопросъ объ открытіи на средства Братства при женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства образцовой одноклассной церковно-приходской школы. Его ходатайство предъ высшимъ начальствомъ объ устройствѣ школы принято во вниманіе и испрошено Высочайшее соизволеніе Государыни Императрицы Маріи Теодоровны на открытіе оной.

Удовлетворительно поставлено было и веденіе миссіонерскаго дѣла въ епархіи. Епархіальный миссіонеръ священникъ Н. Окловичъ, кандидатъ Московской академіи, дѣйствовалъ энергично, тактично и успѣшно. Его отчеты о собесѣдованіяхъ съ раскольниками, печатавшіеся въ епархіальномъ органѣ, по содержательности своей едва ли уступаютъ собесѣдованіямъ многихъ нынѣшнихъ епархіальныхъ миссіонеровъ.

Мои отношенія къ преосвященному Маркеллу и прощальныя рѣчи ему.

Состоя въ должности ректора семинаріи, предсѣдателя епархіальнаго училищнаго Совѣта и вмѣстѣ Совѣта Братства, я почти ежедневно дѣлалъ докладъ преосвященному по семинарскимъ, церковно-школьнымъ и братскимъ дѣламъ и имѣлъ возможность убѣдиться въ его мудрости и обширныхъ познаніяхъ, въ его любви ко всему родному и православному, въ его скорби по поводу застоя просвѣтительнаго дѣла у насъ и радости, что церковно-школьное дѣло подвигается впередъ. Въ высшей степени больно было разставаться съ уходящимъ архипастыремъ, и я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ открыто выразить ему свою сыновнюю преданность въ прощальныхъ рѣчахъ отъ имени Совѣта Братства и отъ лица учащихся и учащихъ въ семинаріи наканунѣ отбытія его изъ Витебска, 17-го апрѣля 1889 года.

Когда послѣ напутственнаго молебствія отбывающему владыкѣ присутствовавшіе въ соборѣ собрались въ владычныхъ покояхъ, я, стоя во главѣ депутаціи отъ Совѣта Братства, сказалъ ему слѣдующее: „Преосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Архипастырь и Отецъ! Во время семилѣтняго управленія Твоего Полоцко-Витебскою кафедрою, между многими добрыми дѣлами, сдѣланными Тобою для духовенства и паствы, возникло учрежденіе, имѣющее цѣлью заботиться

о распространении и утверждении въ предѣлахъ нашей епархіи религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви и содѣйствовать ослабленію раскола и огражденію православнаго населенія отъ вредныхъ вліяній на него со стороны инославныхъ вѣроисповѣданій и ученій. Это—любезное Твоему сердцу учрежденіе—есть Братство св. равноапостольнаго в. к. Владиміра, уставъ котораго утвержденъ Тобою 3-го сентября 1887 г. На воззваніе Твое, обращенное тогда же къ духовенству Полоцкой епархіи, а чрезъ него и ко всей паствѣ, съ радостію откликнулись пастыри и многіе изъ паствы, и Братство наше вступило въ жизнь чрезъ 2 мѣсяца по утвержденіи устава его. Немного протекло времени со дня открытія Братства, но благодаря Твоей попечительности, оно не мало принесло пользы дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ нашей немногочисленной и небогатой матеріальными средствами епархіи. Въ настоящее время у насъ существуетъ 172 церковно-приходскихъ школъ, въ числѣ коихъ 4 двухклассныя, 136 одноклассныхъ и 32 школы грамотности, а число учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ простирается до 4000. Совѣтъ Братства, завѣдующій сими школами, почитаетъ для себя священнымъ долгомъ принести Тебѣ, благочестнѣйшій Архипастырь, сердечнѣйшую благодарность за оставляемое ему наслѣдіе и за ту внимательность и любовь, съ какими Ты всегда относился къ намъ—членамъ его. Повѣрь, досточтимый Владыко, что и мы питаемъ искреннѣйшую любовь къ Тебѣ. Движимые ею, мы пришли проститься съ Тобою и испросить у Тебя, въ напутствіе своей дѣятельности, святительское благословеніе. Благослови же насъ, милостивыи Архипастырь! Вдохни въ насъ ту святую любовь и преданность къ матери нашей Православной Церкви, Царю и Отечеству, какими Ты отличался и отличаешься. Въ память о достолюбезномъ Тебѣ Полоцкомъ Епархіальномъ Свято-Владимірскомъ Братствѣ прими отъ насъ сей святой образъ Спасителя нашего Иисуса Христа, для славы имени Котораго Ты очень и очень доселѣ потрудился“.

Вручивъ образъ преосвященному, я затѣмъ отъ лица учащихся и учащихъ въ семинаріи сказалъ ему слѣдующее: „Преосвященнѣйшій Владыко, Благостнѣйшій Архипастырь! Ни для кого въ Полоцкой епархіи не протекли такъ

незамѣтно семь лѣтъ Твоего пребыванія въ ней, какъ для духовно учебныхъ заведеній. Мы—учащіе знали, что Ты принадлежишь къ числу многоопытныхъ педагоговъ и обладаешь обширными познаніями въ разныхъ наукахъ, но никто изъ насъ не чувствовалъ смущенія во время присутствія Твоего на нашихъ урокахъ и испытаніяхъ по преподаваемымъ нами наукамъ. Мы съ радостію ожидали Твоихъ посещеній, ибо были увѣрены въ Твоей любви къ намъ и спсходительности къ руководимымъ нами питомцамъ. Полное довѣріе, которое Ты оказывалъ намъ—начальствующимъ и учащимъ, заставляло насъ быть исправными въ исполненіи своихъ обязанностей и усердно заниматься для насажденія здраваго ученія въ сердцахъ духовнаго юношества. Результаты нашихъ трудовъ извѣстны Тебѣ по пастырямъ паствы, которую Ты съ кротостію и любовію правилъ семь лѣтъ и которую не безъ скорби оставляешь. Мы знаемъ, что Ты никогда не забудешь Полоцко-Витебской паствы; знаемъ, что Ты усердно будешь возносить молитвы Господу Богу о ней и ея пастыряхъ, бывшихъ Твоихъ сопастыряхъ. Вѣримъ, что не забудешь въ своихъ святительскихъ молитвахъ и насъ—учащихъ и учащихся въ главномъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія въ предѣлахъ Полоцкой епархіи—въ Витебской духовной семинаріи. На память о семинаріи почтительнѣйше просимъ Тебя, милостивый Архипастырь, принять отъ насъ сію книгу ¹⁾, по которой преемники Господа нашего Иисуса Христа и Его св. апостоловъ совершаютъ богослуженіе и сподобляются достойныхъ благодати священства. Пусть она при каждомъ богослуженіи напоминаетъ Тебѣ о насъ, о нашей любви къ Тебѣ и глубокомъ уваженіи“.

Несообразительность руководителей городского духовенства и письменное пустословіе одного изъ нихъ.

Городское духовенство, къ стыду его руководителей—кафедрального протоіерея Волкова и благочиннаго протоіерея Заволоцкаго, на томъ основаніи, что преосвященный, по своей скромности, уклонился отъ всякаго чествованія, не позаботилось даже о приобрѣтеніи иконы съ подобающей надписью, чтобы поднести ее отъѣзжающему архипастырю въ молитвен-

¹⁾ Чиновникъ архіерейскаго служенія.

ную память о бывшей паствѣ. И только когда увидѣли что сдѣлало Братство и семинарія, спохватились: благочинный побѣжалъ въ магазинъ, взялъ икону въ долгъ и на слѣдующій день, въ девятомъ часу утра, за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда, когда владыка былъ уже въ вагонѣ, вручилъ ему икону отъ духовенства!

Сердечные проводы устроены были доброму и любвеобильному архипастырю. Горожане видѣли на вокзалѣ начальника губерніи, вице-губернатора, предводителя дворянства, много другихъ начальствующихъ лицъ, все городское духовенство, воспитанницъ женскаго училища и массу публики не только православной, но и другихъ вѣроисповѣданій. Безъ сомнѣнія, въ числѣ первыхъ, лобызавшихъ благословляющую руку архипастыря, былъ кафедральный протоіерей Волковъ, но какое послѣднее цѣлованіе онъ далъ тому, кого недавно въ своей рѣчи въ храмѣ называлъ „ангеломъ изъ людей“, видно изъ его позорнаго письма отъ 6-го мая къ архіепископу Саввѣ. „Преосвященнаго Маркелла проводили 18-го апрѣля въ 9 часовъ утра, въ дождливую и холодную погоду. Проводы были самые прозаическіе. Еще задолго до отъѣзда своего, преосвященный Маркеллъ объявлялъ неоднократно, что не приметъ ни обѣдовъ, ни подношеній. Поэтому никто и не хлопоталъ объ этомъ. За нѣсколько дней предъ отъѣздомъ онъ прочиталъ о проводахъ преосвященнаго Антонина изъ Ковны: захотѣлось и ему торжественныхъ проводовъ, о чемъ мимоходомъ намекнулъ ректору семинаріи. Тотъ принялъ къ свѣдѣнію, но никому не сказалъ. Въ день отъѣзда къ 9 часамъ собралось духовенство, хотъ и не все, потому что былъ день радоницы—служба церковная; ректоръ же съ своей корпораціей былъ въ полномъ составѣ. Когда преосвященный вышелъ проститься, ректоръ выступаетъ впередъ, говоритъ рѣчь и подноситъ икону и чиновникъ архіерейскій въ переплетѣ Витебскаго искусства. Преосвященный принимаетъ. Мы всѣ переглянулись и удивились... Простившись и вышедши изъ залы, духовенство спрашиваетъ ректора, какъ онъ рѣшился подносить икону и книгу, когда преосвященный неоднократно говорилъ, что онъ не приметъ подношеній, кромѣ облаченій, митры и жезла отъ кафедральнаго собора, что и сдѣлано. Ректоръ отвѣтилъ: то онъ сгоряча въ минуту огорченій такъ сказалъ, а послѣ раздумалъ

и желать, чтобы проводили его торжественно... Архіерей уѣхалъ на вокзалъ, а благочинный побѣжалъ въ лавку Середнякова, схватилъ икону Спасителя, какая была, и повезъ на вокзалъ, и уже въ вагонъ поднесъ отъ духовенства на память. Публики было мало и то простонародіе; изъ интеллигенціи же очень мало. Описаніе проводовъ, сдѣланное въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“—„Поэзія,—фантазія редактора“. (Тамъ же, стр. 836—837).

Злословіе кафедральнаго протоіерія на своего бывшего архіерея еще лишній разъ характеризуетъ нечистоплотность о. Волкова съ нравственной стороны и показываетъ, какого злого человека имѣлъ преосвященный Маркеллъ своимъ ближайшимъ помощникомъ по управленію епархіею. Что же касается его злословія по моему адресу, какъ ректора, который безъ вѣдома духовенства рѣшился выступить съ рѣчами и подношеніями и которому какъ будто бы пришлось объясняться предъ кѣмъ-то, то все это есть дѣйствительно плодъ фантазіи о. Волкова. Какъ я ни доступенъ всегда былъ, какъ ни готовъ былъ на всякія личныя услуги, но въ вопросахъ, касающихся семинаріи, епархіальнаго училищнаго Совѣта и Братства, какъ тогда, такъ и въ послѣдующее время въ другомъ мѣстѣ служенія, я никогда не вступалъ ни въ какіе переговоры съ лицами, не имѣющими непосредственнаго отношенія къ этимъ учрежденіямъ. А по такому вопросу, какъ поднесеніе иконы и богослужебной книги бывшему своему архипастырю, начальнику и руководителю, считалъ бы и позорнымъ для себя руководиться чужими и противными мнѣ соображеніями.

Отмѣчу и неточности въ письмѣ о. Волкова: икона мною поднесена была преосвященному отъ Совѣта Братства, а книга,—„чиновникъ архіерейскаго служенія“ отъ семинаріи. Архіерей поѣхалъ на вокзалъ не послѣ рѣчей и поднесеній, имѣвшихъ мѣсто 17 апрѣля, а на слѣдующій день утромъ, когда блаженно-лукавый благочинный и вручилъ ему икону отъ духовенства.

Прот. Г. Пичета.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

31 Апрелья

№ 8

1912 года.

Содержаніе. Приемъ должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей у Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго въ лѣтнюю пору.—Отъ Предсѣдателя Отдѣла воздушнаго флота Великаго Князя Александра Михайловича.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Книжнаго Комитета.

I.

ПРИЕМЪ

должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей у Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, въ лѣтнюю пору.

Съ 25 Апрелья въ продолженіе всего лѣта Владыка будетъ принимать всѣхъ лицъ, имѣющихъ надобность къ нему, въ Городскомъ Домѣ по СРЕДАМЪ въ 11 ч. дня; на дачѣ въ загородномъ домѣ приема не бываетъ.

Отъ Предсѣдателя Отдѣла воздушнаго флота Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА.

Воздушный флотъ Россіи долженъ быть сильнѣе воздушныхъ флотовъ нашихъ сосѣдей. Это слѣдуетъ помнить каждому, кому дорога военная мощь нашей родины.

Два года тому назадъ Я обращался съ воззваніемъ, прося жертвовать на созданіе воздушнаго флота.

За это время пожертвованій поступило 226.923 рубля; кромѣ того, на созданіе воздушнаго флота, согласно волѣ жертвователей, были обращены 880.000 рублей, оставшіеся отъ суммъ, пожертвованныхъ во время Русско-Японской войны на усиленіе морского флота.

Отдѣлъ воздушнаго флота ВѢСОЧАЙШЕ учрежденнаго Особаго Комитета по усиленію военнаго флота Россіи на добровольныя пожертвованія поставилъ первой своей задачей образованіе корпуса военныхъ летчиковъ, и съ этой цѣлью была основана офицерская школа авіаціи въ Севастополѣ.

Въ Ноябрь 1910 года школа открыла свои дѣйствія и въ Августѣ 1911 года уже имѣла возможность командировать 19 самолетовъ и 20 летчиковъ на маневры С.-Петербургскаго, Варшавскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ. Въ Ноябрь 1911 года состоялся выпускъ первыхъ летчиковъ въ числѣ 30 человекъ. Составъ школы, имѣвшей въ Ноябрь 1910 года 18 офицеровъ и 20 нижнихъ чиновъ при 6 самолетахъ, къ Апрѣлю текущаго года увеличился до 102 офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ при 55 самолетахъ. Въ настоящее время, въ виду приобрѣтенія новыхъ быстроходныхъ самолетовъ, часть офицерской школы авіаціи переведена на рѣку Качу, въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ Севастополя, и къ зимѣ текущаго года вся школа перейдетъ на новое мѣсто. Къ концу года школа предполагаетъ выпустить до 100 военныхъ летчиковъ. За 2 года было приобрѣтено за границей и построено въ Россіи всего 77 самолетовъ. Такимъ образомъ Отдѣлъ воздушнаго флота по мѣрѣ силъ и средствъ дѣлаетъ все, что возможно, но потребность военныхъ летчиковъ во много разъ превышаетъ то число, которое школа можетъ подготовить. Доблестный духъ нашей арміи и беззавѣтная храбрость ея офицеровъ сказывается въ томъ, что число желающихъ въ школу превышаетъ 1200 человекъ.

Франція, Италія и наши сосѣди, придя къ заключенію, что самолеты необходимы арміи, какъ развѣдчики и какъ орудіе пораженія непріятеля сверху, не жалѣютъ государственныхъ средствъ на созданіе воздушнаго флота. Одновременно въ этихъ странахъ собираются для этой цѣли крупныя суммы путемъ частныхъ пожертвованій: въ Германіи для сбора пожертвованій образованъ воздухоплавательный комитетъ подъ предѣдательствомъ брата Императора.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если мы не приложимъ всѣхъ усилій на развитіе уже начатаго,—мы потеряемъ то мѣсто (второе въ мірѣ), которое въ отношеніи воздушнаго флота занимаемъ теперь, и отстанемъ отъ нашихъ сосѣдей. Опасность положенія ясна, допустить этого нельзя, и Я снова считаю долгомъ обратиться съ призывомъ о пожертвованіяхъ на воздушный флотъ.

Предѣдатель Отдѣла воздушнаго флота

Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАИЛОВИЧЪ.

Отъ Редакціи: Пожертвованія принимаются въ Конторѣ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА, С.-Петербургъ, Офицерская 35.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Харьковская Духовная Консисторія симъ сообщаетъ къ свѣдѣнію духовенства епархіи, что 1) указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 29 Февраля 1912 года за № 3488, утвержденъ ревизіонный комитетъ для Харьковской епархіи въ составѣ слѣдующихъ лицъ: председателемъ комитета священникъ Харьковской Димитріевской церкви Александръ Луценко и членами протоіерей Харьковской Николаевской церкви Василій Ветуховъ, протоіерей Харьковскаго Кафедральнаго Собора Владиміръ Александровъ и священникъ Харьковской Восресенской церкви Георгій Рудинскій, что 2) дѣйствія означеннаго комитета открыты и 3) помѣщеніе комитета имѣеть въ новоустроенномъ Епархіальномъ домѣ.

Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища.

Правленіе Сумскаго Духовнаго Училища симъ объявляетъ, что пріемныя испытанія для поступленія въ приготовительный и I-й классы училища будутъ производиться 5 іюня сего года. (Такія же испытанія будутъ произведены и въ августъ мѣсяцъ).

Смотритель Училища,
Протоіерей А. Грузовъ.

Епархіальныя извѣщенія.

1) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Бывшій воспитанникъ Харьковской Духовной Семинаріи *Владиміръ Доброничкій* 16 марта опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви с. Барыкина, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Сынъ священника *Владиміръ Сергѣевъ* 18 апрѣля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви с. Маяки, Изюмскаго уѣзда.

в) Безмѣстный псаломщикъ *Стефанъ Лазаренко* 17 апрѣля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви с. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Рождество-Богородичной церкви с. Карповки, Изюмскаго уѣзда, *Димитрій Макаровскій*, согласно его прошенію,

10 апрѣля перемѣщенъ на священническое мѣсто при Троицкой церкви с. Гусаровки, того-же уѣзда.

б) На священническое мѣсто при Александро-Невской церкви сл. Тополей, Купянскаго уѣзда, 13 апрѣля перемѣщенъ священникъ Казанской церкви с. Овсяникова, Ковровскаго уѣзда, Владимірской епархіи. *Владиміръ Троицкій*.

в) Діаконъ Покровской церкви с. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда. *Іоаннъ Труфановъ*, 11 апрѣля перемѣщенъ на службу въ Черниговскую епархію.

г) Діаконъ-псаломщикъ Вознесенской церкви сл. Чебановки, Старобѣльскаго уѣзда, *Оеофанъ Филевскій*, согласно прошевію, 9 апрѣля перемѣщенъ на псаломщицкое мѣсто при Старобѣльскомъ Покровскомъ соборѣ.

3) Объ утвержденіи и. д. псаломщика въ должности.

И. д. псаломщика Александро-Невской церкви с. Ново-Славинска, Изюмскаго уѣзда, *Николай Булгаковъ*, 5 апрѣля утвержденъ въ должности псаломщика.

4) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви с. Черкаскаго Биткина, Зміевского уѣзда, старостою утвержденъ 3 апрѣля крестьянинъ *Алексѣй Несмѣянъ*.

б) Къ церкви с. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, старостою утвержденъ 5 апрѣля крестьянинъ *Гавріилъ Ярыльченко*

в) Къ церкви сел. Терновой, Волчанскаго уѣзда, старостою утвержденъ 6 апрѣля крестьянинъ *Оеодоръ Жижаревъ*.

г) Къ Преображенской церкви с. Алешни, Лебединскаго уѣзда, старостою утвержденъ 9 апрѣля крестьянинъ *Кириллъ Архипенко*.

д) Къ церкви с. Охочей, Зміевского уѣзда, старостою утвержденъ 16 апрѣля крестьянинъ *Георгій Батищевъ*.

е) Къ церкви с. Черниговки, Старобѣльскаго уѣзда, старостою утвержденъ 10 апрѣля крестьянинъ *Мелетій Козлятинъ*.

ж) Къ церкви с. Никольско-Екатериновки, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ старостою 21-го апрѣля дворянинъ *Емельянъ Котовъ-Кодошанко*.

5) Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

Священникъ Петро-Павловской церкви с. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, *Николай Скитиковъ*, 6 апрѣля утвержденъ въ должности законоучителя Павловскаго 2 народнаго начальнаго училища.

6) О присоединеніи къ православію.

а) 18 марта священникомъ Введенской церкви с. Нижней Писаревки, Волчанскаго уѣзда, *Михаиломъ Рудневымъ*, присоединенъ въ православіе изъ іудейства *Мсеръ Мордковичъ*.

б) 10 марта священникомъ церкви с. Верхняго Салтова, того же уѣзда, *Іоанномъ Панкратьевымъ*, присоединена изъ штундо-толстовской секты въ православіе *Пелагія Бородавка*.

в) 11-го апрѣля священникомъ Харьковской Единовѣрческой церкви, *Сампсономъ Холоповымъ*, присоединена изъ раскола австрійскаго толка въ православіе крестьянка *Александра Гусева*.

6) Вакантныя мѣста.

а) Діаконскія:

При Рождество-Богородичной ц. с. Дергачей, Харьк. уѣзда.

б) Псаломщицкія:

При Покровской ц. с. Любовки, Богодух. уѣз.

— Митрофаніевской ц. с. Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда.

II.

Содержаніе. Слово на день Торжественнаго Входа Господня въ Іерусалимъ. *Свящ. І. Артинскаго*.—Призваніе современныхъ народныхъ пастырей. *Свящ. Н. Загоровскаго*. Непринужденная бесѣда. *Свящ. Н. Липскаго*.—Миссіонерскій листокъ. Изъ области „Подгорновщины“. *Архимандрита Арсенія*.—Епархіальная хроника. Памяти отца.—Иноепархіальный отдѣлъ. Церковная юбилейная комиссія.—Праздникъ нищихъ дѣтей.—Обращеніе Архіепископа Антонія Волынскаго.—Призывъ на защиту церковной школы.—Разныя извѣстія и замѣтки. Укрѣпленіе добрыхъ навыковъ.—Объявленія

С Л О В О

на день Торжественнаго Входа Господня въ Іерусалимъ

(18-го марта 1912 года).

(Радость людей и слезы Господа).

*И видѣвъ градъ (Іерусалимъ),
Исусъ плакася о немъ (Лук. 19, 41).*

Сегодня Православная Церковь въ священныхъ молитвахъ, пѣснопѣніяхъ и дѣйствіяхъ (раздача вербовыхъ вайи

особенно) празднуетъ торжественный входъ Господа въ Иерусалимъ. Первое, что выступаетъ передъ нашимъ взоромъ въ настоящемъ праздникѣ, это „слава Господня“, съ какой встрѣчали и какой окружали шествующаго въ Иерусалимъ „Царя Кроткаго и Милостиваго“ Его св. ученики и множество народа—отцы и дѣти ихъ. Картина—по истинѣ трогательная и умилительная! Господь направляетъ Свой путь въ Иерусалимъ, гдѣ, по Его же пророческому слову, „Сынъ Человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ и княжникамъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его язычникамъ на поруганіе и бїеніе и распятіе; и въ третій день воскреснетъ“ (М. 20, 18. 19). Исполняя волю Своего любимаго Учителя, Апостолы приводятъ Господу ослицу съ осленкомъ, покрываютъ своими одеждами осленка, на которомъ и возсѣдетъ Спаситель (Лук. 19, 35). Открывается единственное въ своемъ родѣ по торжественности шествіе. Апостолы постилаютъ одежды свои по дорогѣ. И когда Іисусъ „приблизился къ спуску съ горы Елеонской, все множество учениковъ начало въ радости велегласно славить Бога за всѣ чудеса, какія видѣли они, говоря: „благословенъ Царь, грядущій во имя Господне! миръ на небесахъ и слава въ вышнихъ!“ (Луки 19, 37. 38). Въ это время Иерусалимъ представлялъ изъ себя особенное оживленіе: приближалась іудейская Пасха, и для участія въ этомъ праздникѣ собрались, быть можетъ, сотни тысячъ вѣрующихъ не только изъ окрестныхъ мѣстностей, не только изъ городовъ, селъ и деревень Самаріи, Галилеи, но и изъ многихъ областей „разсѣянія“, не только іудей, но и прозелиты изъ языческихъ народовъ. И вотъ когда стало извѣстно о приближеніи къ городу Давидову „Сына Давидова“, явившаго Себя множествомъ знаменій, пророчествъ и чудесъ,—всѣ, кто могъ, поснѣжили въ срѣтеніе Учителю и Чудотворцу. „Множество народа постилали одежды свои по дорогѣ; другіе рѣзали вѣтви съ деревъ и постилали по дорогѣ“. Къ этимъ знакамъ уваженія и радости присоединились мощныя по своей силѣ привѣтствія. „Осанна Сыну Давидову! восклицалъ народъ, вторя ученикамъ Христовымъ,—благословенъ Грядущій во имя Господне! осанна въ вышнихъ!“ (Мѡ. 21, 8. 9). Повидимому, радость и Апостоловъ и народа была чиста и искренна: Апостолы беззавѣтно любили Своего Го-

снода и Учителя; ради Него оставили и дома, и братьевъ, и сестеръ, и отца, и мать, и жену, и земли; для нихъ вся жизнь была заключена въ Господѣ, „Сынѣ Бога Живаго“. Къ этимъ движеніямъ сердечнымъ, быть можетъ, присоединились такъ нерѣдко ироявлявшіяся у Апостоловъ, присутія и всѣмъ іудеямъ того времени, чувства ожиданія Мессіи — Царя земнаго, который бы далъ избранному народу, вмѣстѣ съ свободой вѣры въ единаго, истиннаго Бога и исповѣданія ея, свободу и отъ тяжелаго и ненавистнаго всѣмъ иноземнаго и иновѣрнаго владычества. И Апостолы радовались, видя въ открывшемся торжествѣ исполненіе своихъ чаяній и надеждъ. Вмѣстѣ съ ними радовался и народъ, видѣвшій отъ Иисуса многія чудеса, испытавшій на себѣ безконечную любовь и нѣжность Того, Кто, по слову пророка, „льна курящагося не угасилъ и трости надломленной не поломалъ (Исаи, 42, 3). Господь не препятствовалъ изливаться мыслямъ и чувствованіямъ окружавшихъ Его. Больше того. Когда нѣкоторые фарисеи изъ среды народа сказали Ему: „Учитель! запрети ученикамъ Твоимъ“, Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: „сказываю вамъ, что если они умолкнутъ, то камни возопіютъ“ (Лук. 19, 39. 40). Тѣмъ не менѣе, приблизившись къ городу и смотря на него, Иисусъ „заплакалъ о немъ“.

Не кажутся-ли намъ съ вами, братіе, эти слезы Господа неожиданными, непонятными и даже, быть можетъ, смущающе-странными? Вѣдь мы привыкли слышать и читать въ св. Евангеліи, что Спаситель съ радующимися радуется и только съ плачущими плачетъ. Вотъ Господь, напр., на бракѣ въ Канѣ Галилейской. Всѣ радуются, празднуя начало новой—*семейной* жизни. И Спаситель сорадуется радующимся и умножаетъ ихъ радость чудомъ претворенія воды въ вино. Вотъ Господь въ домѣ Закхея—мытаря, „искавшаго видѣть Иисуса“. Радуется Закхей, принимая у себя Дорогого Гостя, и въ восторгѣ сердечнаго веселія даетъ обѣтъ раздать половину своего имѣнія нищимъ и вознаградить четверицею, „кого чѣмъ обидѣлъ“. Сорадуется съ нимъ и Господь, благовѣствуя: „нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ—сынъ Авраама; ибо Сынъ Человѣческой пришелъ взыскать и спасти погибшее“ (Лук. 19, 9. 10). Здѣсь-же, во время торжественнаго входа въ Іерусалимъ, когда торжество и радость свѣтлой своей волной заливаютъ души и Апостоловъ

и народа, когда весь городъ отъ радости „приходитъ въ движеніе“, *одинъ* Господь плачетъ, *одинъ* Господь не принимаетъ дѣятельнаго участія во всеобщемъ ликованіи и „видѣвъ градъ, плакася о немъ“. Что это значитъ? Осуждаетъ-ли Христосъ Своими слезами радость окружающихъ Его и радость людскую вообще? Нѣтъ и нѣтъ; но Своими слезами научаетъ насъ истинной радости. Господь видѣлъ вокругъ Себя ликованіе, слышалъ радостныя восклицанія: „Осанна Сыну Давидову!“ Но отъ Его Божественнаго всевѣдѣнія не сокрыты были ни источникъ, ни конецъ этой радости. За этими ликующими „осанна“ Онъ уже слышалъ полное остыненія и ярости „распи, распи Его!“ Сквозь эти сіяющія радости лица Онъ видѣлъ уже искаженныхъ злобой и ненавистью людей, которые вслѣдъ за своими вождями и руководителями-фарисеями не оставятъ Его—Божественнаго Страдальца въ покоѣ даже на крестѣ и будутъ въ насмѣшку взывать къ Нему: „! разрушающій храмъ и въ три дня создающій! спаси Себя Самого и сойди со креста!“ (Марк. 15, 29. 30). За лучемъ просвѣтлѣнія въ сердцахъ окружающихъ искры образа и подобія Божія Господь видѣлъ густой еще мракъ грѣха, царствующаго „въ сынахъ противленія“, и поэтому плакалъ объ Иерусалимѣ, говоря: „о, если бы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служить къ миру твоему! Но это сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ; ибо придутъ на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопани, и окружатъ тебя, и стѣснятъ тебя отвсюду, и разорятъ тебя, и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ, за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего“ (Лук. 19, 42. 43. 44). Вотъ въ чемъ причина слезъ Господа среди общей радости! Въ этомъ же и наученіе истинной, христіанской радости.

Не всякая радость есть подлинно таковая, приносящая съ собою миръ съ Богомъ и людьми и счастье внутренняго равновѣсія. Радуется богачъ, умножая свое богатство, не подозревая, что, быть можетъ, въ сію же почъ душу его „истяжутъ отъ него“,—и тогда „кому вся сія будутъ?“, забывая, что его богатое благополучіе, быть можетъ, куплено дорогою цѣною непосильнаго труда безвѣстныхъ и скромныхъ труженниковъ, великою жертвою лишеній, слезъ и даже несчастій „труждающихся и обремененныхъ“. Это-ли истин-

ная радость? И можетъ-ли Господь и теперь сорадоваться такой радости?

Радуется человѣкъ, возвышающійся въ своемъ величїи и власти все больше и больше, не подозрѣвая, что его личное возвышеніе и власть созидаются, быть можетъ, на униженїи и притѣсненїи другихъ, такъ же, какъ и онъ, искупленныхъ безцѣнною кровїю Господа Иисуса Христа. Войдетъ ли въ храмину и такой радости Спаситель сорадующимся? Радуется честолюбецъ, всѣми превозносимый, всѣми прославляемый, забывая, что сегодняшняя похвала можетъ завтра смѣниться порицанїемъ и поношенїемъ, не подозрѣвая, что его честь, его слава, быть можетъ, утверждаются на безчестїи и безславїи другихъ. Можетъ-ли и такой радости сорадоваться Господь, сказавшій: „горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо; ибо такъ поступали съ лжепророками отцы ихъ!“ (Лук. VI, 26).

Всѣ эти и подобные виды радости есть лишь много-различныя проявленїя радости мірской, радости „по обычаю міра сего“, радости, питающейся своекорыстіемъ въ явной или скрытой ея формѣ. Такою радостїю въ большей долѣ радовался и народъ, окружавшій Господа во время Его торжественнаго входа, радовался потому, что хотѣлъ въ Немъ видѣть полезнаго для себя Царя земнаго, а не Царя истины, пришедшаго на землю для основанїя царства духа, правды, мира, истины и радости о Духѣ Святомъ. Такою радостью охваченъ былъ народъ и тогда, когда Господь чудесно насытилъ его (5000) пятью хлѣбами и двумя рыбами: Иисусъ осудилъ эту низменную, чувственную, „душевную“ радость, когда сказалъ искавшимъ Его: „вы ищете Меня не потому, что видѣли чудеса, но потому, что ѣли хлѣбъ и насытились“ (Іоан. 6, 26). Такою (мірскую) радость имѣлъ въ виду Господь и во время прощальной Своей бесѣды съ учениками, когда, предсказывая будущую судьбу Своихъ учениковъ, сказалъ: „вы восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша въ радость будетъ... и радости вашей никто не отниметъ у васъ“ (Іоан. 16, 20. 22).

Радость „міра сего“ рождается на землѣ, живетъ на землѣ и умираетъ на землѣ, не возводя радующагося на

вершину любовнаго единенія съ Первоисточникомъ всяческой радости—Богомъ. Свѣтъ вѣчной радости о Богѣ, съ Богомъ и для Бога не имѣеть здѣсь, въ мірскомъ сердцѣ, доброй почвы, а—или падаетъ (по выраженію притчи) на землю при дорогѣ, и налетѣвшія птицы клюютъ его; или падаетъ на каменистую почву и увядаетъ, не имѣя глубины земли; или, наконецъ, падаетъ на тернистую почву и заглушается возшедшимъ терніемъ.

Совершенно иной характеръ имѣеть христіанская радость, истекающая изъ источника вѣры въ Бога, надежды на Его милосердіе, любви къ Нему. Начинаясь на землѣ, она уже здѣсь становится небесной и путеводитъ человѣка-христіанина въ вѣчныя и свѣтлыя обители Отца Небеснаго. Бѣ ничто и никто, дѣйствительно, не можетъ ни замѣнить, ни умалить, ни отнять у христіанина—ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни голодъ, ни нагота, ни опасности, ни мечъ, ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь (срвн. Римл. VIII. 35. 37—39). Посмотрите на св. Апостоловъ или св. мучениковъ и мученицъ, имѣющихъ радость о Духѣ Святомъ, радость о Господѣ; „ихъ злословятъ—они благословляютъ; ихъ гонятъ—они терпятъ; ихъ хулятъ—они молятъ; ихъ мучаютъ и терзаютъ, камнями побиваютъ, на крестахъ распинаютъ,—они прощаютъ и умоляютъ Господа „не вмѣнить грѣха“ (срвн. 1 Коринф. IV, 13—14; Дѣян. Ап. VII, 60).

Съ какою же радостію въ сердцѣ и мы съ вами, братіе, принимали вчера отъ священнослужителей „знаменія побѣды“? Съ какою радостію совосклицали Господу славы: „осанна! Благословенъ Грядущій во имя Господне!“ Съ радостію-ли Апостоловъ, запечатлѣвшихъ свою вѣру жизнію и мученическою кончиною? Или—избави Богъ—съ радостію народа, который не узналъ времени посѣщенія Божія, не вразумился ни знаменіями, ни чудесами, и свое радостное „осанна!“ съ преступнымъ легкомысліемъ замѣнилъ яростнымъ „распни!“

Вглядимся въ свои движенія сердечныя, вдумаемся пристальнѣе въ свою жизнь въ преддверіи великихъ дней Страстной Седмицы, и если бы наши чувства, наши мысли оказались подобными чувствамъ и мыслямъ распявшихъ нѣкогда Господа, припадемъ къ подножію креста Христова и

будемъ молить Божественнаго Страдальца: „Боже! будь милостивъ къ намъ—грѣшнымъ! Помяни насъ во Царствіи Твоемъ! Аминь.

Законоучитель Харьковской 2-й гимназіи,
Священникъ Іоаннъ Арминскій.

Призваніе современныхъ народныхъ пастырей.

(Изъ письма къ собрату пастырю-миссіонеру).

Спаситель сказалъ: „Огонь пришелъ Я низвестъ на землю и какъ желалъ-бы, что бы онъ уже возгорѣлся“!.. (Лук. 12, -49).

Возлюбленный о Господѣ собратъ и собратникъ на нивѣ
Христовой!

(Продолженіе) *).

По истинѣ, до тяжелаго времени въ жизни нашей Церкви Христовой дожили мы съ тобой, возлюбленный о Христѣ собратъ! И всякій разъ, когда предъ моимъ духовнымъ взоромъ встаетъ эта удручающая душу картина, мнѣ невольно приходитъ мысль: не есть-ли уже наше время предвѣстникъ и начало тѣхъ тяжелыхъ дней, о которыхъ предрекалъ нашъ Божественный Пастыреначальникъ и Господь Іисусъ Христосъ, какъ о послѣднихъ дняхъ предъ кончиной міра и Его вторымъ и славнымъ пришествіемъ на землю для праведнаго и страшнаго суда надъ человѣчествомъ, когда однажды, Сидя со Своими учениками на горѣ Елеонской, Онъ говорилъ: „берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ; ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: „я Христосъ“ и многихъ прельстятъ. Такъ же услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежитъ всему тому быть. Но это еще не конецъ: ибо возстанетъ народъ на народъ и царство на царство, и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ; все же это начало болѣзней. Тогда будутъ предавать васъ на мученія и убивать васъ; и вы будете ненавидимы всѣми народами за имя Мое. И тогда соблазняются многіе; и другъ друга будутъ предавать, и возненавидятъ другъ друга; и многіе лжепророки возстанутъ и прельстятъ многихъ; и по причинѣ умноженія беззаконія во

*) См. ж. „В и Р“, от. Извѣстій и Замѣтокъ № 3 за 1911 годъ.

многихъ охладѣетъ любовь“ (Матѳ. 24, 4—12)?!.. Не есть-ли наше время начало тѣхъ дней, о которыхъ со скорбію пророчески предупреждаютъ насъ въ своихъ божественныхъ писаніяхъ столпы Церкви—св. Апостолы Христовы, говоря: „Итакъ, внимайте себѣ и всему стаду“,—умоляетъ ап. Павелъ,—„въ которомъ Духъ Святой поставилъ васъ блюстителями, пасты Церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ Кровію Своею. Ибо я знаю, что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада; и изъ васъ самихъ возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою. По сему бодрствуйте. (Дѣян. 20, 28—31)?!.. „Дѣти! последнее время“,—воскликаетъ св. Іоаннъ Богословъ. „И какъ вы слышали, что прійдетъ антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ; то мы и познаемъ изъ того, что последнее время... Ибо всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ прійдетъ, и теперь есть уже въ мірѣ“ (Іоан. 2, 18; 4, 3)!.. Не видимъ-ли мы, мой другъ, какъ все это уже въ извѣстной мѣрѣ почти воочію совершается теперь предъ нашими глазами въ печальныхъ событіяхъ и знаменіяхъ нашего времени, и кажется: словно близится уже тотъ страшный день и часъ испытанія для вѣрующихъ во Христа, въ который объявится и „самъ антихристъ“, когда, по слову апостола, „откроется человекъ грѣха, сынъ погибели, противящійся и превозносящійся выше всего называемаго Богомъ, или святынею, такъ что въ храмъ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога“ (2 Тессал. 2, 3—4)!..

Враговъ вѣры и церкви вездѣ мы видимъ во множествѣ и отовсюду слышимъ ихъ богохульныя рѣчи и лжеученія: гдѣ же вѣрныя и вдохновенныя воинства съ своими побѣдными знаменами стройными и могучими полками выступающія на борьбу съ ними?.. Гибель многочисленныхъ чадъ св. православной матери-церкви, увлекаемыхъ вслѣдствіе ихъ легкомыслія волнами сектантства, социализма и безбожія, мы всѣ единодушно оплакиваемъ: кто же братски откроетъ всѣмъ этимъ „блуднымъ сынамъ“ любящія и милующія „отчія обятія“, кто пожалѣетъ сихъ заблудившихся овецъ стада Христова и, наставивъ и научивъ ихъ, пріютитъ ихъ на лонѣ своемъ?..

„Добрые пастыри“ Церкви Христовой,—вотъ отвѣтъ, который подсказываетъ мнѣ мое сердце... Только онъ одинъ— „добрый пастырь“—способенъ на этотъ великій подвигъ въ наши дни, только онъ одинъ, не взирая ни на трудности и опасности, можетъ пойти и пойдетъ по горамъ и стремянамъ отыскивать несчастныхъ, заблудившихся и погибающихъ овецъ Божьяго стада, пойдетъ спасать отъ духовной смерти „живыя христіанскія души“, за которыя Христосъ проливалъ Свою честную Кровь, а отыскавъ ихъ, самъ же на раменахъ своихъ принесетъ въ спасительную ограду церкви и станетъ вмѣстѣ съ ними радоваться о Господѣ!.. Изъ такихъ-то „добрыхъ пастырей“ должны составиться и цѣлые стройные полки „воинства Христова“, которые во всеоружіи опыта и знаній, подкрѣпляемые и вдохновляемые благодатію Христа Бога, должны смѣло выступить противъ надвигающихся враговъ православія... Итакъ, мы—пастыри церкви, видя наступившіе тяжелые дни для Церкви и вѣрующихъ, должны быть *особенно обидительны*, чтобы достойно стоять на высотѣ вѣреннаго намъ великаго пастырскаго дѣла и должны отдаться спасенію вѣрующихъ со всею нашею ревностію и усердіемъ... Къ этому зоветъ насъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ, говоря чрезъ Своихъ учениковъ: „берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ“, „смотрите, не ужасайтесь“; къ этому призываютъ насъ св. апостолы: „итакъ, внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святой поставилъ васъ блюстителями“, посему бодрствуйте!.. Будемъ же помнить, что это—*священный завѣтъ* нашъ, который мы особенно должны хранить и возгрѣвать въ своемъ сердцѣ... Мы—пастыри отъ временъ св. апостоловъ поставлены во главѣ великаго и святого дѣла Церкви, воинствующей на землѣ за спасеніе своихъ членовъ... Мы и должны *бодрствовать*, т. е. твердо и непрестанно помнить, что каждый пастырь *поставленъ на стражъ* Богомъ вѣренной ему паствы подъ страхомъ строгой отвѣтственности за своихъ пасомыхъ въ день страшнаго и праведнаго испытанія... „Я поставилъ тебя стражемъ дому Израилеву,—говоритъ каждому пастырю Господь Богъ устами пророка,—и ты будешь слушать слово изъ устъ Моихъ и будешь вразумлять ихъ отъ Меня, Когда Я скажу беззаконнику: „смертію умрешь“! а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобъ остеречь беззаконника отъ беззаконнаго пути его, чтобъ онъ

живъ бытъ, то беззаконникъ тотъ умретъ въ беззаконіи своемъ, и Я възвѣщу кровь его отъ рукъ твоихъ. Но если ты вразумлялъ беззаконника, а онъ не обратился отъ беззаконія своего и отъ беззаконнаго пути своего, то онъ умретъ въ беззаконіи своемъ, а ты спасъ душу свою" (Иезек, 3, 17—19). Слѣдовательно, ни на одну минуту пастырь не долженъ забывать, что его пастырскому попеченію ввѣрены Самимъ Богомъ „живыя христіанскія души“, изъ коихъ онъ, какъ домостроитель тайнъ Божіихъ, долженъ строить живой и нерукотворенный храмъ Господу, созидать на землѣ Царство Божіе, и которыя онъ долженъ защищать и сохранять отъ соблазновъ, ересей и раскола и всячески оберегать ихъ отъ „вратъ адовыхъ“ и вѣчной гибели... Правда, тебѣ уже извѣстны, другъ мой, всѣ мѣры и всѣ средства, которыми каждый пастырь церкви располагаетъ для борьбы съ расколосектантствомъ и которыя онъ въ настоящее время можетъ примѣнять съ великой пользой для охраненія своихъ пасомыхъ отъ многочисленныхъ соблазновъ со стороны невѣрія, иновѣрія, безбожія и сектантства; о нихъ,—объ этихъ мѣрахъ и средствахъ,—много уже писалось въ періодической печати, не мало говорилось и было сужденій и въ повременныхъ пастырско-миссіонерскихъ собраніяхъ... Истовое и благоговѣйное совершеніе всѣхъ церковныхъ богослуженій и церковно-приходскихъ требъ, неопустительное и ревностное проповѣдываніе слова Божія въ храмъ и при всѣхъ случаяхъ совершенія многочисленныхъ приходскихъ требъ, полемическія бесѣды съ сектантами въ публичныхъ собраніяхъ и на дому, общенародное пѣніе прихожанъ въ храмъ и при внѣбогослужебныхъ собесаждованіяхъ, миссіонерскія кружки и братства ревнителей св. православной вѣры, которыя стояли во главѣ „приходской миссіи“ въ каждой христіанской общинѣ, руководимой православнымъ пастыремъ, библейско-миссіонерскіе курсы въ приходѣ, „школьная миссія“, миссіонеры-книгоноши, усиленное распространеніе въ народѣ дешевой противосектантской литературы и популярныя брошюры для простаго народа, широкая приходская благотворительность, общества трезвости, „сестричныя братства“ православныхъ христіанскихъ женщинъ-ревнительницъ Церкви Божіей, и проч. и проч., все это такія прекрасныя и бесспорно *весьма полезныя* орудія для борьбы съ невѣріемъ и сектантствомъ въ

рукахъ cadaго православнаго пастыря, что остается только высказать пожеланіе: о, если бы эти „свѣтлыя огоньки“ усердіемъ „добрыхъ пастырей“ зажглись вездѣ и всюду въ приходяхъ, а не оставались только писанными на бумагѣ, они заискрились бы какъ яркія, путеводныя звѣзды въ небѣ и много, много свѣта—жизни внесли бы они въ наши дни въ нашу разстроенную приходскую жизнь, а такъ же, вѣрится, не одну слабую и немощную душу удержали бы отъ соблазна, не одну погибшую и заблудившую овцу спасли бы и возвратили въ Христову овчарню!.. Но я не объ этомъ хотѣлъ подѣлиться съ тобой, мой дорогой собратъ и соговарницъ, въ настоящихъ строкахъ моего письма и не на этихъ пастырско-миссіонерскихъ мѣрахъ и средствахъ хотѣлъ остановить твое вниманіе... *У насъ—пастырей св. православной церкви есть одно весьма важное и возвышенное, могучее и самое вѣрное средство, которымъ мы „можемъ угасить всю раскаленную стрѣлу лукаваго“ и которымъ должны особенно воспользоваться именно въ наши дни для охраненія нашихъ пасомыхъ, для торжества нашей св. вѣры и чести православной Матери-Церкви ввиду возставшихъ на нее многочисленныхъ враговъ и лжеучителей; на это средство указалъ намъ даже Самъ Пастыреначальникъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, между тѣмъ какъ объ этомъ средствѣ мы, кажется, меньше всего говоримъ и пишемъ, къ сожалѣнію; меньше всего надъ нимъ задумываемся, а оттого и не съ должнымъ усердіемъ стараемся проводить его въ жизнь и пользоваться имъ при исполненіи своихъ великихъ и высокихъ пастырскихъ обязанностей... Имѣй же терпѣніе выслушать мои нескладныя рѣчи до конца и ты поймешь въ чемъ дѣло...*

Прошу тебя, другъ мой, перенестись вмѣстѣ со мною мыслями на время ко днямъ земной жизни Христа Спасителя... Вотъ окончена прѣщальная бесѣда Христа Спасителя съ учениками... Выслушанъ учениками данный завѣтъ Небснаго Учителя, отходящаго къ Отцу Своему... Совершена вечеря. Воспѣта торжественная пѣснь. Христосъ Спаситель съ Своими учениками идетъ „на объ овъ полъ потока Кедрска“, направляясь къ горѣ Елеонской, гдѣ былъ садъ, именуемый „Геосиманія“. Здѣсь въ уединеніи, подъ покровомъ масличныхъ деревьевъ, въ тиши и безмолвіи, Христосъ любилъ проводить время въ молитвѣ...

Вотъ и самыя садъ Геосимаискій съ его тишиной и таинственностію. Часть учениковъ остается у входа въ садъ, а трое избранныйшихъ входятъ за Христомъ. „Тогда говоритъ имъ Исусъ: души Моя скорѣе смертельно, побудьте здѣсь и бодрствуйте со Мною... И отошедъ немного, палъ на лицо Свое, молился и говорилъ: Отче Мой! если возможно, да минуешь меня чаша сія: впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты, да будетъ воля Твоя!.. Явился же Ему Ангелъ съ небесъ и укрѣплялъ Его... И былъ потъ Его, какъ капли крови падающія на землю... Вставъ отъ молитвы, Онъ пришелъ къ ученикамъ и напелъ ихъ словами отъ печали и сказалъ имъ: такъ-ли не могли вы и одинъ часъ бодрствовать со Мною? Бодрствуйте и молитесь, что бы не впасть во искушеніе“... (Матѳ. 21, 36—41; Лук. 21, 43—45)!.. Вспомни, другъ мой, во все обстоятельство этой дивной, божественной Геосиманской ночи, въ которую начался страданія нашего Пастыреначальника и Господа за искупленіе міра, и подобной которой не было и не будетъ пока міръ стоитъ:

„Христось молился... Потъ кровавый
Съ чела попишкаго бѣжалъ...
За родъ людекой, за родъ лукавый,
Христось моленья возсылалъ“...

„Отче Мой! если возможно, да минуешь Меня чаша сія“!.. Ты знаешь, о какой чашѣ молился Христось... Эта чаша есть чаша беззаконій всеѣмъ человѣчествомъ содѣянныхъ и всеѣхъ козней ему уготованныхъ, которыя потопили бы весь міръ, если бы Онъ, Сыиъ Божій, Единъ добровольно не воспріялъ, не удержалъ, не испилъ ее!.. Христа Спасителя въ то время окружали особенно умножившіеся и злобные враги Его: враги вѣры, враги евангелія, враги основанной Имъ на землѣ церкви,—Онъ же, Божественный Наставникъ нашъ и Учитель, какъ видишь, въ эти тревожныя минуты Его земной жизни бодрствуетъ и возсылаетъ Отцу Небесному Свое крѣпчайшее и сильнѣйшее моленіе... „Да минуешь Меня чаша сія“!.. Предъ Его божественнымъ взоромъ открыта была вся судьба Церкви, основанной Имъ на землѣ и долженствующей пребыть до скончанія міра, вся злость іудеевъ, направленная противъ Его церкви, все гоненія и пытки, язычниковъ, вся кровь и мученія Его вѣрныхъ учениковъ и апостоловъ, св. мучениковъ и страстотерпцевъ;

Онъ провидѣлъ Своимъ божественнымъ взоромъ всѣ соблазны и паденія среди христіанъ, всѣ пороки и преступленія вѣрующихъ, всѣхъ лжепророковъ и лжеучителей всѣхъ вѣковъ и всѣхъ временъ; предъ Нимъ открыто было на протяженіи всѣхъ вѣковъ раздѣленіе Его „единаго стада“ дерзновенными мудрованіями „лжесловесниковъ“, оскудѣніе вѣры и любви въ основанномъ Имъ царствѣ вѣры и любви, возрожденіе безбожія въ нѣдрахъ самаго благочестія, явленіе антихриста и его многочисленныхъ предтечей, а равно и гибель всѣхъ послѣдующихъ за ними,—и всѣ сіи безчисленные потоки беззаконій съ предстоящими Ему крестными страданіями на Голгоѣѣ сливались для Іисуса Христа въ единую чашу „смертельной скорби“ и непостижимыхъ мученій“... Христосъ провидѣлъ, въ какомъ тяжеломъ положеніи во всѣ эти години испытаній“ будутъ находиться христіане, оставшіеся Ему вѣрными, какъ тяжело будетъ положеніе пастырей и учителей Его Церкви среди враговъ многочисленныхъ, и потому еще ранѣе Своего геѳсиманскаго подвига Онъ предрекалъ имъ въ лицѣ Своихъ учениковъ и апостоловъ: „чашу, которую Я пью, будете пить, и крещеніемъ, которымъ Я крещусь, будете креститься“ (Марк. 10, 39),—теперь же, въ саду Геѳсиманскомъ, Онъ трижды встаетъ отъ Своего молитвеннаго подвига, приходитъ къ Своимъ ученикамъ и, нашедши ихъ спящими, будить отъ сна и говоритъ: „бодрствуйте и молитесь, что бы не впасть во искушеніе“!.. „Невремя спать безпечно,—какъ бы такъ говоритъ Христосъ, когда враги со всѣхъ сторонъ подступаютъ и приближаются, бодрствуйте; молитесь, ибо молитвеннымъ подвигомъ побѣждается врагъ и удаляется всякое искушеніе“!..

Священникъ Николай Загоровскій.

(Окончаніе будетъ).

НЕПРИНУЖДЕННАЯ БЕСѢДА.

(Окончаніе)*).

Въ повѣсти Бабарыкина „Прорывъ въ вѣчность“, кромѣ Кошинцева и Суркова, мы встрѣчаемъ еще нѣсколько фи-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1911 годъ.

гурь, олицетворяющихъ въ себѣ вѣяніе времени—богоискательство различныхъ видовъ и формъ.

Заслуживаетъ вниманія поэтъ-символистъ Авенировъ. Трудно сказать, насколько онъ является искреннимъ богоискателемъ. Возможно, что богоискательство для него лишь средство для какихъ-либо постороннихъ цѣлей. Дѣло въ томъ, что Авенировъ, по словамъ его поклонницы Надежды Степановой, „и православный, и католикъ, и призываетъ бога Діониса, и считаетъ себя кандидатомъ въ богочеловѣки и дружитъ съ теософами; сегодня громитъ всякую „похоть“ и мечтаетъ о подвигахъ схимника и столпника, а завтра возглаголетъ святость „плоти“ и оправдываетъ всякій „сексуализмъ“, вплоть до хоровыхъ „радѣній“ въ „блаженномъ видѣ“, въ „божественномъ экстазѣ“. Для него всѣ вѣры равны. Его смущаетъ мысль о томъ, что такое тамъ—по ту сторону нашего жазкаго ограниченнаго міра, и онъ хочетъ проникнуть въ эту тайну. Но и тутъ онъ эгоистъ: онъ хочетъ разрѣшить эту тайну такъ, чтобы и самому непременно участвовать въ потустороннемъ бытіи въ качествѣ именно личности; поэтому-то его пугаетъ и отталкиваетъ теософское ученіе о будущей нирванѣ, ибо тамъ нѣтъ личнаго безсмертія, личнаго бытія, что всего дороже.

Авенировъ, которому надоѣла, повидимому, пылкая привязанность Степановой, познакомилъ ее съ теософками Прокофьевой и Диншъ въ надеждѣ, что онѣ направятъ ея вниманіе въ другую сторону. Степанова, страдавшая отъ равнодушія своего возлюбленнаго, надѣялась облегчить душу у Прокофьевой, которая нѣкогда сама испытала большое горе, потерявъ любимаго человѣка. Однако, надежды обманули Степанову: Прокофьева стала звать ее къ познанію тайнъ потусторонняго міра, къ самоочищенію, а Диншъ заморозила ее своей теософской ученостью. Тутъ, между прочимъ, обнаруживается, что для новыхъ теософовъ всѣ вѣры равны, они всѣхъ принимаютъ къ себѣ, не исключая и атеистовъ, лишь бы и эти стали на одинъ изъ путей, которые приводятъ къ высшему познанію великихъ тайнъ жизни. Ученіе теософовъ не можетъ быть сразу всѣмъ и каждому доступно. Христіанство нужно понимать символически. Масса приняла христіанство въ упрощенномъ видѣ, но сокровенная сущность его доступна лишь тѣмъ, кто посвященъ въ міръ

сверхчувственной истины, кто рѣшается пройти долгій искусъ, переходя отъ одного состоянія своего я въ другое.

Нисколько не оригиналенъ матеріалистъ и позитивистъ профессоръ Сумбуловъ, проповѣдующій, что жизнь есть самоцѣль. Ошибка современнаго культурнаго человѣчества, по его мнѣнію, въ томъ, что оно культивируетъ исключительно духъ, въ ущербъ тѣлу, а между тѣмъ духъ есть не болѣе, какъ орудіе и продуктъ жизни, а жизнь совпадаетъ съ матеріей. Если и впредь мы будемъ идти по тому же пути, то арійская раса обречена на вымираніе, а ея мѣсто займетъ желтая раса, которая не будетъ часть ставить на мѣсто цѣлаго, духъ на мѣсто жизни, не будетъ уходить въ безплодные и безцѣльные порыванія и дѣлать изъ духа—органа жизни единственный палладіумъ нашего бытія на нашей планетѣ.

Довольно загадочной личностью въ повѣсти является рабочій Елеазаръ со своей проповѣдью земного тѣлеснаго безсмертія. „Смотрите, говоритъ онъ, я вашъ ничтожный червь, а далъ генеральное сраженіе смерти. Она меня не мало усовѣщевала: „что молъ ты дѣлаешь, Елеазаръ? Ты незаконничаешь, всѣхъ зарывають въ землю, а ты объявилъ себя безсмертнымъ“. Вѣрь въ смерть—и получишь смерть; а я всегда буду жить. И тогда смерть озлилась на меня и стала меня еще пуще страшать. А я ей сказалъ: уйди ты отъ меня, нѣтъ во мнѣ страха! Только вѣчная жизнь на землѣ можетъ дать и общественную радость“.

Сумбуловъ и Елеазаръ въ повѣсти представляются до нѣкоторой степени какъ бы единомышленниками, понимаютъ и симпатизируютъ другъ другу. Однако, думается намъ, между матеріалистомъ, для котораго жизнь индивидуума есть лишь мимолетная искорка, вспыхивающая на короткое время, чтобы затѣмъ на вѣки погаснуть, и сумасброднымъ мечтателемъ, убѣжденнымъ въ безконечности этой земной, тѣлесной жизни,—дистанція огромнаго размѣра.

Кромѣ характеризованныхъ только что лицъ, въ повѣсти выступаютъ и православные начетчики, и свободные христіане, и даже „товарищи“, открыто заявляющіе, что ни къ какому исповѣданію они не принадлежатъ, и призывающіе къ борьбѣ, къ беспощадной борьбѣ съ государствомъ, капитализмомъ, барской наукой и утонченной культурой, пригодной лишь

на то, чтобы закрѣпить честный пролетаріатъ подъ власть хищниковъ.

Таковы эти современныя вѣянія! Таковъ сумбуръ самыхъ противоположныхъ вѣрованій, взглядовъ, убѣжденій! Оторвавшись отъ единой вѣчной истины, истины христіанства, человѣчество разбѣлелось въ разныя стороны, ища, чѣмъ бы утолить духовный голодъ и жажду. Но нисякъ чистый источникъ истины, а новаго не найти, и приходится поэтому утолять мучительную жажду мутной, нездоровой, болотной водой разнаго рода превратныхъ ученій. Отсюда эти „прорывы въ вѣчность“ разнаго рода богоискателей: новохристіанъ, теософовъ, модернистовъ, сектантовъ рационалистовъ и прч. и прч. Словомъ, насталъ какой-то хаосъ, напоминающій состояніе вещества передъ сотвореніемъ міра. И хочется вѣрить, что послышится скоро творческій голосъ: „Да будетъ свѣтъ“! И засіяетъ свѣтъ Христовой истины надъ мятущимся человѣчествомъ, придутъ все къ познанію Бога истиннаго, возвратятся въ лоно единой святой православной церкви. Да, хочется этому вѣрить.

Отъ Боборыкина позвольте перейти къ Меньшикову, къ его ратованіямъ противъ общаго образованія духовенства, противъ знакомства духовнаго юношества съ науками свѣтскими и потому будто бы безбожными. Такой переходъ будетъ вполнѣ естественнымъ, ибо при видѣ тѣхъ религіозныхъ шатаній, какія мы наблюдаемъ въ современномъ обществѣ, при видѣ всехъ этихъ „прорывовъ въ вѣчность“, богоискательствъ, естественно спросить: какъ же все это должно реагировать духовенство и какимъ оно само должно быть? Меньшиковъ на это отвѣчаетъ: духовенство должно держаться подальше отъ интеллигенціи, подальше отъ свѣтской науки; съ нею достаточно той благодати, какую священникъ получаетъ въ таинствѣ священства, достаточно знакомства съ Библіей да твореніями святыхъ отцовъ.

„Задуманная архіеп. Сергіемъ реформа духовной школы, говоритъ Меньшиковъ, предлагается въ такомъ видѣ: шесть лѣтъ изъ юноши будутъ дѣлать по преимуществу язычника и четыре года—по преимуществу христіанина. Въ теченіе шести лѣтъ привьютъ въ юношѣ свѣтское, энциклопедическое, диллетантское міросозерцаніе, втянутъ его въ привычку относиться ко всему безбожно (ибо свѣтскія науки тѣмъ и

отличаются отъ духовныхъ, что онѣ разсматриваютъ міръ безъ Бога), и затѣмъ, когда молодая душа безповоротно будетъ передѣлана на интеллигентскій ладъ, анти-священный по существу,—ее еще на нѣсколько лѣтъ погружать въ разбавленную свѣтскими предметами духовную книжность. Въ результатъ обратныхъ другъ другу операций долженъ выйти настырь душъ, учитель вѣры“.

Такъ какъ мы ведемъ лишь непринужденную бесѣду, а не пишемъ какой-либо ученый трактатъ, то мы не станемъ опровергать взглядъ Меньшикова ссылками на св. отцовъ, не чуждавшихся свѣтскаго образованія, а напротивъ пользовавшихся произведеніями языческихъ писателей для защиты христіанства противъ язычниковъ же; не будемъ указывать на примѣръ западныхъ богослововъ, изучающихъ естественныя науки, работающихъ въ физическихъ кабинетахъ и лабораторіяхъ университетовъ, чтобы во всеоружіи знанія выступить на защиту религіи отъ нападковъ со стороны лжеименной науки. Въмѣсто всего этого я ограничусь своими личными воспоминаніями и наблюденіями.

Лѣтъ пятнадцать—двадцать тому назадъ я былъ священникомъ въ деревнѣ, въ самомъ центрѣ малороссіи и кромѣ того благочиннымъ. Въ моемъ округѣ было около двадцати приходовъ. Нельзя сказать, чтобы это было особенное захоlustье, такъ какъ тутъ проходили двѣ пересѣкающіяся линіи желѣзныхъ дорогъ и было не далеко два довольно значительныхъ уѣздныхъ города. Тѣмъ не менѣе хохлы этой мѣстности были порядочными домосѣдами, отхожихъ промысловъ не знали и потому по деревнямъ была простота нравовъ, патриархальность, за исключеніемъ двухъ—трехъ селъ, гдѣ были вокзалы ж. дорогъ, а слѣдовательно достаточно пришлаго элемента. Духовенство также жило совершенно спокойно, не тревожась ни за штунду, ни за какое-нибудь вольнодумство, безбожіе и т. п. Многіе изъ батюшекъ, особенно стариковъ, ничего не читая, не интересуясь никакой политикой, по своему умственному развитію мало чѣмъ отличались отъ своихъ прихожанъ. Помню своего близкаго сосѣда о. Петра Вахновскаго. Въ то время ему было около семидесяти лѣтъ. Весь свой вѣкъ онъ прожилъ въ одномъ и томъ же очень маленькомъ и очень бѣдномъ приходѣ въ с. Бонорахъ.

Живя въ бѣдномъ приходѣ и имѣя тринадцать чело-
вѣкъ дѣтей, о. Петръ умудрился, однако, дать всѣмъ дѣ-
тямъ хоть какое нибудь образованіе. Тутъ, впрочемъ, много
помогла ему супруга, которая прекрасно умѣла вести хозяй-
ство и сбывала продукты своего хозяйства: масло, яйца,
птицу всякаго рода въ сосѣднемъ городѣ. И вотъ только та-
кимъ путемъ можно было содержать огромную семью. Иное
дѣло, что о. Петръ за хозяйственными и семейными заботами
рѣшительно не имѣлъ ни времени, ни охоты что-нибудь по-
читать, кромѣ епархіальныхъ извѣстій, да и то лишь тѣхъ
отдѣловъ, гдѣ рѣчь шла о распоряженіяхъ начальства, о пе-
реводахъ и назначеніяхъ на приходы священниковъ и т. п.;
все другое оставалось не только не читаннымъ, но и не
разрѣзаннымъ. И нельзя осуждать человѣка за это. Поду-
майте: въдѣ тринадцать ртовъ въ семьѣ, не считая себя и
жены! Припоминается курьезный случай, происшедшій однаж-
ды въ семьѣ о. Петра. Лѣтомъ во время сѣнокоса вся семья
была на дугу: кто съ косой, кто съ граблями, а малыши тутъ
же на рѣкѣ удили рыбу. На ночь пришли домой, поужинали
и разошлись спать—кто на сѣноваль, кто въ амбаръ, а кто
въ садъ подъ дерево. За ужиномъ не догадались подсчитать,
вся ли семья въ сборѣ, а ночью тѣмъ болѣе нельзя было
провѣрить наличность семьи. Только на утро, собираясь
снова на работу, замѣтили, что не хватаетъ семилѣтняго
Гриши. Разумѣется, снарядили поиски. Искали безуспѣшно
цѣлый день, рѣшили, что утонулъ въ рѣкѣ. Какъ вдругъ
вечеромъ мужичекъ приводитъ Гришу домой. Оказывается,
что онъ вчера забрелъ на сѣнокосъ къ этому мужичку, да
тамъ и заночевалъ. Днемъ мужику нельзя было оторваться
отъ работы, чтобы отвести Гришу домой, поэтому онъ отло-
жилъ до вечера. „А я ужъ подумалъ—было, рассказывалъ
мнѣ о. Петръ, не утонулъ ли мальчуганъ, купаясь въ рѣкѣ,
и хоть и жалко стало, а надо сознаться, что въ то же время
утѣшалъ себя мыслию: все—моль меньше ртовъ останется!“
Вотъ и извольте послѣ этого осуждать человѣка за отсут-
ствіе высшихъ духовныхъ потребностей и интересовъ.

И однакожь, какъ пастырь, о. Петръ былъ въ то время на
своемъ мѣстѣ. Паства и не предъявляла какихъ-либо такихъ
запросовъ, для удовлетворенія которыхъ потребовались бы
знанія, высокое умственное развитіе и т. д. Можно было

обходиться совершенно свободно безъ общаго образованія. Такъ было пятнадцать-двадцать лѣтъ назадъ.

Но посмотрите, что произошло потомъ.

Въ прошедшемъ году я посѣтилъ этотъ свой родной уголокъ. О. Петра я уже не засталъ въ живыхъ; на его мѣстѣ теперь молодой священникъ о. Николай Захаровъ. Я познакомился съ нимъ. Онъ недавно окончилъ семинарію въ числѣ лучшихъ учениковъ, производитъ впечатлѣніе умнаго и развитого чаловѣка. Въ приходѣ с. Боноръ произошли кое-какія внѣшнія перемѣны. По сосѣдству устроенъ помѣщикомъ сахарный заводъ, гдѣ Боноровцы имѣютъ заработокъ, не отлучаясь далеко отъ дома; появилась заводская интеллигенція: механики, сахаровары, приказчики разнаго рода, которые сразу же внесли новую и едвали желательную струю въ патріархальныя нравы деревни; прибавьте сюда революціонную и анархистскую литературу, какою наводнили деревню 1905—6 годы, и вы поймете, что за переворотъ долженъ былъ произойти въ доселѣ тихомъ, спокойномъ патріархальномъ уголкѣ. На это мнѣ сталъ жаловаться о. Николай.

— „Трудно, говорилъ онъ, теперь стало въ деревнѣ нашему брату. Отовсюду страшный натискъ на твердые доселѣ патріархальныя устои. Съ одной стороны, революціонеры мутятъ крестьянъ, особенно деревенскую молодежь, съ другой стороны, наша отколовшаяся отъ церкви интеллигенція проповѣдуетъ какое-то новое христіанство, христіанство безъ догматовъ, безъ чудесъ и, пожалуй, безъ самого Христа. Вотъ, напр., наша попечительница земской школы, дочь мѣстнаго помѣщика, выросшая за границей, наслушавшаяся нѣмецкихъ пасторовъ, рѣшительно преслѣдуетъ меня за то, что на урокахъ Закона Божія въ школѣ я знакомлю дѣтей съ сектантскими заблужденіями и разъясняю ихъ несостоятельность.— „Помилуйте, батюшка, Христосъ заповѣдалъ любовь даже къ врагамъ, а вы сѣете въ дѣтскихъ сердцахъ вражду къ людямъ иныхъ вѣрованій. Пусть себѣ они, сектанты эти, заблуждаются въ какихъ-либо мелочахъ. Это не бѣда. Важно то, что они все-таки христіане“.— Ясное дѣло, что и учительскій персоналъ также на сторонѣ попечительницы. Вотъ и приходится бороться одному противъ многихъ, да еще и довольно сильныхъ и власть имѣющихъ. Но сей-

часть дѣло не такъ еще скверно, а вотъ года три назадъ было гораздо хуже. Попалъ въ школу учителемъ выгнанный студентъ, рѣшительный атеистъ, къ счастью, впрочемъ, мало развитой, такъ что для меня не представляло особеннаго труда выходить побѣдителемъ въ тѣхъ диспутахъ, на которые онъ частенько старался меня вызвать, надѣясь поставить въ тупикъ, сконфузить, да еще при постороннихъ.

— „Въ наше время, такъ обыкновенно начиналъ свои раціи учитель, когда прогрессъ двигается такими гигантскими шагами, когда положительная наука сдѣлала такіа необыкновенныя завоеванія, странно держаться за тотъ архаическій пережитокъ, который называется религіозной вѣрой, мистикой“. Ну, обыкновенно попросишь его перейти отъ общаго къ болѣе частному. Спросишь, напр., какую именно онъ разумѣетъ науку, какое завоеваніе ея. И тутъ очень не трудно было показать полное невѣжество моего оппонента въ области не только какой-нибудь біологіи, на которую онъ часто ссылался, но и элементарной физики и химіи. Послѣ этого мой оппонентъ обыкновенно начиналъ до—нельзя горячиться, что для меня было рѣшительно выгодно: аудиторія наша, состоявшая почти всегда изъ однихъ и тѣхъ же лицъ: второй учительницы, фельдшера и волостного писаря, переходила на мою сторону, видя доказательство моей правоты уже въ моемъ спокойствіи; да и кромѣ того, если хотите, и нѣкоторая моя освѣдомленность въ физикахъ и химіяхъ, нельзя сказать, чтобы не производила выгоднаго впечатлѣнія. У насъ всѣ привыкли думать, что семинаристы совершенные невѣжды по части свѣтскихъ наукъ, особенно математики. Однажды учительница, бывшая гимназистка, прямо заявила, что она поражается моей освѣдомленностію въ области наукъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ богословію. Я поэтому съ благодарностью вспоминаю нашего семинарскаго математика, который умѣлъ заинтересовать учениковъ своимъ предметомъ и заставилъ серьезно работать“.

Вотъ отсюда г. Меньшиковъ можетъ видѣть, что иной разъ не только въ городѣ, а и въ глухой деревнѣ священнику можетъ понадобится знакомство съ свѣтской наукой: физикой, химіей, а пожалуй, съ геологіей и палеонтологіей. А потому-то и не слѣдуетъ ограничивать и урѣзывать семи-

нарскую программу такъ, чтобы семинаристы изучали лишь Библию да святыхъ отцовъ, какъ это рекомендуетъ Меньшиковъ.

Свящ. Н. Липскій.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ИЗЪ ОБЛАСТИ „ПОДГОРНОВЩИНЫ“.

Однимъ изъ почитателей старца Подгорнаго прислано мнѣ письмо, изъ котораго видно, что даже лучшіе люди, попавшіе въ водоворотъ этого религіознаго броженія, пробавляются свѣдѣніями и слухами, исходящими изъ источниковъ нечистыхъ, и потому постепенно сами себя вооружаютъ противъ церкви православной и пастырей ея. Этого человѣка я знаю еще въ бытность приходскимъ пастыремъ въ слоб. Дергачахъ. Зналъ за человѣка церковнаго, религіознаго и жившаго по законамъ заповѣдей Божіихъ. Въ настоящее время онъ, несомнѣнно, состоитъ въ числѣ рьяныхъ почитателей старца Подгорнаго и, очевидно, кѣмъ то предвзято неправильно освѣдомленъ о тѣхъ разсужденіяхъ, какія велись на съѣздѣ Харьковскихъ миссіонеровъ въ концѣ ноября минувшаго года по поводу „Подгорновщины“. Вотъ что онъ пишетъ въ письмѣ.

Ваше Высокопреподобіе, дорогой о. Арсеній! Читая газету за 2 декабря, я очень былъ радъ узнать, что и вы присутствовали на миссіонерскомъ съѣздѣ. Вѣрно и вы слышали о Подгорномъ, что послѣдователей его называютъ: хлыстами, шарлатанами и сектантами. Я думаю, что вамъ, когда вы были въ Дергачахъ, извѣстно, что мы за люди, какъ напр. А. Е. Г—а и я—Гр. А. Д—о. Я былъ въ вашей богадѣльнѣ и въ вашемъ скиту. Хотя бы вы на съѣздѣ за насъ заступились. Неужели ученымъ и умнымъ людямъ такъ можно клеветать на невинныхъ и беззащитныхъ? Но у насъ есть защитникъ, который сказалъ: *взыщу погибшихъ овецъ отъ вашихъ пастырскихъ рукъ.* Значитъ, если мы погибаемъ, то и вы за насъ должны отвѣтить. Какъ прискорбно, что теперь пастыри, не заботятся о пасомыхъ и о спасеніи ихъ душъ! Г-нъ Кунцевичъ называетъ насъ сектантами, хлыстами и

шарлатанами. За что? онъ развѣ не видитъ кто и гдѣ шарлатаны; ему все это извѣстно. Итакъ, прошу васъ защитите насъ и, если можно вамъ, приѣдьте къ намъ на миссіонерскую бесѣду въ скоромъ времени.

Вашъ духовный сынъ Тр. Д—о.

Если это не противно для васъ, просилъ бы святого отвѣта и совѣта.

Мои служебныя поѣздки помѣшали во время дать отвѣтъ на это письмо. Теперь же я ему посылаю такой отвѣтъ.

Дорогой во Христѣ братъ

Тр—мъ!

Ваше любезное письмо я получилъ. Дѣйствительно, я былъ на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Харьковѣ и слышалъ, когда говорили за „Подгорновцевъ“. Но я не слышалъ, чтобы Л. З. Кунцевичъ называлъ почитателей старца Стефана шарлатанами. Приходскіе священники докладывали и свои доклады сопровождали письменными документами о томъ шарлатанствѣ, какое творится въ Ахтырскомъ уѣздѣ тѣми, которые, прикрываясь именемъ старца Стефана, поносятъ православныхъ пастырей и творятъ всякія самочинія; не отдѣляясь отъ церкви православной, они не слушаютъ ея уставовъ и даже поносятъ. Что здѣсь шарлатанство—съ этимъ нельзя не согласиться. Или признавай церковь, которая есть столпъ и утверженіе истины (1 Тим. 3, 15), будь послушнымъ сыномъ ея и слушай гласа ея пастырей и домостроителей таинъ Божіихъ (1 Кор. 4, 1); или, если тебѣ не любо, отдѣлись и ищи лучшаго. Въ церкви Христовой дѣйствуетъ Духъ Святой и думаетъ, что эта церковь осуетилась, значитъ изрекать хулу на Духа Святаго. Что касается такихъ почитателей старца Стефана, какъ А. Е. Г—ко и вы, то я на съѣздѣ говорилъ, что, бывши священникомъ въ Дергачахъ, я посѣщалъ дома ихъ, бесѣдовалъ и ничего дурного не находилъ. Значитъ вамъ неправильно передали, что я не заступился. Прислушиваясь же ко всему и безпристрастно судя на основаніи слова Божія, я долженъ по совѣсти сказать, что въ этомъ религіозномъ броженіи, извѣстномъ подъ именемъ „Подгорновщины“, не все обстоитъ благополучно. Не касаюсь самого старца, который, благодаря непрестанной молитвѣ братіи обители, могъ и прежніе грѣхи искупить и теперь, можеть быть, чуждъ прелести духовной; не касаюсь

тѣхъ добрыхъ православныхъ христіанъ, которые чтутъ въ немъ не больше какъ старца—инока, умудреннаго опытомъ жизни и искушеннаго, могущаго и искушаемымъ помочь добрымъ совѣтомъ. Но я осуждаю тѣхъ, которыя приписываютъ ему больше, нежели онъ есть на самомъ дѣлѣ; я осуждаю тѣхъ, которые подъ его именемъ придумываютъ ложныя чудеса и т. п. Здѣсь старцу надлежало бы громко и во всеуслышаніе прокричать изъ обители: остановитесь! что дѣлаете? Я тоже человѣкъ! (Дѣян. 10, 26).

Горе міру отъ соблазновъ, ибо надобно придти соблазнамъ; но горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ, (Мѣ. 18, 7).

Храни васъ Господь!

Съ любовію о Господѣ

Архимандритъ Арсеній.

Къ моему прискорбію и прискорбію моего „духовнаго сына“ Тр. Д—о, я долженъ сопроводить эту переписку всемъ неприятными свѣдѣніями о старцѣ Подгорномъ, полученными мною послѣдними днями на Пескахъ подъ Изюмомъ.

Одна почтенная старушка богомолка вотъ что мнѣ рассказала въ присутствіи священника и другихъ свидѣтелей. Въ минувшемъ году весной она вмѣстѣ съ одной своей товаркой отправилась на богомолье въ Саровъ къ преподобному Серафиму. На пути съ ними встрѣтилась ихъ знакомая, жительница Песокъ, Анна Соломка, которая везла богомольцевъ и нѣсколько вагоновъ всякаго добра къ Подгорному въ Суздаль. Анна убѣдила и этихъ двухъ заѣхать на благословеніе къ старцу, только при этомъ предупредила, чтобы старцу не говорили, что онѣ ѣдутъ въ Саровъ, такъ какъ онъ этого не любитъ. Смутилась старушка нѣсколько отъ такого предупрежденія и, желая испытать, что изъ этого выйдетъ, сказала старцу Подгорному: благословите намъ въ Саровъ! Лице старца нахмурилось и онъ всемъ не любезно сказалъ: а! въ Саровъ? ну ѣдьте себѣ! При этомъ сказалъ приблизительно слѣдующее: вотъ нѣкоторыя женщины прячутъ отъ мужей деньги, воруютъ, а потомъ ѣдутъ въ Саровъ, Кіевъ и т. п. Зачѣмъ это? въ Кіевѣ тамъ монахи мѣшками золото носятъ, а молиться не молятся, да и въ Саровѣ тоже. А нѣтъ того, чтобы въ нашу обитель принести что; тутъ молятся, тутъ бѣдныя. Приблизительно тоже сказалъ и

о Святогорскомъ монастырѣ, назвавъ монаховъ дармоѣдами и даже предсказавъ, что и Св. Горы и Изюмъ скоро западутъ, провалятся, такъ какъ оттуда ничего не присылаютъ въ Суздаль.

Тяжело, передаетъ старушка, намъ было слушать это, тѣмъ болѣе, что на Пескахъ есть такая великая святыня—чудотворный образъ Божіей Матери, да и въ Св. Горахъ много святынь, и вдругъ все это старцемъ поносится только за то, что ему не присылаютъ вагонами. Когда мы задумали, продолжаетъ старушка, поговѣть и приступить къ исповѣди, то Анна насъ предупредила, чтобы мы не шли на исповѣдь къ о. казначею, такъ какъ старецъ его не любитъ; но мы рѣшили принять исповѣдь отъ о. казначея, который насъ какъ родной отецъ обласкалъ и ради насъ раннюю обѣдню самъ отслужилъ. Передъ ранней обѣдней въ храмѣ поднялся крикъ. Монахъ, который торгуетъ свѣчами, кричалъ, что старецъ не благословляетъ о. казначею служить раннюю, будетъ служить такой-то іеромонахъ. Однако тутъ явился самъ о. казначей и сказалъ, что старецъ не имѣетъ права тутъ распоряжаться, а особенно о. казначеемъ. На насъ, говоритъ старушка, это произвело самое неприятное впечатлѣніе и мы подумали: что же это за старецъ праведный, какъ его называютъ почитатели, если онъ и самъ не повинуется о. казначею и другихъ на то наставляетъ, да еще въ храмѣ крикъ поднимаетъ. Всѣ почитательницы старца на насъ разгнѣвались, а особенно Анна. Присутствовали мы, передаетъ старушка, когда разбирались гостиницы и подарки, привезенные старцу; разборка и сортировка происходила въ его присутствіи при главномъ участіи какой то Іустиніи. Вещи сортировались, а деньги старецъ себѣ забиралъ въ карманъ. При немъ живутъ какіе то его внуки. Старушка заключила, что нехорошо тамъ чувствуется около старца, все какіе то темные люди, кликуши и т. п., совсѣмъ иное дѣло въ Саровской обители, гдѣ все творится съ миромъ и любовью. Вотъ теперь пусть и разрѣшатъ вопросъ почитатели старца: почему онъ не любитъ Саровской обители, Кіева, Св. Горъ? Зачѣмъ онъ внушаетъ богомольцамъ недовѣріе къ инокамъ другихъ обителей? Развѣ такъ поступаютъ настоящіе старцы? А если нѣтъ, то настоящій ли старецъ онъ? Не страсть ли корысти играетъ здѣсь роль? Если не дай Богъ

такъ, то тогда вполне объяснима вѣчная критика со стороны почитателей старца православныхъ пастырей, которые путемъ разъясненій и разоблаченій предъ своимъ пасомымъ истиннаго смысла „Подгорновщины“ прекращаютъ притокъ наживы.

Вразуми Господи и просвѣти сидящихъ во тьмѣ!
Архимандритъ Арсеній.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

ПАМЯТИ ОТЦА.

(Некрологъ).

*„Яковъ живомъ нами есть?
цвѣтъ, и дымъ, и роса утренняя
воистинну“....*

Погреб. стихир. Гласъ 2.

16 января сего 1912 г. тихо скончался, отъ старческаго склероза, среди всей собравшейся семьи своей отецъ мой, заштатный священникъ Архангело-Михайловской церкви с. Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда, Іоаннъ Даниловичъ Щербининъ, 78 лѣтъ отъ роду. За всю свою долгую жизнь онъ прошелъ всѣ степени духовнаго служенія до священника включительно; всего-же на духовно-епархіальной службѣ состоялъ 56 лѣтъ.

Духовную школу мой отецъ проходилъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, то-есть именно въ то время, когда существовала еще у насъ въ Россіи знаменитая „бурса“ съ ея своеобразною жизнью, строжайшимъ режимомъ, особенными „типами“ бурсаковъ и т. д.

И я, будучи еще малышомъ, много-много разъ съ захватывающимъ интересомъ слушалъ, бывало, безконечные, живые, полные иногда юмора рассказы о ней своего отца. Поэтому, и не читая еще Помяловскаго или Нарѣжнаго, я уже представлялъ себѣ прошлую „бурсу“. Когда-же, потомъ, чрезъ сорокъ лѣтъ (въ 1886 г.) я поступилъ и самъ въ то именно Харьковское Духовное Училище, гдѣ когда-то учился отецъ, я удивлялся: какъ непохожа была въ мое время училищная жизнь на ту, о которой рассказывалъ отецъ. Замѣчательно, что отецъ мой, какъ и другіе, насколько я знаю, глубокіе старики, учившіеся когда-то въ бурсѣ, несмотря на пере-

житый строжайшій режимъ своего воспитанія, съ добрымъ чувствомъ и благодарностью вѣдомнать всегда своихъ начальниковъ и воспитателей, и многихъ изъ нихъ поминалъ при совершеніи проскомидіи. Прекрасная черта добраго стараго времени!

Въ ту пору, т. е. въ сороковыхъ годахъ, существовало еще и въ нашей Харьковской губерніи чумачество, теперь, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, отошедшее въ область преданій.... Много интереснаго рассказывалъ, бывало, намъ-дѣтямъ отецъ и объ этомъ. Отъ Харькова до Славянска тогда еще не было желѣзной дороги, такъ что отцу моему приходилось иной разъ ѣздить домой на каникулы (вакаціи) вмѣстѣ съ чумаками, охотно бравшими съ собою бурсачка, по просьбѣ матери (отца уже не было въ живыхъ). Средства на продолженіе образованія въ духовной семинаріи у матери не было, поэтому отцу пришлось въ слишкомъ молодыхъ годахъ (восемнадцати лѣтъ) поступить на духовную службу, чтобы оказывать какую нибудь помощь и матери.

И все долгое служеніе Церкви пройдено отцомъ, слава Богу, тихо, безропотно, благоговѣнно. Жизнь-же его пролетѣла, какъ ему казалось,—какъ одинъ день, какъ сонъ; „будто и не жилъ“.... вотъ его подлинныя слова.

Послѣдніе десять лѣтъ отецъ прослужилъ въ с. Журавномъ, Ахтырскаго уѣзда, гдѣ при церковномъ домѣ, на мѣстѣ прежняго пустыря, развелъ чудный садъ съ разными дорогими сортами яблонь, грушъ, сливъ, вишенъ и т. п.

Садъ этотъ можно считать однимъ изъ лучшихъ церковныхъ садовъ въ округѣ. Отецъ любилъ садоводство, прекрасно понималъ это полезное дѣло и отдавался ему всей душой. Много имъ было затрачено и своихъ средствъ на приобрѣтеніе хорошихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ.

Съ прихожанами мой отецъ и мать всегда жили просто, относились къ нимъ сердечно; мать всегда помогала, на сколько могла, многимъ больнымъ прихожанамъ своими совѣтами, дѣлилась съ ними имѣвшимися подъ руками лекарствами, и вообще по многимъ дѣламъ прихожане ходили бывало за совѣтомъ къ старикамъ—моимъ родителямъ.

И что трогательно: народъ не забылъ своихъ прежнихъ бабюшку и матушку и послѣ ухода отца за штатъ, когда мои родители переселились на жительство въ г. Ахтырку, многіе прихожане навѣщали ихъ. Радовался всегда и отецъ, когда увидить, бывало,

хотя изъ окна, когонибудь изъ Журавлянъ, ѣдущихъ мимо дома въ городъ или изъ города.

Когда же умеръ отецъ (16 января), то, несмотря на ужасную стужу, около тридцати душъ бывшихъ прихожанъ пришли изъ Журавнаго въ Ахтырку, чтобы вырыть могилу, расчистить снѣгъ по дорогѣ къ кладбищу, вынести тѣло усопшаго въ соборъ и, послѣ погребенія, на кладбище. Трогательно было для насъ-дѣтей такое вниманіе ихъ. Спасибо отъ всей нашей семьи и Ахтырскому духовенству: все оно вмѣстѣ съ настоятелемъ собора, протоіереемъ о. Гавріиломъ Бѣлоусовымъ, и благочиннымъ, отцемъ Феодоромъ Юшковымъ, участвовало въ выносѣ тѣла въ соборъ, а также и при погребеніи, въ составѣ 11 священниковъ и 6 діаконѣвъ.

Отецъ протоіерей Бѣлоусовъ предъ „последнимъ цѣлованіемъ“ сказалъ прекрасную, глубокосердечную рѣчь, посвященную памяти почившаго. Въ своей рѣчи о. Бѣлоусовъ широко развилъ ту мысль, что „путь пастырскаго служенія—путь тернистый, на которомъ служителей Христовыхъ встрѣчаетъ и зависть, и клевета, и недоброжелательство, и злоба; и который требуетъ отъ пастырей терпѣнія, кротости, смиренія, покорности волѣ Божіей, а главное—самоотверженной, безкорыстной любви къ своему пастырскому служенію“. При этомъ о. протоіерей похвалилъ также и усердіе бывшихъ прихожанъ моего отца, жителей с. Журавнаго, не забывшихъ своего батюшку и пришедшихъ издалека, чтобы отдать ему послѣдній долгъ.

Погребенъ отецъ на городскомъ кладбищѣ, возлѣ правой стѣны храма, согласно его горячему желанію: найти и покой отъ земныхъ трудовъ вблизи Божьяго храма.

Покойся-же, милый прахъ, до радостнаго утра! За твою глубокую вѣру, простоту и нѣжную любовь къ намъ-дѣтямъ да упокоитъ тебя Господь въ селеніи праведныхъ!

Священникъ Владиміръ Щербининъ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Церковная юбилейная комиссія.

15 марта въ Епархіальномъ домѣ подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Анастасія, епископа Серпуховскаго, состоялось засѣданіе Московской церковной комиссіи по чествованію историческихъ событій 1612, 1613 и 1812 годовъ.

Прежде всего было выслушано письмо оберъ-прокурора Св. Синода на имя председателя комиссiи, извѣщавшее, что Государь Императоръ, благосклонно принявъ поднесенныя Его Величеству, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Августѣйшимъ Дочерямъ Ихъ Величествъ картины и книги, изданныя къ трехвѣковой кончинѣ святѣйшаго патріарха Гермогена, изволилъ найти ихъ тщательно и прекрасно исполненными и Всемилоствѣйше соизволилъ благодарить за означенныя подношенія.

Затѣмъ комиссiя утвердила условія, заключенныя съ двумя нарчевыми фирмами на изготовленіе юбилейныхъ ризъ для всего московскаго духовенства къ августовскому крестному ходу въ память Отчественной войны 1812 года, и избрала издательскую подкомиссiю для изготовленія книгъ и картинъ въ память этой войны.

Той же подкомиссiи поручено разсмотрѣть представленную председателемъ издательской комиссiи при Училищномъ Совѣтѣ при Св. Синодѣ протоіереемъ І. П. Тихомировымъ иллюстрированную рукопись объ избраніи на царство Михаила Теодоровича Романова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено возбудить предъ министромъ путей сообщенія ходатайство о представленіи въ апрѣлѣ въ распоряженіе комиссiи отдѣльнаго экстреннаго поѣзда на Бородинское поле, какъ для ея членовъ, такъ и для группъ учащихя въ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Рѣшено также въ апрѣлѣ приступить, подъ руководствомъ директора Московской Консерваторiи М. М. Ипполитова-Иванова, къ организаціи народныхъ хоровъ, которые будутъ исполнять пѣснопѣнія на предстоящихъ юбилейныхъ торжествахъ. („Москов. Вѣд.“).

Праздникъ нищихъ дѣтей.

Преосвященнѣйшій Митрофанъ, Епископъ Екатеринбургскій и Ирбитскій, подалъ благую мысль Обществу Милосердія дать возможность дѣтямъ нищимъ исполнить христіанскій долгъ Исповѣди и Св. Причастія Великимъ постомъ.

Мысль Преосвященнаго Архипастыря нашла горячій откликъ среди представительницъ Дамскаго Комитета Общества Милосердія и тѣ съ сердечнымъ участіемъ взялись за ея осуществленіе. По всѣмъ участкамъ, на которые раздѣленъ городъ, было сдѣлано соответствующее оповѣщеніе. Желających говѣть въ каждомъ участкѣ нашлось по нѣскольکو человекъ. Всѣмъ имъ были выданы одежда, обувь и бѣлье. Въ пятницу на шестой недѣлѣ дѣти исповѣдались

въ разныхъ приходскихъ церквахъ и утромъ въ субботу подъ наблюдениемъ участковыхъ дамъ прибыли въ Крестовую церковь.

Прибывшимъ были выданы крестики отъ Братства Св. Пр. Сумеона, тотчасъ же съ замѣтною радостью надѣтые дѣтьми, до сихъ поръ не имѣвшими ихъ, быть можетъ, никогда еще въ своей жизни. Нищія матери, пришедшія въ церковь за своими дѣтьми и принесшія сюда другихъ своихъ маленькихъ дѣтей, стали просить, чтобы и этимъ малюткамъ были даны св. крестики, а также и имъ самимъ. Просьбы ихъ, конечно, были удовлетворены.

Оригинальную картину представляла Крестовая церковь въ этотъ день. Впереди у амвона расположилась принаряженная въ платье съ чужого плеча дѣтвора. Причесанныя рукою заботливыхъ дамъ головки, умытыя личики, веселые глазенки, довольныя лица— все это придавало толпѣ праздничный видъ. Нищій ребенокъ—такой надоѣдливый на улицѣ, оборванный, грязный, жалкій, жалобно пристающій ко всѣмъ—куда то спратался на время, исчезъ, а на мѣсто его осталось просто дитя милое, славное, наивное, довѣрчивое...

Стоя впереди всѣхъ, дѣти съ любопытствомъ озирались вокругъ, внимательно приглядывались къ невиданному Архіерейскому служению и, какъ бы вспомнивъ, гдѣ они, вдругъ начинали усиленно креститься. Сѣрые будни, черные дни, голодь и холодь—все на время уплыло куда то изъ дѣтскихъ головокъ и смѣнилось радостью момента, и эта радость такъ и бьется наружу, заражая собою всѣхъ присутствующихъ.

Простоявъ литургію, дѣти причастились Св. Таинъ изъ рукъ Архипастыря, получили каждый по просфорѣ и прослушали благодарственныя молитвы.

Изъ храма причастившіяся Св. Таинъ дѣти гурьбой направились въ столовую для учащихъ, гдѣ имъ отъ имени Владыки былъ предложенъ обѣдъ.

Обращеніе Архіепископа Антонія Волынскаго.

Приближаются выборы въ четвертую Государственную Думу и духовенство не можетъ уклониться отъ исполненія своего гражданского долга. Но оно должно заранѣе предвидѣть, что партійность и политическія страсти при всякой выборной системѣ обычно съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разыгрываются и потому на этотъ разъ не такъ легко намъ будетъ удержаться на честной, достойной пастырѣй, объединяющей всѣ русскія силы, позиціи, какую занимало волынское духовенство въ предыдущіе выборы. Намъ теперь нужно

больше вниманія къ дѣлу, энергія, чѣмъ прежде, и *безусловное единеніе всего духовенства*, ибо недоброжелатели Церкви и народа будутъ употреблять всѣ усилія, чтобы разбить единомысліе духовенства и тѣмъ лишить его прежняго вліянія.

При выборахъ въ первыя три Гос. Думы волынское духовенство открыто и честно шло по исторически вѣрной дорогѣ, во главѣ народа, и этою посредствующею и объединяющею работою волынского духовенства объясняются тѣ справедливыя и дружественныя отношенія, какія установились между русскими людьми всѣхъ сословій и званій при распредѣленіи депутатскихъ мѣстъ въ Думу отъ Волыни, въ чемъ врядъ-ли какая еще губернія превзошла Волынь.

Прошу духовенство епархіи и при выборахъ въ 4-ю Государственную Думу идти тою же вѣрною, прежнею дорогою, объединяя народъ и поддерживая русскихъ убѣжденныхъ землевладѣльцевъ и прочихъ интеллигентныхъ людей, могущихъ стать защитниками интересовъ Православной Церкви и меньшихъ своихъ братьевъ.

Центромъ для такой церковно-народной работы въ прежніе выборы была св. гора Почаевская, откуда Волынь получала единство направленія и дѣйствій.

Только при всецѣломъ объединеніи всего духовенства, и народа, и патріотовъ всѣхъ сословій и на этотъ разъ, возможно и теперь столь же честно и справедливо провести выборы и послать отъ Волыни истинно-достоинныхъ представителей.

Храни Богъ нашу Волынь, чтобы для нея выборы не обратились въ систему шантажа, подкуповъ, борьбы партійныхъ интересовъ и честолюбивыхъ счетовъ, какъ это мы видимъ въ несчастной сосѣдней Галиціи. Пусть у насъ они совершаются подъ кровомъ Церкви, предъ Богомъ, въ единеніи всѣхъ вѣрныхъ Церкви и Россіи сыновъ.

А посему еще разъ прошу духовенство съ низшимъ клиромъ и учителями отнестись къ своему великому гражданскому долгу съ любовью и непремѣнно идти на предстоящихъ выборахъ указанною, единственно-вѣрною дорогою.

Архіепископъ Антоній.

Призывъ на защиту церковной школы.

Екатеринбургскій Преосвященный Владыка Митрофанъ обратился къ духовенству съ приглашеніемъ встать на защиту церковной школы. Духовенство, пишетъ Владыка, должно бодро, какъ одинъ человекъ, встать на защиту, гдѣ это нужно, нашей родной, тысяче-

лѣтней церковной школы, всегда высоко державшей знамя истиннаго просвѣщенія въ народѣ, не опускавшей его въ самыя бѣдственныя времена исторической нашей жизни и вносившей въ среду темноты и невѣжества народнаго лучъ Христова свѣта, лучъ лучшаго и полезнѣйшаго званія и умѣнья, теплоту назиданія, утѣшенія и вразумленія чрезъ пѣснопѣнія духовныя и обогащавшей примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей житейскую практическую мудрость народа. Буду считать всякій упадокъ церковно-школьнаго дѣла въ епархіи доказательствомъ пастырскаго нерадѣнія, непредпріимчивости и незаботливости въ этомъ отношеніи. О чемъ и объявляю всему духовенству къ исполненію вмѣстѣ съ повторяемымъ призывомъ стать бодро на стражѣ нашей церковной школы, разумною, терпѣливою, усердною дѣятельностію оживить и усовершенить дѣло церковно-школьнаго обученія и воспитанія, дабы этимъ очевиднымъ уещѣхомъ убѣдить и заставить, наконецъ, прозрѣть и тѣхъ, которые не видѣли или просмотрѣли великое дѣло, совершенное и совершаемое нашею церковною школою. („Екатериноб. Еп. Вѣд.“).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Укрѣпленіе добрыхъ навыковъ.

Повтореніе упрочиваетъ усвоеніе и дѣлаетъ пріобрѣтенное знаніе собственностью. Напоминаніе нравственныхъ правилъ укрѣпляетъ хорошія привычки и облагораживаетъ волю человѣка. Такой пріемъ по пути развитія особенно нуженъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Въ 240 № „Сельскаго Вѣстника“ за прошлый годъ помѣщена статья: „Швейцарская начальная школа и что она даетъ населенію“. Статья эта такова, что на нее нужно обратить вниманіе всѣмъ учащимъ и учащимся.

О великомъ воспитательномъ значеніи швейцарской школы можно судить по тому, что въ каждомъ классѣ васъ прежде всего поражаетъ выставленное на стѣнѣ обращеніе къ дѣтямъ слѣдующаго содержанія:

1) Дитя мое, поспѣшай въ школу, не теряй времени въ дорогѣ и приходи всегда къ назначенному времени.

2) Не приходи съ грязнымъ лицомъ или грязными руками и непричесанною головою, ибо школу надо уважать.

3) Входя въ школу, поклонись учителю и школьнымъ товарищамъ.

4) Сейчасъ иди къ своему мѣсту и приготовь все, что тебѣ нужно для приступа къ ученію.

5) Никогда не забывай, что Господь видитъ все, что ты говоришь, и знаетъ, что ты думаешь.

6) Дитя мое, люби и уважай своего учителя, который посвящаетъ свою жизнь на обученіе тебя; исполняй немедленно и безъ ропота все, что онъ приказываетъ.

7) Слушай со вниманіемъ (все), когда онъ говоритъ съ тобою, и отвѣчай съ уваженіемъ на его вопросъ.

8) Не показывай неудовольствія или непочтенія, когда онъ тебя наказываетъ,—онъ это дѣлаетъ для твоей пользы.

9) Никогда не обманывай своего учителя, ибо обманъ—это ложь, а Господь ненавидитъ лжи.

10) Дитя мое, люби своихъ школьныхъ товарищей, какъ братьевъ.

11) Всегда защищай тѣхъ, которые меньше тебя.

12) Старайся всемъ показывать добрый примѣръ.

13) Никогда не отвѣчай зломъ за зло и не сохраняй въ сердцѣ своемъ злобы.

14) Не завидуй, но старайся сравняться съ тѣми, которые больше тебя знаютъ или лучше себя ведутъ.

15) Никогда не доноси на твоихъ товарищей съ цѣлью повредить имъ, но если учитель спроситъ тебя объ ихъ поведеніи,—откровенно скажи всю правду.

16) Не смѣйся ни надъ невѣжественными дѣтьми, ни надъ тѣми, которымъ ученіе дается съ трудомъ, ни надъ калѣками, ни надъ бѣдными. Будь милосердъ къ послѣднимъ и сдѣлай что-нибудь для нихъ или помоги имъ чѣмъ-нибудь.

17) Боже тебя сохрани оскорблять или тѣмъ болѣе бить своихъ товарищей и никогда не бери себѣ то, что имъ принадлежитъ.

18) Дитя мое, не забывай, что въ школу ходятъ, чтобы трудиться. Кто не хочетъ трудиться,—не долженъ и ѣсть. Трудись, чтобы получить познанія: ты этимъ угодишь Богу, родитѣ и твоимъ роднымъ.

19) Не теряй времени надъ тѣмъ, что тебѣ не нужно. У тебя мало времени даже для приобрѣтенія необходимыхъ тебѣ познаній.

20) Чѣмъ бы ты въ школѣ ни занимался, приложи къ тому все твои силы, ибо полезное дѣло должно быть хорошо сдѣлано.

21) Не болтай съ сосѣдями и не шуми въ школѣ.

22) Уважай школьный домъ, не марай ни партъ, ни стѣнъ, ни школьной мебели.

23) Держи книги въ чистотѣ, дабы онѣ долго могли тебѣ служить. Соблюдай порядокъ въ твоихъ тетрадяхъ. Не портъ и не теряй вещей, данныхъ тебѣ кѣмъ-либо или твоимъ товарищемъ.

24) По дорогѣ домой изъ школы не трогай, не мучай животныхъ, не залѣзай въ чужіе сады, огороды или усадьбы, не марай стѣнъ надписями; всякая собственность должна быть уважаема.

25) Будь вѣжливъ и почтителенъ со всѣми, не забывай завѣта Священ. Писанія: „встань предъ сѣдинами и уважь старика“.

26) Школьные задачи исполни прежде всего; лишь обязанность исполнивъ, можно веселиться.

27) Дорогое дитя, пріобрѣтай познанія; они всю жизнь будутъ тебѣ нужны; но вмѣстѣ съ тѣмъ будь добродѣтельнымъ; не забывай, что лучшее пріобрѣтеніе есть мудрость. Все, чего можетъ желать человѣкъ, ея не стоитъ“.

Въ швейцарскихъ школахъ эти правила неослабно, послѣдовательно проводятся въ книгахъ для чтенія и внушаются учащимся въ теченіе 8-лѣтняго ихъ пребыванія въ школахъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ПРАВЛЕНІЕ

Харьковскаго Городскаго Кредитнаго Общества

извѣщаетъ, что съ 5-го апрѣля с./г. открыта подписка на

5% закладные листы 0-ва по **86** р. за **100** номиналь-ныхъ.

При подпискѣ вносится въ задатокъ 5% съ покупной цѣны наличными деньгами или %/о бумагами; остальные при сдачѣ листовъ, по мѣрѣ выдачи 0-мъ ссудъ по недвижимости.

Закладные листы погашаются не покупкой на биржѣ, а исключительно тиражами по 100 руб. за 100 номинальныхъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ ПРАВЛЕНІИ ОБЩЕСТВА

(Сумская, 29, телеф. 2202)

и въ слѣд. банкахъ: Азовско-Донскомъ, Городскомъ, Купеческомъ, Русско-Азіатскомъ, Спб. Международномъ, Взаимн. Кред. Приказчиковъ, 1-го Взаим. Кредита, Взаимн. Кред. Горнопромышлен. Юга Россіи, 3-го Взаимн. Кредита.

Открыта подписка на 1912 г.

„СВѢТОЧЪ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

НА 6-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ

Ежемесячный Иллюстрированный литературно-научный журналъ по программѣ обычной для ежемесячниковъ, съ особымъ отдѣломъ „На помощь Семьѣ и Школѣ“ и отд. журналомъ для дѣтей—„Маленькій Свѣточъ“.

Внесшіе **4 руб.** за годъ получаютъ: **12** №№ иллюстр. журнала „СВѢТОЧЪ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“ (обращено вниманіе на ото браженіе жизни перомъ и карандашомъ). **5** №№ иллюстр. „МАЛЕНЬКАГО СВѢТОЧА“—чтеніе для дѣтей. **1** кн.—„ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ“ (Текстъ и иллюстраціи). **1** кн.—„НАШЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ВЪДЮЮ ГОРУ и САРОВЪ“, о. М. А. Пеньковскаго,—очерки со многими иллюстраціями. **1** вып.—„ЦВѢТОЧНОЕ КРУЖЕВО“—легенды о цвѣтахъ (новая серия)—М. В. Лысковскаго.

Въ 1912 году между прочимъ въ журналѣ будутъ напечатаны: 1) романъ А. В. Круглова: „Мудрые и Неразумные“ 2) „Старцы земли Русской“ (Новгородъ, Кіевъ, Москва, Псковъ, Тверь, Смоленскъ и др.). Рядъ художествен. историч. очерковъ съ иллюстраціями. М. В. Лысковскаго. 3) „Разказы изъ духовнаго быта“—Р. И. Смирнова. Въ каждомъ №-рѣ БЕСѢДА А. В. Круглова. Въ 1912 году въ журналѣ будетъ напечатанъ рядъ писемъ литературн. и общ. дѣятелей, подъ названіемъ „ГОЛОСА ОТШЕДШИХЪ“.

Всѣ подписчики 1912 г., высылающіе деньги сразу за 1912 и 1911 года, платятъ за **оба года** вмѣсто **8** руб. всего только **7** руб. Подписная цѣна за годъ съ достав. и пересылкой по Имперіи **4** руб. Допускается разсрочка: **2** р. при подпискѣ и **2** р. къ 1 марта. За границу **6** р. **50** к. за годъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго, д. гр. Олсуфьевой; во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ ИЗВѢСТНЫЕ ПИСАТЕЛИ И УЧЕНЫЕ.

Редакторъ-издатель *А. В. Кругловъ.*

„СВѢТОЧЪ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

Г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа Рекомендованъ гг. Начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній и гг. Директорамъ народныхъ училищъ.

Учебнымъ Отд. Министерства Путей Сообщенія рекомендованъ въ техническія желѣзнодорожныя и въ начальныя общія желѣзнодорожныя училища.

Главн. Управл. Военно-учебныхъ заведеній журналъ допущенъ въ ротныя бібліотеки воен. училищъ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ допущенъ къ выискѣ въ бібліотеки второклассныхъ и церк.-уч. школъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведения Высокопреосвященнаго Амвросія, Архiepископа Харьковскаго; какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведения Высокопреосвященнаго Арсенія, Архiepископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведения другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственнос развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архiepископъ Иннокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каволической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“—В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“, Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импронизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ едино-вѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес. прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес. прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихристѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. П. Липинскаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминонъ.